

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1945–1960).
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**

**Новый роман Стейнбека «Консервный ряд»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

февраль 1945

В конце 1944 г. вышел новый роман Дж. Стейнбека «Консервный ряд» («Cannery Row»). Ниже приведены два отзыва американской прессы о нем.

* * *

В своем последнем небольшом романе автор «Гроздьев гнева» и «О мышцах и людях» возвращается к настроению давно написанной им повести «Тортилла флэт» и рассказывает нам о нескольких симпатичных, но неисправимых лентяях на берегу океана у Монтерея. Мак и его приятели работают только тогда, когда это совершенно необходимо, все остальное время они наслаждаются жизнью в бакалейной лавке Ли Чонг, в борделе мадам Доры, в океанской лаборатории, где хозяйничает в единственном числе Доктор (Док) и в мебелирашках Палас.

Сюжет так же прост, как сценарий фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. Неоднократно повторяющееся утверждение – какие все парни замечательные – скоро надоедает, хотя оно подкреплено большими доказательствами, чем подобное же утверждение Сарояна, у которого Стейнбек теперь, по-видимому, многое заимствует. Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «Гроздьев гнева», в данной же книге его оттесняет на задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей. Когда же мы узнаем в коварном Ли Чанге ни кого иного как язычника-китайца, мы открываем, что, несмотря на легкий аромат Сарояна, мы на самом деле возвращаемся в блестящее и фальшивое царство Брет-Гарта.

Ф.О. Матиссен. Нью-Йорк Таймс Риверсиз Уикли. 31.12.1944.

* * *

Место действия нового романа Джона Стейнбека – уютное селение на Калифорнийском берегу в Монтерей Каунти – то место, которое Стейнбек превосходно знает. Жители «Кэннери Роу» – самый случайный ассортимент человеческих существ, какой мог создать только Стейнбек. Но, несмотря на общую живописную декорацию и на привлекательные свойства героев «Консервного ряда», последняя книга Дд. Стейнбека в общем разочаровывает.

По стилю она напоминает «Тортилла флэт», но в ней нет той страстности, которая сделала «Гроздя гнева» одним из самых выдающихся романов нашего времени. Нигде Стейнбек не проявляет интереса к судьбе своего народа, он довольствуется лишь тем, что, со всем присущим ему очарованием, рассказывает, ради самого удовольствия рассказать, небольшую простую повесть. Свой иронический скетч он ограничивает селением в несколько десятков домов на берегу океана, где царят фабрики сардинных консервов. Кроме строений, где происходит обработка рыбы, и откуда идет сильный запах ее, кроме бакалейной лавки Ли Чонга, мебелишек «Палас», «веселого дома», пользующегося дурной славой, и океанской лаборатории, руководимой доктором (Доком), в поселке нет больше ничего.

Док – пожилой, бородатый холостяк, ученый, который всю свою одинокую, но удовлетворяющую его жизнь проводит в коллекционировании медуз, лягушек, ужей и других образцов океанской фауны у берегов Монтерей. Он напоминает не то Христа, не то сатира. Он неизменно снимает шляпу при встрече с собаками, и они также неизменно ему улыбаются. Он пьет пиво, любит музыку и дает тон всему «Консервному ряду». И действительно, почти все, что происходит в книге, так или иначе обусловлено общей любовью к доктору и желанием сделать ему что-либо приятное.

Под влиянием сильно действующей водки, которую прозвали «старые теннисные башмаки», Мак и его собратья из мебелишек устраивают пирушку для Дока. Чтобы достать денег для еды, подобающей для данного случая, они отправляются вглубь материка ловить лягушек. Со времени Марка Твена в литературе не было ничего более веселого, чем эта поразительная экспедиция, предпринятая под влиянием спиртных паров. Мак и его приятели вернулись с таким количеством лягушек, что их хватило бы на все исследовательские лаборатории Америки. Всех лягушек они временно помещают в лабораторию Доктора. Во время

беспорядка, царящего на одной из самых алкоголических пирушек в истории Монтерея, лягушки разбегаются.

Самого Дока при этом нет, т.к. именно этот день он избрал для ловли осьминогов у берега, и в тот момент, когда буйство пирующих достигает апогея, предполагаемый почетный гость пьет молоко за много миль отсюда.

Это замечательная пирушка. Док прощает Маку и его беспомощным приятелям разрушения, произведенные ими в его лаборатории. Благодарный Мак, его философские приятели, мадам Дора с оранжевыми волосами и китаец Ли Чонг собираются устроить еще одну пирушку для Дока.

Только Стейнбек мог придумать и описать такое сборище: лягушки Дока, его гремучие змеи, коты и мыши, шныряющие под ногами, любимая Доком церковная музыка и чтение переводов с санскритского девушкам из соседнего «веселого дома» не останавливают непрерывного потока вина и виски.

У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое не критическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он не пытается преобразовать мир.

Ньюс Уик. 1.01.1945.

Референт Н. Камионская

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 39–43.

Интервью французской газеты «Лэз'Этуаль» с Дж. Стейнбеком

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

сентябрь 1946

Французский еженедельник «Лэз'Этуаль» (2.04.1946) помещает интервью с Джоном Стейнбеком своей корреспондентки, известной левой журналистки Андре Виоллис, присланное ею из США. Андре Виоллис посетила писателя в южном городке Куэрнаваха, где он живет.

Стейнбек выразил одобрение выборам во Франции: «Молодцы, приветствую ваши выборы» (Стейнбек, очевидно, имеет в виду выборы в Учредительное собрание в 1945 г.). «Как всегда, вы в самом первом ряду передового движения. Вы явились примером для мира. И ваши женщины, вопреки надеждам кое-кого у вас, голосовали очень разумно. Да, женщины гораздо ближе к жизни, чем мужчины!»

«Я не нуждаюсь в литературе, – сказал Стейнбек в дальнейшем, – я знаю, что прожить я всегда сумею, благодаря вот этому, – и он вытянул перед собой свои сильные руки. – Мне надо очень мало. Двадцать пять долларов в неделю совершенно достаточно для моего полного счастья».

Андре Виоллис передает беседу Дж. Стейнбека с советским послом Уманским, «большим другом Стейнбека», переведшим значительную часть «Гроздьев гнева».

Уманский как-то сказал американскому писателю, что у того в Москве лежит на текущем счету большая сумма, но потратить ее надо будет непременно на месте.

– Что же я на них сделаю? – мечтательно спросил Стейнбек. – Вечер для русских друзей с икрой и шампанским? Вы говорите, что этого мало? Что же еще? – вдруг у него заблестели глаза. – Я знаю. Я оставляю деньги для советских трудящихся на создание лаборатории по изучению жизни моря. Разумеется, если у них еще нет всего необходимого в этой области.

Трагическая гибель Уманского помешала осуществлению этого плана.

Стейнбек о критиках своей любимой книги “Tortilla Flat” говорит с негодованием. «Можете себе представить, что ослы-критики позволили себе снисходительно, свысока отнестись к этим хорошим людям (героям “Tortilla Flat”). Они находили моих героев забавными, живописными; пожалуй, немного неприличными. Людей, которых я люблю, моих друзей, так хорошо сумевших приспособиться к условиям своего существования, а это, в конце концов, и есть величайшая мудрость, высшая философия. И это их называли «живописными»! Знай я, что о них будут говорить в таком тоне, ни за что не стал бы писать эту книгу!

Стейнбек был военным корреспондентом в Северной Африке, а затем в Италии. Он хотел узнать, что думает и говорит простой рядовой американской армии, родной брат его героев. Но неподалеку от Стейнбека разорвался заряд. Это так потрясло писателя, что он должен был уехать в Америку.

... Один из нас осмелился спросить писателя, напишет ли он книгу о своих военных впечатлениях.

– Нет, нет! Во всяком случае, не теперь, – ответил Стейнбек. – Меня пригласили присутствовать на Нюрнбергском процессе. Если бы меня не привязывала к США работа над фильмом, это было бы мне по душе... Хотя лица, руководящие организацией процесса, принимают все меры, чтобы не делать трагедию слишком увлекательной, все же это дата в истории. Что же касается Гитлера, я продолжаю надеяться, что он не умер. Такой театральный конец, достойный вагнеровской оперы, слишком красив для него! Болтаться на веревке – как его друзья-приятель, – большего он не заслуживает.

– Ваши писатели, – сказал Стейнбек Андре Виоллис, – великолепно вели себя во время Соппротивления. Я могу их не называть, не правда ли? Все, кто имеет какой-либо вес, участвовали в Соппротивлении. Как литератор и просто как человек, я горжусь ими.

– ... Они вели и они ведут себя превосходно. Я терпеть не могу всевозможные обращения и приветствия. Но передайте им от меня одно, – он наклонился над столом и, подняв палец, с торжественным видом говорит: «Пусть они не кладут оружия слишком рано. Враг еще не повержен».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1111. Л. 191–193.

**Рецензия «Тайм» на роман Стейнбека
«Заблудившийся автобус»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

май 1947

Американский журнал «Тайм» в номере от 25.02.1947 г. поместил рецензию на последний роман Джона Стейнбека «Заблудившийся автобус» (“The Wayward bus”).

* * *

Фон повествования, знакомый читателям Стейнбека, приобретает в романе свежесть и аромат. Но самый рассказ – нечто вроде «Гранд-отеля» в автобусе – пикантен, но несколько дешев. «Клуб книги этого месяца», избрав для мартовского номера новый роман Стейнбека, пред-

упредил своих читателей: «Возможно, что Стейнбек... пишет слишком вольно для некоторых читателей, в особенности для родителей, имеющих несовершеннолетних детей...» «Заблудившийся автобус» написан Стейнбеком прошлым летом, в течение трех месяцев. Фабула романа несложная. Автобус, курсирующий между двумя пунктами в Калифорнии, во время ливня, смывшего мост, сворачивает к маленькой придорожной харчевне, принадлежащей Хуану Чикой – наполовину мексиканцу, наполовину ирландцу. Автор выводит пятерых пассажиров и семью содержателя харчевни. То, что происходит во время этой вынужденной стоянки, составляет нить повествования.

«Собранные таким образом воедино, главные герои этого романа Стейнбека, могут быть, в известной степени, отождествлены с символическими образами в притче левого толка. Хуан олицетворяет свободную инициативу и индивидуализм, конечно, не только в экономическом, но и в сексуальном аспекте.

Притчард (глава семейства, путешествующего в автобусе) представляет собой карикатурное изображение мертвой души англо-американского капитализма, живущего самообманом и далекого от естественной жизни; хозяйка харчевни является воплощением откровенной, глупой и яростной чувственности; госпожа Притчард, эта приятная женщина – тот гибельный тип человека, безразличие которого является источником и символом других его земных качества; Милдред – ее угрюмый отпрыск, по-видимому, должна служить выражением здорового бунта молодости во имя жизни. Еще одна девушка, случайно попавшая в харчевню – Кэмилл Окс – олицетворяет собой продажность пола.

Простота фабулы компенсируется время от времени удачными мазками художника. Главы, посвященные содержательнице харчевни Элис, в одиночестве прикладывающей к бутылке, и поездке Кэмилл в автобусе с шофером Луи, во время которой она устало отбивается от него, характеристики Хуана – все эти эпизоды сами по себе являются умными маленькими рассказами. Но по теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование. Более того, Стейнбек допускает небрежности. Так, например, на 64 стр. говорится, что госпожа Притчард никогда ничем не болела, а на 210-й – у нее начинается одна из постоянных мучительных мигреней.

В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными

своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться».

* * *

В еженедельном литературном приложении к газете «Нью-Йорк геральд трибюн» помещена рецензия Бернарда де Вотто на «Заблудившийся автобус» Стейнбека. Автор рецензии пишет: «На этот раз Стейнбек остается в рамках комедии и совершает лишь небольшой экскурс в далекие голубые просторы. Только три действующих лица даны в трех измерениях. Но хотя большинство из них простые, обыденные люди, он не покровительствует им и не восхваляет их за сокровища смиренности. Его мастерство превосходно, и его проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность. В книге присутствует известный символизм, но он не слишком бросается в глаза: “Заблудившийся автобус” – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек откачивается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять... Читатель может по желанию принять или игнорировать символическое значение поездки в автобусе, который вынужден свернуть с шоссе на заброшенную дорогу, так как дождь смыл мост, и увязает в грязи, когда Хуан идет на сделку с совестью, чтобы иметь возможность исполнить задуманное желание. Мечтая уйти от жены, от скучной и однообразной жизни и окружения, и бежать в Мексику, он дает обещание Пречистой Деве сделать это, если автобус увязнет. Он действительно уходит, но сознание того, что он пошел на жульничество, возвращает его из мира фантазий в реальный мир, к реальным и теплым, хотя однообразным и иногда сопровождающимся потасовками отношениям с женой...

С точки зрения повествования роман превосходен – в нем чувствуется опытная рука большого художника, которому присущ настоящий юмор, но как роман он удовлетворителен, и не больше. Самым большим достоинством романа является то, что даже те образы, которые имеют всего лишь два измерения, выведены смело, даны на реальном фоне, и что из случайных обстоятельств вырастают подлинные человеческие отношения. Ненависть и разочарование, свойственные Притчардам и их дочери, весьма реальны... Образ Кэмилл очень ярк по замыслу, диалог ее крайне характерен...

Содержанием романа являются мелкие аномалии в отношениях между полами и постоянное подчеркивание половой проблемы, которая

еще задолго до конца отчаянно наскучивает читателю... Однако “Заблудившийся автобус” почти совершенно несентиментальный роман, и автор отворачивается от коротких никчемностей, которые недавно слишком занимали его воображение. Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отраднo».

Нью-Йорк Геральд Трибюн Уикли Бук Ревью. 16.02.1947.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 11–14.

И.Д. Хмарский о пребывании Стейнбека в СССР в 1947 г.

24 марта 1948

Уполномоченному ВОКС в США
тов. Стриганову С.Р.

Срочно сообщите, как расценивается «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» прогрессивной и реакционной печатью США, а также нашими друзьями. Как ведет себя Стейнбек в настоящее время по отношению к СССР.

Заведующий американским отделом ВОКС И. Хмарский.

Публикуется по источнику: ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

27 марта 1948

Главному редактору «Литературной газеты»
тов. В. Ермилову.

В дополнение к устным переговорам, которые вела с Вами т. Кислова о целесообразности опубликования в «Литературной газете» статьи т. Корнейчука, разоблачающей антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его «Русском дневнике», прошу учесть мои личные впечатления о Стейнбеке во время его пребывания в СССР.

Я встречался со Стейнбеком и фотокорреспондентом Капа на протяжении двух месяцев, ездил с ними в Киев, Сталинград, Грузию, беседовал в Москве. Стейнбек далеко не производит впечатления, которое ошибочно могло сложиться у некоторых товарищей о нем после прочтения «Гроздьев гнева», как о человеке, которого волнуют большие социальные проблемы, искреннее стремление понять другой народ или по-настоящему критически взглянуть на судьбу собственного народа.

Напротив, он вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем. Стейнбек говорил, что он отлично понимает Советский Союз, ему ясно, о чем писать, но поездка должна дать ему «детали», необходимые для придания убедительности его будущим статьям. Характерно, что большую часть своих бесед с советскими людьми Стейнбек провел за выпивками, к которым, кстати сказать, он питает явное пристрастие. Самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа. Разительным примером в этом смысле является его отношение к советской культуре. Стейнбек, например, крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме «туалетной бумаги».

Мне бросилась в глаза также склонность Стейнбека к демагогии. Он часто повторял, что его глубоко интересует личная жизнь советских людей, их труд, отдых и т.п., что он сам фермер и предпочитает простых людей «испорченным» интеллигентам. Когда мы пришли со Стейнбеком в первый раз в колхоз (им. Шевченко на Украине), где колхозницы собирали на огороде огурцы, Стейнбек рассыпался в похвалах колхозникам, демонстративно пожимал им руки, тер в пальцах землю и т.п. Но это была только поза. Вскоре это ему прискучило, и в дальнейшем он обычно смотрел на работающих советских людей издали, не выходя из машины.

Обычно замкнутый и апатичный, Стейнбек, однако, проявлял проворство в тех случаях, когда ему казалось, что от него что-то скрывают или утаивают.

В теоретическом отношении Стейнбек поразительно для писателя слабо развит и начинен буржуазными предрассудками. Это вполне согласуется с его сознательным презрением к теории. Стейнбек считает теорию даже вредной для писателя.

Стейнбек очень высокого мнения о своем творчестве, считая, что в его произведениях жизнь отражается такой, какой она есть на самом деле. В то же время он презрительно отзывался о творчестве крупнейших, особенно прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелей. По словам Стейнбека, Т. Драйзер «плохо знал английский язык», произведения Р. Роллана испорчены тенденциозностью, Эллиот Рузвельт глуп, а Уоллес – плохой администратор и поэтому не годится в президенты.

Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды.

Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. По словам Стейнбека, в Америке нет классов. Когда же его спросили, в чем состоит разница между Фордом и его рабочим, Стейнбек ответил буквально следующее: «Старик Форд умер, а что касается его сына, то это совсем другой человек».

Таков идейный и моральный уровень Стейнбека.

Для написания статьи о Стейнбеке полезно было бы использовать, кроме сказанного, также некоторые другие лицемерные заявления Стейнбека и Капа, которые приводятся ниже:

1. В Киеве за обедом у т. Корнейчука Стейнбек сказал: «Перед моим отъездом в Россию жена сказала мне: «Если ты напишешь правдивую книгу о России, тебя бросят в тюрьму». Я ответил: «Если я живу в государстве, где за правду сажают в тюрьму, я готов сидеть». Тогда она ответила мне: “Поезжай”».

2. Заявляя о своем отрицательном отношении к антисоветской кампании, проводимой реакционными кругами США, Стейнбек заявил: «Раздувание антисоветской кампании в Америке – это большое несчастье для дела мира. Но, к счастью, народ не верит прессе Херста, Мак-Кормика, Патерсона. Мы хотим написать книгу, разоблачающую антисоветскую клевету».

Аналогично заявление Капа, к которому присоединялся Стейнбек: «Между СССР и США существует большая водная преграда. Через нее нужно навести большой мост взаимопонимания. Наша поездка должна этому помочь».

3. Побывав в украинских колхозах и поговорив с колхозниками, Стейнбек говорил сотрудникам УОКСа, что, насколько он смог заметить, колхозный строй – прочный строй и что крестьяне верят в него. Аналогичное заявление было сделано им в интервью, данному корреспонденту ТАСС в Грузии: «В настоящее время могу сказать, что колхозная система очень эффективна. Даже в разрушенных районах люди хорошо питаются, и, по-видимому, они любят то, что делают». Однако это заявление Стейнбек обошел молчанием в своих статьях.

4. Выступая по возвращении в США на форуме газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», Капа зачитал выступление Стейнбека, в котором говорится: «Русские задавали особенно много вопросов о преследовании либералов в США. Мы им на это отвечали: “Насколько нам известно,

Л. И. Казакова (Жданова)

в Соединенных Штатах нет политических заключенных»». Однако, в США всем известно, что прогрессивный писатель Говард Фаст приговорен к тюремному заключению только за то, что отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Заведующий американским отделом ВОКС [И. Хмарский].

Публикуется по источнику: ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

А. Чаковский

Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос»

Многим советским зрителям уже известна история американского журналиста Гарри Смита, который, написав правдивую книгу о Советской России, оказался изгнанным из редакции разоренным.

Однако новый художественный фильм «Русский вопрос» не стал простым кинематографическим повторением талантливой пьесы К. Симонова. Интерьеры пьесы «Русский вопрос» расширились в фильме до масштаба огромного американского города, зрителю всесторонне показаны редакция крупной буржуазной газеты, быт и нравы американской прессы. Фильм как бы продолжает пьесу. В пьесе мы расстаемся с одиноким, хотя и излечившимся от своей политической наивности, готовым к борьбе Гарри Смитом. В фильме зритель видит Гарри Смита уже вступившим в эту борьбу. В фильме мы расстаемся с Гарри Смитом на многотысячном митинге, где он от имени Америки Линкольна и Рузвельта бросает вызов реакционной, антидемократической, империалистической Америке.

Роль Гарри Смита играет Вс. Аксенов. Он создает образ честно-го американского журналиста, «белой вороны» в хищной и крикливой стае продажных, фашиствующих бандитов пера. Режиссер фильма и актриса Е. Кузьмина по-своему раскрыли образ Джесси, жены Смита. Лишенный налета мелодраматичности, свойственного ему в пьесе, этот образ стал ближе к жизненной правде. Мелкая хищница, мечтающая о покое и домашнем уюте, бросающая своего мужа в трудную минуту и возвращающаяся в лагерь врагов Смита, – такой выступает в фильме Джесси. Прекрасно передают образы современных хозяев американской прессы – Макферсона и Гульда актеры М. Астапов в роли редакто-

ра Макферсона и М. Названов – роли его подручного Гульда. Выразительно, сильно и правдиво играет Б. Тенин роль Мэрфи.

Фильм пользуется заслуженным успехом у советского зрителя. Нет сомнения в том, что он получит признание и у всех искренних демократов за границей.

В чем сила фильма «Русский вопрос»? Прежде всего в правде. Не случайно в начало картины вмонтированы кадры из американской кинохроники, показывающие Нью-Йорк – город-спрут с его вопиющими противоречиями.

Получив задание написать книгу о России, Смит принимает решение, характерное для многих честных, но политически наивных американцев. Он думает проплыть невредимым между Сциллой реакции и Харибдой собственной совести, – сказать о России «полуправду», суметь, не предавая русских, угодить «шефу».

Но, пока Смит писал книгу, стрелка американского политического барометра качнулась еще более право. Сделка на «льготных условиях» оказывается кабальной. В час расплаты Макферсон требует уже не кусточек души Смита, а всю его душу.

Почему же Гарри Смит не сумел с самого начала правильно оценить ситуацию?

1946 год... Всего лишь месяцы прошли с того дня, как замолкли пушки. Миллионы честных людей во всем мире думали, что после всего того, что они вынесли, после того, как человечество заглянуло в пропасть, вырытую для него фашизмом, мир должен начать жить по-новому...

К этим людям принадлежит и рядовой американец – журналист Гарри Смит.

Но не успела окончиться война, как новые претенденты на мировое господство – американские империалисты поднимают свой зловеющий голос. Они предают передовых борцов против немецкого фашизма – французских «маки», греческих партизан, индонезийских и филиппинских республиканцев, куют золотую цепь, с помощью которой они хотят давить весь мир, – «план Маршалла». Внутри США они усиливают наступление на рабочий класс, на трудящиеся массы.

Всего этого вначале не видит и не понимает Гарри Смит. И не потому, что он пробыл некоторое время за пределами Америки. Миллионы американцев, никогда и не покидавших Штаты, тоже еще не в состоянии разобраться в этой «кухне дьявола». Ежедневно, ежедневно отравляемые буржуазной прессой, они не в состоянии отдать

себе отчет в происходящем. Они не знают, куда ведут их правители Америки.

Гарри Смит, по его признанию, не читает собственной газеты. Но он, наверное, читает другие американские газеты и *книги*. Ему, наверное, было известно, что еще в 1934 году Херст, например, был фактически подкуплен немецкими фашистами, заключил сделку с отделом пропаганды гитлеровской партии и получал от нацистов *миллион* марок в год. Гарри Смит, очевидно, читал газеты, предоставлявшие до войны свои страницы для высказываний Гитлера и Муссолини, а во время войны травивших Рузвельта, защищавших Гитлера, – газеты, сеющие рознь между союзниками.

От своей политической слепоты Гарри Смит излечивается, почувствовав на собственной шее клыки капитализма, оказавшись перед дилеммой: пойти по пути предательства, измены совести и человечности или включиться в борьбу за дело народа. И Гарри Смит включается в борьбу, он пишет ясную и до конца правдивую книгу о России.

Судьба Гарри Смита, его выбор имеют прямое отношение к судьбам миллионов американцев, которым рано или поздно придется сделать свой выбор.

Мы не знаем, в какой редакции развернулась драма Гарри Смита. Может быть, это газета «Нью-Йорк Таймс», выражающая, по мнению известного американского публициста Сельдеса, интересы людей и организаций, представляющих силу и мощь промышленного и финансового капитала, тесно связанная с домом Моргана.

Или, может быть, это «Нью-Йорк Пост», где наряду с либеральными журналистами подвизается небезызвестная профашистка Дороти Томпсон... Или это одна из маккормаковских газет, скажем «Чикаго Трибюн», пользующаяся репутацией самой реакционной и лживой газеты, или говардовская «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм»... не будем гадать!

Не будем также стараться узнать, кто послужил автору прообразом Макферсона, но мы знаем, что его подлинное имя могло бы быть и Херст, о котором в США говорили, что сам он не умел написать даже объявление о продаже собаки, но который сумел создать самую гнусную в мире индустрию лжи. Под псевдонимом Макферсона может скрываться и Маккормик, и Ганнет, и Рой Говард.

Не будем стараться раскрыть инкогнито и заведующего иностранным отделом Престона, и других авгуров «Русского вопроса». Ими могли бы быть и Уолтер Липпман, и названный Рузвельтом «профессиональным лжецом» Дрю Пирсон, или О'Доннел, обозреватель «Нью-

Йорк Дейли Ньюс», которого Рузвельт в дни войны иронически предложил наградить немецким «железным крестом»... Не в этом дело!

Суть в том, что людей, подобных им, можно найти много в современной Америке; в том, что это – правда о современной американской жизни. Итак, Гарри Смит горькой ценой излечился от своих иллюзий и понял, что ему надо делать. Это путь многих американцев, многих, но... не всех.

Обратимся к другому американцу, и притом, не в пример Гарри Смиту, известному американцу. Речь идет о Джоне Стейнбеке, писателе.

Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смиту, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. Побывал Стейнбек и в советских театрах. Там он видел пьесу «Русский вопрос». По возвращении в Штаты писатель опубликовал в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» очерки, озаглавленные «Русский дневник».

Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смиту, уволенным из числа сотрудников...

В «Русском дневнике» нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова «Русский вопрос». Стейнбек так оценивает эту пьесу: «1. Это нехорошая пьеса, на каком бы языке она ни была написана. 2. Актеры не говорят так, как говорят американцы, и, насколько мы понимаем, не действуют так, как действуют американцы. 3. Хотя в Америке имеется несколько (! – А. Ч.) плохих издателей, все же они нигде не пользуются такой властью, как это показано в пьесе. 4. Ни один издатель в Америке ни от кого не получает приказов... Эта пьеса, далекая от того, чтобы прибавить что-нибудь к русскому пониманию Америки и американцев, по всей вероятности, будет иметь обратный эффект».

Оставим в стороне первые два пункта, – они бездоказательны. Но два последние – воистину многозначительны. Итак, ни один издатель в Америке не пользуется «такой властью» и «ни от кого не получает приказов». И эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» – газете, владельцем которой является Огден Миллс Рид, крупнейший

капиталист, совладелец железнодорожных, энергетических и других компаний, совладелец медных рудников в Перу, рудных и нефтяных концессии в Мексике и на Кубе! Эти слова напечатаны в «Нью-Йорк Геральд Трибюн», которая, по словам Сельдеса, открыто служит «капиталу, богатству и власти» и которая систематически выступала против всех прогрессивных начинаний Рузвельта по вопросам внутренней политики и занимала резко враждебную позицию по отношению к рабочему движению. Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев – читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

Действие «Русского вопроса» разворачивается в 1946 году. Джон Стейнбек пишет свой «Дневник» в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки, в дни, когда Макферсоны всех мастей и оттенков, послушно выполняя приказы своих хозяев – империалистических воротил, призывают к новой войне, поощряют к деятельности недобитых фашистов, амнистируют военных преступников и разжигают национальную рознь.

Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!

Мистер Стейнбек пишет, что «Русский вопрос» «ничего не прибавит к русскому пониманию Америки». Нет, прибавит! Смотря и пьесу, и фильм, советские люди еще раз убеждаются, что власть денег не всемогуща, что в Америке есть честные люди и что им, простым честным людям, присущи смелость, готовность бороться за демократическую Америку.

Что же касается «обратного эффекта», то Стейнбек, очевидно, имеет в виду травлю «Русского вопроса», поднятую американской прессой, пригвожденной и в пьесе, и в фильме к позорному столбу. Но мы не считаем этот эффект «обратным». Это – настоящий, «прямой» эффект.

В заключение нужно сказать еще об одном весьма важном достоинстве фильма «Русский вопрос». Он проникнут глубокой верой в прогрессивных людей Америки, в успешность их отпора реакции, в успешность их борьбы за мир и демократию.

М. Поликанов**По страницам зарубежной печати: отпор проповеднику
ненависти**

Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов.

Стейнбек решил «пойти вглубь» и «не изучать настроение народа по газетам». Сей провокатор сам откровенно пишет в журнал «Кольерс», на грязных страницах которого он с особым усердием подвизается, что «французские газеты еще более далеки от народа, чем даже наши собственные, если это возможно». Решив, видимо, что наиболее выгодный для себя материал он найдет в крестьянской среде, Стейнбек отправился в глухую винодельческую деревню Полиньи, расположенную в Юрских горах, вблизи швейцарской границы (департамент Юра). Это район виноделов, т. е. наиболее зажиточных слоев крестьянства.

Однако расчеты Стейнбека не оправдались. Его постигла явная неудача. Оказалось, что «Голос США», с которого поет ныне Стейнбек, плохо действует на французских крестьян. Это с явной злостью вынужден признать сам писатель.

Собеседникам Стейнбека, как это видно из его очерка, опубликованного в журнале «Кольерс» от 30 августа, были: хромой, худой человек с изможденным лицом, бывший в немецком плену в лагере Бухенвальд, где гитлеровец раздробил ему ногу железным брусом; человек с седой головой, заместитель председателя местного кооператива виноделов; учитель Жибе Винтнер; старик-крестьянин, опоясанный шерстяным поясом: человек в рваной шляпе с выбитыми передними зубами и молодой человек в брюках, доставшихся ему от авиадесантных войск.

Первый сюрприз Стейнбеку преподнес худой человек с изможденным лицом, который сказал:

– Мне думается, вы могли бы назначить кого-нибудь получше Риджуэя.

Стейнбек запротестовал, стал расхваливать Риджуэя. На это последовала реплика со стороны седого крестьянина, заместителя председателя кооператива:

– Видите ли, – сказал он. – ввиду всех разговоров по поводу Кореи назначение Риджуэя произвело плохое впечатление.

– Какие разговоры? – спросил Стейнбек. – Неужели вы хотите сказать, будто серьезно верите в то, что мы применяем там бактериологические средства?

К вящей ярости Стейнбека выяснилось, что крестьяне верят и серьезно верят! Стейнбеку, несмотря на то, что он разозлился (он пишет: «Я почувствовал, что начинаю злиться»), так и не удалось разубедить французских крестьян.

Малоутешительным оказался для Стейнбека и разговор о гонке вооружений.

– Мы пережили голод при немцах, – сказал старик-крестьянин. – Мы боимся голода. Мы не хотим тратить свои небольшие заработки на пушки.

Все дальнейшие попытки Стейнбека убедить свои собеседников, что война нужна, что перевооружение необходимо, закончились полным провалом.

– Мы не хотим войны, – произнес крестьянин. – Я получил ранение в 1916 год и был снова ранен в 1943 году. Нет, мы не хотим никаких войн.

Это заявление решительно не понравилось Стейнбеку. Еще больше не понравилось ему откровенно высказанное виноделами неудовольствие по поводу присутствия американских войск во Франции. Стейнбек решил спекулировать на прошлом, передергивая при этом факты. Он заявил:

– Возможно, вам не нравится наше присутствие здесь, но, если бы мы не пришли, вы бы все еще находились по власть нацистов.

Но крестьяне и на этот раз одернули провокатора. Они вежливо, но твердо напомнили ему, что своим освобождением от нацистского ига Франция обязана не американским войскам, а Советской Армии, разгромившей Гитлера.

– Не надо забывать о русских, – сказал старик-крестьянин. – Русские здорово сражались.

Взбешенный вконец Стейнбек не нашел ничего лучшего, как попытаться застрашать крестьян мнимой «русской опасностью», тут один из его собеседников, которого он пренебрежительно именуется «человеком в рваной шляпе», перебил его:

– Нам кажется, что было бы лучше, если бы вы оставили нас в покое.

– Вы хотите сказать, – раздраженно воскликнул Стейнбек, – что вам не нужны деньги Управления экономического сотрудничества?

Но и на этот вопрос у крестьян нашелся ответ.

– Деньги, – сказа Жибе-Винтнер, – предоставляются только крупным компаниям. Они пользуются ими, чтобы вытеснить мелкие компании. Большие компании растут, а маленькие исчезают. Это очень опасно. В этом участвуют политические деятели, а мы им не доверяем.

Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только «русской», но и «коммунистической опасностью». И опять не имел успеха.

– Все, чего мы хотим, это – мир! – воскликнул один из крестьян – человек с выбитыми зубами. – Мы не хотим ничего делать, что может привести нас к войне, и не хотим, чтобы вы что-либо делали за нас. Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

– Считаете ли вы, что все французы так настроены? – спросил Стейнбек.

– Думаю, что да, – последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась.

Источник: Правда. 1952. 14 сентября. С.6.

«Пиплс Уорлд» о новом романе Джона Стейнбека «К востоку от рая»

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

январь 1953

В номере газеты «Пиплс уорлд» от 17 ноября 1952 г. помещена рецензия Роберта Фридмена на роман Джона Стейнбека «На восток от рая», тотчас же по выходе занесенной в список бестселлеров.

Роман Стейнбека, пишет рецензент, по существу рассказывает о жизни «хорошего» Адама Траска и его «дурной» жены Кэти.

Излагая вкратце интригу романа, рецензент касается вопроса о мировоззрении Стейнбека.

В одном из своих авторских отступлений, пишет рецензент, Стейнбек пускается в рассуждение о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогиче-

ские лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стрита, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишённая энергии, избрётательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуется её презрительной кличкой «ниггер»).

Один из главных персонажей романа – Ли, эрудированный китаец, который, впрочем, предпочитает свободе жизнь в качестве слуги у Адама Траска. Это тоже явно отдаёт шовинизмом.

Предельно окарикатуренный образ Кэти объясняется мифом о предопределённости судеб... Как ребенок может родиться безруким, так человек рождается лишённым доброты или совести. Такие люди, – поясняет Стейнбек, – принадлежат к категории «моральных или физических монстров».

А каков смысл всей этой средневековой ерунды? Поскольку «зло» объясняется прирожденным, неизменяемым, непреодолимым, разве не следует из этого, что бесплодны поиски причин таких зол, как война, безработица, расовые предрассудки, трущобы, нажива на проституции или на наркотиках в капиталистическом обществе, которое зиждется на самом существовании всех этих зол?

По законам стейнбековской «морали» Кэти родилась проституткой. Однако, нельзя не отметить, что весь образ Кэти насквозь пропитан идеей о мужском превосходстве.

Стейнбек превращает женщину в воплощение всех зол... «Добро» у Стейнбека бессмысленно, ибо оно абстрактно, – это мистический туман, распространяемый отдельными персонажами писателя, вроде патриарха Саймона, опекающего Адама... «Зло» у Стейнбека, воплощенное в образе «дьявольской женщины» Кэти, убивающей родителей и бросающей мужа и детей, тоже выдуманно. Он нарочито запугивает читателей...

Зло в наше время следует искать не в этих гротесках, а таких «респектабельных» людях, как Джон Фостер Даллес... в тех самых «хороших» людях, которые, действуя от имени свободы, демократии и «борьбы с тоталитаризмом», превращают Корею в пепелище.

Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот

некогда одаренный художник может теперь писать: «В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой». И в другом месте: «Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла».

Не массовые убийства в Корее, не расовая ненависть к негритянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. «Коллектив» для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая «сеть добра и зла» – вот тот барьер, который не может, якобы, преодолеть человечество.

Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту.

Референт Е. Романова.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 12–14.

Справка о писателе Джоне Стейнбека Иностранной комиссии Союза советских писателей

Стейнбек Джон – романист. Родился в 1902 г. в Калифорнии. Отец – мелкий чиновник, мать – учительница. Широко известен в США и за их пределами, главным образом, романом «Гроздь гнева» (1939 г.) о судьбах разоряемого крупным капиталом фермерства, произведением огромной разоблачительной силы

Известны и ранние произведения Стейнбека – «В сомнительной схватке» и «О мышах и людях» /1936 г./, где особенно сильно складывается присущее писателю тяготение к патологическим мотивам.

После «Гроздь гнева» Стейнбеком выпущены: «Луна зашла» (1942 г.), «Бомбы вниз» (1942 г.), «Консервный ряд» (1944 г.), «Заблудившийся автобус» (1947 г.), «Русский дневник» (1948 г.), пьеса «Горящий ярко» (1950 г.) роман «К востоку от рая» (1953 г.). Написанный после посещения в 1947 году СССР «Русский дневник» содержит ряд антисоветских выпадов.

Последнее крупное произведение Стейнбека – роман «К востоку от рая» – глубоко реакционно по своему идейному содержанию.

Л. И. Казакова (Жданова)

Помимо этого, Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клевета на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813.

Джон Стейнбек о деле Матусоу
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

апрель 1955

В еженедельнике «Сатердей ревью» за 2.04.1955 г. опубликована статья романиста Джона Стейнбека «Смерть одного рэкета» по поводу нашумевшего дела Матусоу. Стейнбек пишет:

Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл «любителями погрызть каштаны». Матусоу окажет влияние гораздо более значительное, чем ему казалось. К худшему этому не приведет, а к лучшему – может. И, безусловно, все это забавно.

Матусоу, поклявшись в том, что сам он был коммунистом, привлекался различными органами нашего правительства для того, чтобы публично присягнуть в принадлежности к коммунистам сотен других людей. А ныне он объявляет, что лгал. Клянется, что и другие профессиональные свидетели тоже лгали. Расследователей захлестнула волна истерии. Сенаторы, которых это лично коснулось, вопят, что Матусоу лжет сейчас, но не лгал, когда он давал показания против их врагов. Некий сенатор, за которым не числится особо правдивых выступлений, очень резко заявляет, что он не придает значения словам лжецов. А ведь этот самый лжец в более счастливые времена немало потрудился, агитируя за этого самого сенатора. Очень серьезные люди пытаются решить, когда Матусоу лгал, а когда – нет. И, видимо, приходят к выводу, что он говорил правду, давая показания в их пользу, и лгал, наговаривая

на них. Никто публично не высказал предположения, не лгал ли он все время и даже теперь.

Рассказ Матусоу о жизни осведомителя весьма печален, но правдоподобен... Некий неизвестный – будь то мужчина или женщина – неудачник вступил или делал вид, что вступает в коммунистическую партию. Может быть, и само вступление было продиктовано желанием быть замеченным. Потом вышеуказанный субъект раскаивался и предлагал свои услуги Республике во имя осуждения ее врагов. Тотчас же такая личность оказывалась в центре внимания. Это выражалось в оплате правительством не только экспертиз, но и публичных лекций. Журналы дрались из-за его статей... Как говорит Матусоу, им овладевал страх, что все это кончится, и сам он опять окажется в неизвестности. Естественно, что ради сохранения своей исключительной позиции, он готов был на любые новые и более вопиющие обвинения...

Позиция публичного осведомителя не только шатка, но и весьма завидна. Стоит чуть уклониться в сторону, как найдется множество желающих занять это место. Стоит информации иссякнуть, и осведомителя нет. Один очень знаменитый осведомитель растянул свои показания на десять лет. Он – чемпион. Еще никому не удалось достигнуть его мастерства.

Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. Иными словами, его судьба находилась в руках людей, которые по этим же законам не заслуживали допуска к правительственной службе. Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэкетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится.

Итак, несмотря на истерические слова расследователей о том, когда, по их мнению, Матусоу лгал, а когда – говорил правду, – на деле любое показание профессионального свидетеля придется подвергать проверке по давно испытанной системе доказательства.

Все это важно, но еще важнее быстрая и резкая перемена общественной атмосферы. На днях упоминание в театре о профессиональных свидетелях было встречено взрывом смеха. В воздухе носится ощущение

необычайного облегчения. Человек, который полгода назад торжественно вторил откровениям какой-нибудь истерической старой девы, вправе теперь поверить и заявить, что он никогда не принимал их всерьез.

Эти перемены многозначительны во многих направлениях. Если бы Кон и Шайн повторили свою поездку, они никого не напугали бы.

Книги возвращаются на полки наших библиотек. Цена речам одного шумливого сенатора упала очень низко, а политическая поддержка с его стороны превратилась в пугало. Любопытное зрелище представляют различные конгрессмены, пытающиеся отмежеваться от всей этой истории.

Неизбежно некоторые чиновники, пойманные врасплох, вынуждены утверждать, что Матусоу – и ныне еще коммунист, а этот его ход есть часть заговора властителей умов из Кремля. Но время подобных рассуждений миновало. Ни один коммунистический стратег не стал бы нарушать атмосферы разброда и подозрительности, которая преследовала нас на протяжении последних нескольких лет, и ратовать за возврат к здравому смыслу...

Мы не можем знать наверняка, что побудило Матусоу к подобным шагам. Было ли это давним заговором или попыткой – как он сам говорит – заработать. Но его прежние и нынешние показания могут оказаться тем толчком, который вернет маятник здравого смысла на место. Именно это сейчас, по-видимому, и происходит».

* * *

Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года.

В статье для французской газеты «Фигаро литерер» (18 сентября 1954 г.) Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.

В передаче по радиостанции «Свободная Европа» (как видно из книжного обозрения «Нью-Йорк Таймс» от 19 сентября 1954 года), Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру.

Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянное использование его романа «Гроздь гнева» в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек «решил, что, наконец, настало время для контрудара».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8–10.

Джон Стейнбек о судебном процессе Артура Миллера
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

июль 1957

Как сообщает обозреватель газеты «Дейли Уоркер» Дэвид Платт (в номере от 23.05.1957), известный американский писатель Джон Стейнбек выступил в журнале «Эсквайр» с осуждением судебного процесса по делу Артура Миллера.

Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием».

Стейнбек ставит перед собой вопрос: как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера. «Я не знаю, что бы я стал делать, – отвечает он, – но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер».

Стейнбек говорит, что отец научил его правилам поведения, которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день. Отец учил его «воздавать славу всевышнему, хранить честь семьи, верность друзьям, уважение к закону, любовь к родине и давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога».

«И если эти принципы называются предательством, джентльмены, – заключает Стейнбек, – побольше бы нам такого предательства!»

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58–59.

А. Макаров

Открытое письмо Джону Стейнбеку

Вероятно, Вам покажется странным это письмо – письмо неизвестного Вам советского критика. Но я испытал неодолимую потребность написать его. Я – всего лишь один из многих в нашей стране читателей, уважающих Ваш художественный талант, мятущийся талант человека, уязвленного любовью к простым людям, которых беспощадно калечит и давит колесница взбесившегося империалистического Джаггернаута. Когда Вы были в нашей стране, Вы сами могли убедиться в том, какой известностью пользуется в ней книга «Гроздь гнева» и имя ее автора.

И вот я только что прочел в двенадцатой книжке «Иностранной литературы» Вашу повесть «Жемчужина» и снова был потрясен активной силой Вашего гуманизма, жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе. С равной поэтической силой переданы в ней и манящая музыка утренних волн, и тихая песня скромного любящего сердца, песнь семьи простого рыбака Кино, его жены Хуаны и их маленького Койотито. Но семья Кино живет в стране, где трудящийся человек лишен самых обычных прав, где даже счастливая удача обертывается для него кровавой трагедией и неизбывным горем. Много чувств и мыслей вызывает Ваша повесть. Мне сейчас хочется говорить с Вами лишь об одном – как мне представляется – очень важном ощущении. Мощью своего разгневанного таланта Вы заставили меня выстрадать вместе с героями трагедию народа, ограбленного колонизаторами до нитки, ввергнутого ими в ад, перед которым меркнет самая мрачная фантазия средневековых создателей ада мифического. Хотели Вы этого или нет, но Вы укрепили во мне своей повестью чувство святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам, мне захотелось протянуть Вам руку, как соратнику по борьбе.

Но надо же было случиться так, что не успел я закрыть Вашу повесть, как газеты принесли известие о том, что в США опубликовано от имени группы интеллигентов «Открытое письмо президенту Эйзенхауэру». Эта группа интеллигентов и лиц свободной профессии обращается к правительству США, призывая его, как сказано в письме «к решительному установлению мира на Ближнем Востоке», который мыслится авторам письма в виде американского протектората над этим районом. Я прочел это письмо, типичное для такого рода выступлений, полное недопустимых выпадов против президента египетской республики

и клеветы на Советский Союз. Авторы письма старательно умалчивают о подлинных злодеяниях реальных агрессоров против Египта, злодеяниях англо-французских и израильских интервентов. Они умалчивают и о том, что народ Египта стал на защиту своей Родины в справедливом гнев, ибо не желает для себя той судьбы, какую Вы так ярко изобразили в своей талантливой повести о ловце жемчуга. Зато они не скупятся на ложь о мнимом «русском наступлении» в этом районе и открыто призывают: «Если русские будут сопротивляться, тогда США должны будут использовать все свое могущество, чтобы так или иначе добиться этого», то есть осуществления США жандармских функций на Ближнем Востоке. Менее всего меня удивило само это письмо. Планы американских империалистов прибрать к своим рукам плоды англо-французской агрессии сейчас для всех очевидны.

Но среди почти ничего не говорящих мне имен авторов письма было и Ваше имя, Джон Стейнбек. То самое имя, которое стоит на титуле «Гроздьев гнева», антифашистской повести «Луна зашла» и только что прочитанной мною «Жемчужины» – книг, полных не простого сочувствия к судьбе маленького человека, но и сочувствующих самой борьбе его против угнетения и угнетателей.

Чем же это объяснить? Ведь Вы писатель не без права претендующий, благодаря своему художественному таланту, на роль учителя жизни. Неужели Вам безразлично, какие документы подписывать? Но ведь Ваша подпись отнюдь не безразлична Вашим читателям во всех странах мира. Одни будут обвинять Вас в лицемерии, другие будут считать Вас наивным, подписавшим письмо сгоряча. Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей Вы, как видно, отвергаете.

Вы можете сказать, что названные мною произведения – Ваши старые вещи, что «Жемчужина», которую я только что прочел, написана в 1945 году, а сейчас Вы относитесь к миру иначе. Что ж, для нас не секрет, что за последнее десятилетие Вы отошли от лейтмотива «Гроздьев гнева», и мы не раз с горечью отмечали это, не без оснований видя отрицательное влияние Вашей политической позиции – впрочем, можно ли говорить о твердой позиции? – на Ваше художественное творчество. Но мы никогда не забывали и о том, что при всей идейной путанице

«Консервного ряда» или «Заблудившегося автобуса» пафосом их все же оставались поиски человечности среди отверженных изгоев современного общества и гневное отрицание собственничества. Бывает, что книги оказываются более жизнеспособными, более стойкими к великой битве века, чем создавший их автор. Они переживают своего автора, становятся иной раз и его врагами. Эта печальная судьба для автора, но не для книг!

Ваши книги честно и хорошо выполняют свой долг, возбуждая любовь к простому человеку, побуждая ненавидеть поработителей. Не горько ли, что эта ненависть, вызванная силой Вашего художественного дара, обращается против Вас самих, Джон Стейнбек?!

Источник: РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5–7. (Опубл.: Иностранная литература. 1957. №2).

Г. Злобин

Новая монография о творчестве Джона Стейнбека

октябрь 1958

В «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью» (от 4.05.1958 г.) была опубликована на первой полосе рецензия Альфреда Казина на монографию П. Лиска «Широкий мир Джона Стейнбека» (“The Wide World of John Steinbeck” by Peter Lisca). В рецензии, озаглавленной «Несчастный человек из счастливой долины» Казин пишет: «Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа (“Tortilla Flat”) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева». По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года: «Луна зашла» (“The Moon in Down”), «Консервный ряд» (“Cannery Row”), «Благостный четверг» (“Sweet Thursday”), «Заблудившийся автобус» (“The Wayward Bus”), «К востоку от рая» (“East of Eden”).

Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности «Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издевательском фарсе «Благостный четверг»? Что произошло с автором, создавшим превос-

ходную современную пастораль в «Большой долине» и опустившимся до «Заблудившегося автобуса», произведения, напоминающего кинофильм?..

Что же произошло со Стейнбеком? Вот, казалось бы, к чему должен сводиться вопрос, встающий перед человеком, пишущим о Стейнбеке монографию. Но Питер Лиска, признавая деградацию творчества Стейнбека и слегка намекая на то, что она объясняется славой, превратившей Стейнбека в знаменитость, не знает, с какой стороны подойти к рассмотрению этой проблемы»...

Казин разделяет точку зрения автора монографии, утверждающего, что в основном критикам не давалось исследование творчества Стейнбека. Но это – по мнению Казина – объясняется не слабостью критики, а странной особенностью писателя, быстро переходящего в своих книгах от одной темы к другой. Стейнбеку, по утверждению А. Казина, «...недостает интеллектуальной глубины, обогащающих писателя традиций прошлого.

Тема Стейнбека – это американский миф о «счастливой долине». Вариации на ту же тему у Фолкнера связываются с Миссисипи, у Хемингуэя – с Мичиганом, у Фитцджеральда с Миннесотой... «Счастливая долина» – большая тема в творчестве Марка Твена и в произведениях многих писателей, чье детство протекало в провинции...

В лучшем произведении Стейнбека «Большая долина» воссоздается райское видение Калифорнии, в ней также звучит гнев сына своей страны, возмущенного жадностью и жестокостью крупных землевладельцев и их политических прихлебателей, этот же мотив мы встречаем и в наиболее сильных произведениях Стейнбека – в «Сомнительной схватке» и «Гроздьях гнева»... Самая сильная сторона творчества Стейнбека – его стиль, даже в тех случаях, когда он ставит перед собой цель чисто публицистическую, как, например, в отступлениях романа «Гроздья гнева», его стиль отличается такой пластичностью и конкретностью, что напоминает собой неизменный в своей прозрачности и чистоте стиль Торо и Марка Твена...

Но Стейнбеку, на мой взгляд, менее удастся создание «людей природы».

Восхищение автора налагает на эти образы слишком явный отпечаток, он окружает их сентиментальным ореолом, обращает их против «цивилизации»... Тем не менее, сила Стейнбека в его приверженности к старой идиллической жизни и, оглядываясь назад, на тридцатые годы, нетрудно понять, почему ужасающая картина чудовищного голода

в стране изобилия привела Стейнбека в состояние творческой ярости. Лиска сообщает, что Стейнбек был настолько встревожен положением переселенцев, что он, в то время еще чураясь Голливуда и избегая всякого рода коммерческих сделок, был готов дать согласие на экранизацию Голливудом его книги «О мышах и людях», с тем, чтобы получить возможность раздать по два доллара трем тысячам переселенцев. Тридцатые годы, как мы видим теперь, подвели черту под старым индивидуализмом... Эмоциональные, «революционные» протесты Тома Джоада и других персонажей «Гроздьев гнева», двойственные образы руководителей коммунистической забастовки в книге «В сомнительной схватке» – все это показывает, насколько противоречива была борьба, происходившая в душе самого Стейнбека, с каким внутренним сопротивлением он склонялся к «действию», чтобы спасти от голода множество людей.

Подобная позиция противоестественна для Стейнбека, личные вкусы которого носят часто созерцательный, лирический, пассивный характер... Стейнбек настолько далек от марксизма, что на протяжении ряда лет он разработал свое туманное, полное пиетизма кредо, основанное на примитивных заимствованиях из области науки. В тридцатых годах он сделал вынужденный и наиболее неестественный для себя шаг – включился в социальную полемику, повлекшую за собой выражение в «Гроздьях гнева» поистине впечатляющей силы эмоций... Заключительный аккорд «Гроздьев гнева» звучит полным отчаянием, несмотря на кажущуюся символику знаменитой последней сцены, в которой молодая мать отдает молоко своей груди умирающему от голода человеку... Развязка книги «В сомнительной схватке» поражает своей мрачностью. Трудно понять книгу, которая так далеко отстояла бы от партийного оптимизма пролетарской литературы тридцатых годов. Но эти книги обнаруживают в равной степени опасную уязвимость, они свидетельствуют о том, что Стейнбек, как художник, получил возможность самовыражения лишь после того, как описал страдания своей долины. В определенный момент писательской деятельности его интеллект отвлекся в сторону, в то время как каждый американский писатель, развивающий ту же самую тему, оказавшись на его месте, либо нашел бы новую силу, на которую можно было бы опереться, либо впал бы в сентиментализм. Эволюция творчества Стейнбека, на мой взгляд, тормозила то, что у него не было ничего, кроме физического ощущения «Счастливой долины», как таковой... – у него не было богатых традиций, на которые опираются южане типа Фолкнера, представители Среднего Запада типа... Фитцджеральда и Драйзера.

Изменения, происходящие в «долине», гибель «американского рая» могли найти зрелое воплощение в нашей литературе только в том случае, если художник был бы способен опереться на некоторые религиозные и философские традиции, более древние, чем сама Америка.

Все послевоенные книги Стейнбека являлись попыткой подсластить пилюлю окружавшего его современного мира, противопоставить «долину» – «людям бизнеса». Путаница, царящая в книге Стейнбека «К востоку о рая», его наиболее тенденциозном литературном опыте последних лет, свидетельствует о том, что чувство любви к ближнему, лежащее в основе произведений Стейнбека, никогда не сопровождалось интеллектуальными и творческими исканиями автора, помогающими ему постигнуть действительность. Очевидно, что Стейнбек не живет уже в своей «Счастливой долине», но мысли его все еще обращены к ней. Он обнаруживает тот же самый расплывчатый мистицизм, ту же самую бессвязную псевдофилософичность, которые характерны для многих калифорнийских писателей – от Джорджа Стерлинга и Джека Лондона, Фрэнка Норриса, Робинсона Джефферера до ныне здравствующих Генри Миллера и Джека Керуака.

Калифорнии явно не удалось породить для своих писателей ни традиции, на которую они могли бы опереться, ни критериев, с которыми они могли бы оценивать внешний мир, и которые помогали бы им постигать его...

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10–13.

Письмо Дж. Стейнбека о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии

Присуждение Нобелевской премии Пастернаку и яростные нападки на это присуждение меня крайне удручили. Мое огорчение относится, однако, не к Пастернаку. Он выполнил, как писатель, свой долг, т.к. он видел свой мир, описал его и занял относительного него свою позицию. Для него должно быть блестящим удовлетворением видеть, какой отклик вызвала его книга во всем мире, где только ее можно свободно получить.

Поэтому он совершенно не нуждается в нашем сожалении, как бы жестоко с ним не поступили. Мое огорчение вызывают те нищие духом официальные писатели, которые призваны вершить суд над произведе-

нием, запрещенным для них самих. Стервятники от искусства, которые в свое время сами помогли себя подрезать. И вот сидят они в естественной растерянности от такого взлета и полны ненависти к орлу. Эти, по существу, несчастные скрюченные калеки естественно враждебны к тому, кто под тем же гнетом не сдался и сохранил свое лицо. Им, гробовщикам советской литературы, теперь должно стать ясным, сколь тяжок груз этого мертвого тела, которые они на себя взвалили (или на себе тащат).

Как бы они не цитировали теперь Пастернака, в его отсутствие, как они не сообщали, что он отрекся и сдался – его книга опровергает все их утверждения – ныне и навеки. Подлинные предатели литературы стали судьями Пастернака. В конце концов, они обретут ту же судьбу, что и судьи Сократа – им имена будут в истории забыты, но будут вспоминать только их глупость.

* * *

Американский Комитет защиты свобод культуры, объединяющий более трехсот писателей, художников, артистов, – в этот Комитет входят такие писатели, как Джон Стейнбек, Торнтон Уайльдер и другие, – 30 октября выступил с обращением, из которого приводим две выдержки:

«Объединенные в общей борьбе со всякого вида тоталитаризмом, вторгающимся в сферу свободного мышления и творчества, мы поздравляем советского писателя Бориса Пастернака по случаю присуждения ему Нобелевской премии. Мы выражаем нашу готовность горячо поддержать его в благородной борьбе за свободу мышления, за свободу духа... Повсюду в демократическом мире общественное мнение возмущено той подлой кампанией клеветы и опорочения, которой подвергся Борис Пастернак, лауреат Нобелевской премии, в его собственной стране».

Перевод письма Стейнбека Стюарту Л. Хэннону (опубл. в: Steinbeck: A Life in Letters / ed. by E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 602) публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 295. Л. 7, 13.

Дата поступления в редакцию:	10.08.2023	Received:	10.08.2023
Дата публикации:	25.12.2023	Published:	25.12.2023

СТЕЙНБЕК В СССР: ТРИУМФ, «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЗАБВЕНИЕ (1961–1968)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

STEINBECK IN THE USSR: TRIUMPH, “RENEGATION”, AND OBLIVION, 1961–1968

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_177_295

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Зима тревоги нашей», «оттепель», Е.А. Евтушенко, война во Вьетнаме, «Письма к Алисии», литературная критика, литературная репутация, рецепция.

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения Стейнбека и СССР в 1960-е гг. Десятилетие подразделяется на два периода – 1961–1965 и 1966–1968. На последние «оттепельные» годы (1961–1965) пришелся второй пик славы Стейнбека в СССР, связанный с выходом его нового романа «Зима тревоги нашей» (1961), получением Нобелевской премии (1962) и третьим приездом писателя в Советский Союз (1963). Большое внимание в статье уделяется рецепции романа «Зима тревоги нашей» в СССР, который пользовался в Советском Союзе большим успехом и отвечал насущным чаяниям советской интеллигенции. Тре-

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *The Winter of Our Discontent*, Khrushchov Thaw, Evgeny Evtushenko, Vietnam War, *Letters to Alicia*, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The paper examines the John Steinbeck's Soviet contacts in the 1960s. The decade is divided into two periods: 1961–1965 and 1966–1968. The last years of the Khrushchov Thaw (1961–1965) saw the second peak of Steinbeck's fame in the USSR: he published his last novel *The Winter of Our Discontent* (1961), won Nobel Prize (1962) and visited the Soviet Union for the third time (1963). The paper pays much attention to the reception of the novel *The Winter of Our Discontent* in the USSR, which was a great success in the Soviet Union and met the urgent aspirations of the Soviet intelligentsia. Steinbeck's third visit to the USSR was initiated by the Union of Soviet Writers and the State

тий визит Стейнбека в СССР был инициирован Союзом советских писателей и Госдепартаментом по личной просьбе Дж. Ф. Кеннеди. Стейнбек возлагал на эту поездку большие надежды, т.к. был наслышан о происходящей в стране «оттепели» и о появлении в СССР нового поколения молодых поэтов и писателей. Однако оттепель была уже на исходе, и Стейнбек, хотя и воспользовался возможностью познакомиться и тесно пообщаться с советскими диссидентами и поэтами-шестидесятниками (Е. Евтушенко, В. Аксенов, Б. Ахмадулина, В. Некрасов и др.), уехал из СССР, не изменив о нем своего мнения об СССР как о стране несвободы. Как показывают публикации советской прессы тех лет, в первой половине 1960-х гг. Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором до 1966 г., когда участие Стейнбека во вьетнамской войне полностью дискредитировало его в глазах советской общественности. В статье рассматриваются два показательных эпизода: публичная переписка американского писателя с Евгением Евтушенко на страницах «Литературной газеты» и «Newsday» (1966), и реакция советской прессы на публикацию «Писем к Алисии» непосредственно из Вьетнама, после которой Стейнбек в СССР была предан анафеме и подвергнут «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рубежа 1970–1980-х гг.

Department of the USA at the personal request of J.F. Kennedy. Steinbeck had high hopes for this trip: he had heard a lot about the Thaw and a new generation of young Soviet poets and writers. However, the thaw was coming to an end, and Steinbeck, although he had a chance to meet and talk with Soviet dissidents and young poets of the sixties – E. Evtushenko, V. Aksenov, B. Akhmadulina, V. Nekrasov, etc., didn't change his opinion about the USSR as a country of unfreedom. Soviet literary criticism in the first half of the 1960s shows that Steinbeck was praised as a humanist and realist friendly to the USSR until 1966, when Steinbeck's attitude to the Vietnam War completely discredited him in the eyes of the Soviet public. The paper examines two key episodes: the public correspondence of Steinbeck and Evgeny Evtushenko in *Literaturnaya Gazeta* and *Newsday* (1966), and the reaction of the Soviet press to the publication of Steinbeck's *Letters to Alicia* directly from Vietnam, after which Steinbeck was subjected to a boycott that lasted over 15 years, until the turn of the 1970s and 1980s.

Хронологические рамки данной статьи охватывают два периода. Во-первых, окончание «оттепели», на которое пришелся второй зенит славы Стейнбека в СССР, связанный с получением им Нобелевской премии, выходом его нового романа «Зима тревоги нашей», продолжавшего реалистические традиции «Гроздьев гнева», и третьим приездом писателя в рамках культурного обмена в Советский Союз. Рассмотрению этого периода (1961–1965) посвящена первая часть статьи.

Второй период, которому посвящена вторая часть (1966–1968), носит прямо противоположный характер: участие Стейнбека во вьетнамской кампании полностью дискредитировало писателя в глазах советской общественности и привело к «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рубежа 1970–1980-х гг.

«Оттепель» в отношениях Стейнбека и СССР (1961–1965)

«*Зима тревоги нашей*» (1961/1962). В 1961 г. в издательстве «Викинг Пресс» (Viking Press) был опубликован последний роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» (“The Winter of Our Discontent”)¹. В этом произведении писатель вновь целиком обратился к современности и поднял проблему, занимавшую его на протяжении последних лет – «аморальность» американской жизни, которая, по его мнению, давно воспринимается не как недостаток, но как негласно постулируемое в обществе достоинство².

На эту книгу Стейнбек возлагал большие надежды³, которые отчасти оправдались: так, при присуждении Нобелевской премии секретарь Шведской академии Андерс Остерлинг заявил, что именно роман «Зима тревоги нашей» заставил комитет почувствовать, что Стейнбек «снова обрел свою позицию – независимого и правдивого писателя, с безошибочным чутьем ко всему подлинно аме-

---

¹ Этот роман стал последним оконченным произведением Стейнбека, напечатанным при жизни писателя: незавершенный роман «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей» (“The Acts of King Arthur and His Noble Knights”, 1959) был опубликован после его смерти в 1976 г.

² Об этом он говорит, к примеру, в интервью газете “Die Welt”: «На вопрос, какова тема романа, писатель ответил: “Аморальность”. По определению Стейнбека, пишет корреспондент, этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 6.), а также в ряде своих писем конца 1950-х гг., например, письмах Адлау Стивенсону и Дагу Хаммаршельду (Steinbeck: A Life in Letters / eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 651–653).

³ В письме Паскалю Ковичи (июль 1960) он говорил применительно к роману «Зима тревоги нашей»: «Роман — это крупное художественное произведение, имеющее свою форму, свое направление, свой ритм и свою цель. В худшем случае роман должен развлекать читателей, будет лучше, если он сумеет воздействовать на их чувства, но лучше всего, если он станет озарять им путь. Я не знаю, сумеет ли мой роман выполнить хотя бы одну из этих задач, но его цель относится к третьему пункту». (Steinbeck: A Life in Letters. P. 676–677).

риканскому – и хорошему, и плохому <...> вернулся к высокому уровню “Гроздьев гнева”»¹.

Тем не менее, американскими критиками этот роман был принят по большей части отрицательно. Как пишет биограф писателя Дж. Бенсон, даже в самых благосклонных к роману Стейнбека рецензиях, например, статье журнала “Atlantic Monthly”², в заслугу писателю ставилась «не его творческая эволюция как автора, проявившаяся в использовании новых интересных техник для диагностирования текущей нравственной болезни, но то, что эта книга напоминала собой “Гроздьев гнева”»³. О речи А. Остерлинга один из известнейших американских журналов “Newsweek” отозвался следующим образом:

Он (А. Остерлинг. – Л.К.) упустил сказать, что в его собственной стране критики едва ли увидели в «Зиме тревоги нашей» тот возврат к «высоким стандартам» 1930-х годов, который был отмечен Нобелевским комитетом⁴.

Тем временем в СССР отношение читателей и критиков к этой книге было совсем другим, во многом прямо противоположным. После окончания длительной партийно-правительственной антиамериканской пропагандистской кампании, в результате которой имя Стейнбека, как и других американских авторов, либо поливалось грязью, либо замалчивалось, и на фоне оттепели известие о выходе нового романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» было встречено в СССР с большим интересом. Иностранная комиссия Союза советских писателей, как и в случае с другими произведениями писателя, тщательно просматривала и изучала реакцию на появление этой книги на родине Стейнбека⁵. Особенное внимание в своих отчетах советские рецензенты уделили

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 9.

² Автор этой статьи отмечает среди достоинств нового романа Стейнбека следующее: «Джон Стейнбек был рожден, чтобы писать о морском побережье, и он делает это с особым вкусом и любовью. Его диалоги полны жизни, его провокация Этана на преступление весьма изобретательна, и моральный аспект этого романа свидетельствует о возвращении мистера Стейнбека к тому настроению и беспокоейству, с которым были написаны “Гроздьев гнева”». (*Weeks E.* “The Winter of Our Discontent” by John Steinbeck. A Review // *The Atlantic Monthly*. 1961. July. P. 122).

³ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 898.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 10.

⁵ См. Обзоры литературной жизни США за 1961 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 41–43; Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1–2.

слабым местам романа, отмеченным американской критикой: например, изначальной слабости и непродуманности фабулы, о которой пишет рецензент “New York Herald Tribune Books” Вирджилия Петерсон¹, или изначально неверному авторскому подходу, из-за которого Стейнбеку не удалось решить поставленные им проблемы, по мнению известного левого журналиста “Saturday Review” Гренвила Хикса².

Параллельно с этим уже в мае 1961 г. в «Литературной газете» появляется первое упоминание о романе «Зима тревоги нашей»³. Первый фрагмент из романа был опубликован в «ЛГ» спустя два месяца 29 июля 1961 г.⁴

Перевод романа был выполнен Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой летом 1961 г. В ноябре-декабре в «Иностранной литературе» был поднят вопрос о печати романа на страницах журнала. Редколлегией (в которую входили, в том числе, Б.Г. Гафуров, Т.Л. Мотылева, Е.А. Долматовский, М.И. Рудомино, Л.В. Никулин, В.П. Терешкин и Е.Ф. Трущенко) было принято единогласное решение о публикации.

При этом оценка членами редколлегии романа «Зима тревоги нашей» была самой разной. К примеру, в своем отзыве о романе Л.В. Никулин пишет:

Роман будет иметь успех у читателей, я полагаю, понравится мягкий юмор, некоторая увлекательность сюжета, есть даже некоторая идейная глубина – обличение дельцов вроде директора банка Бейкера. По-моему, надо печатать⁵.

В отличие от своего коллеги, Е.А. Долматовский отметил идейную слабость романа, заявив, что «Зима тревоги нашей» Стейнбека – «не лучшая его книга, но она должна быть напечатана. Вероятно, нам следует вслед дать статью на тему “исповедь среднего американца”»⁶.

Самый обстоятельный отзыв о романе, его содержательном и художественном аспектах оставила Т.Л. Мотылева. В своей заметке она отметила:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Стейнбек: делать что-то во имя жизни // Литературная газета. 1961. 25 мая. С. 4.

⁴ Джон Стейнбек: За чашкой чая // Литературная газета. 1961. 29 июля. С. 4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 50.

⁶ Там же. Л. 45.

Новый роман Джона Стейнбека – значительное и интересное явление в современной американской литературе. Повествуя о будничной жизни провинциального города, о повседневных невзгодах и психологических переживаниях, приводящих продавца-бакалейщика Итена Хоули к тяжелому внутреннему надлому и конечной катастрофе – Стейнбек ставит под сомнение самые основы (выделено Т.Л. Мотылевой. – Л.К.) «американского образа жизни». <...> Мы читаем о том, как хороший, неиспорченный от природы человек, горячо любящий жену и детей, честно служивший в армии во время войны и привыкший жить согласно велениям совести – жестокою логикой американского буржуазного общества вынужден стать подлецом, стяжателем, доносчиком: на этом пути перед Итенем Хоули могут открыться, и действительно открываются, перспективы богатства и почетной политической карьеры¹.

Рецензент видит достоинство этого произведения не в обобщенно-нравственном, но в узко идеологическом ракурсе – как романа, ниспровергающего «самые основы «американского образа жизни»», капиталистической системы. Подобная оценка романа, встречающаяся и в ряде других рецензий, вызывает в памяти советское прочтение «Гроздьев гнева» исключительно как антикапиталистического романа, утверждающего неизбежный приход мировой пролетарской революции.

Тем не менее, в рецепции обоих романов в Советском Союзе имеется весьма существенное различие. Его прекрасно иллюстрируют две крупные научно-исследовательские работы, вышедшие вскоре после публикации романа «Зима тревоги нашей» в СССР²: статьи Р.Д. Орловой «Деньги против человечности. Заметки о творчестве Джона Стейнбека» (опубл. в качестве послесловия в «Иностранной литературе» (1962. № 3. С. 197–208), а также в отдельном издании романа, вышедшем в Издательстве иностранной литературы в 1962) и И.М. Левидовой «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (опубл. в журнале «Вопросы литературы», 1962. № 8. С. 122-142).

Р.Д. Орлова пишет о Джоне Стейнбеке, как «глубоко противоречивом писателе, противоречивом, как и формировавшая его

¹ Там же. Л. 48.

² Роман «Зима тревоги нашей» был опубликован в первых трех выпусках «Иностранной литературы» (январь–март) за 1962 г. В том же году вышли отдельные версии книги: издание серии «Роман-газета» (вып. № 15) и книжное издание Издательства иностранной литературы.

действительность»¹. Между тем, в его разнородном творчестве она видит сквозную линию, проходящую через все произведения писателя – «деньги против человечности»; эта тема является основой и последнего романа – «старая и не стареющая коллизия американской действительности и американской литературы. Старая и не стареющая тема, лейтмотив творчества Джона Стейнбека»².

И.М. Левидова также считает, что Стейнбек – «это человек единого (разумеется, развивающегося, и не всегда поступательно) взгляда на жизнь»³. Стержень, объединяющий произведения писателя послевоенной поры, исследователь видит в его «раздумьях об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом» Эта «тема ответственности» прямо соотносится со стейнбековской темой «деньги против человечности», обозначенной Р.Д. Орловой.

Оба критика подробно останавливаются на сюжете и на центральной идее – положении человека, не вписывающегося в нормы окружающего мира и совершаемом им выборе в рамках господствующей системы. С точки зрения Р.Д. Орловой, главный герой «все время задает себе вопрос Раскольникова, перекроенный на современный американский лад: могу ли я приспособиться, принять господствующие – волчьи законы?»⁴. И.М. Левидова также пишет, что целью неправдоподобного допущения, положенного автором в основу романа, было стремление раскрыть «трудную судьбу честных и лишенных деляческой «жилки» людей в обществе, где залогом материального процветания является способность наиболее эффективно использовать своих ближних в своих собственных интересах»⁵.

Хотя оба исследователя в своих статьях повторяют, что объектом критики писателя является исключительно американское капиталистическое общество и присущая именно этой системе аморальность, не подлежит сомнению, что ценность этого романа они видят в рассмотрении проблем, важных и актуальных не только для американского, но и для советского общества и акцентируют внимание на этической составляющей романа.

---

¹ Орлова Р.Д. Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбека) // Иностранная литература. 1962. №3. С. 197.

² Там же. С. 198.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. №8. С. 124.

⁴ Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 197.

⁵ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 139.

Эти статьи наглядно демонстрируют, что роман «Зима тревоги нашей», опубликованный в СССР на закате «оттепели», говорил советским читателям, и в первую очередь интеллигенции, об их собственном положении в стране и о непростом поиске компромисса между тем, что представляется верным, нравственным, и что навязывается извне; эта книга была близка их собственным «раздумьям об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом»¹. Об этом поиске и утверждении иных ценностей, отличных от общепринятых, диктуемых окружающим миром, пишет Р.Д. Орлова: «Приказчик бакалейной лавки достигает богатства, но оказывается, что оно ему совсем не нужно, а нужно другое. Нужно вернуться к себе самому, вернуться к человеку»². Эта «вывернутость понятий», о которой говорит Р.Д. Орлова, была присуща не только «буржуазной действительности», но и советской.

Однако выразить подобную точку зрения напрямую советскому исследователю даже в «оттепельное» время по-прежнему не представлялось возможным, в связи с чем обсуждение романа велось исключительно на американском «поле» и с помощью привычных со времен «Гроздьев гнева» (и еще ранее) клише, таких, как «критика буржуазной цивилизации», «аморализм основ капиталистической цивилизации», «обличение капиталистической системы», «бескомпромиссное осуждение буржуазной морали» и др.

В СССР этот роман неслучайно пользовался большим успехом; ощущалась его созвучность духу и настроениям оттепели – прежде всего, в переносе акцента с классовой на нравственную проблематику. «Зима тревоги нашей» была признана романом писателя, «который не может и не хочет отворачиваться от зла и горя, еще наполняющих мир, и неугасимой любовью ко всему живому»³, по-прежнему борющегося за человека против всего, что калечит его тело и душу.

В целом, в 1960-х гг. роман «Зима тревоги нашей» был принят в СССР очень тепло. Е.А. Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» прямо говорит о большом внимании к этой книге культурных слоев СССР тех лет:

¹ Там же. С. 130.

² Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 208.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 142.

Вся интеллигенция России тогда зачитывалась недавно переведенным романом Стейнбека «Зима тревоги нашей», печатавшимся с продолжениями в журнале «Иностранная литература», у которого было триста-четыреста тысяч подписчиков¹.

Критика писала о том, что новый роман Стейнбека не уступает по художественной силе «Гроздьям гнева». И когда, спустя год, в 1963 г. нобелевский лауреат Джон Стейнбек в рамках культурного обмена приехал в Советский Союз, он был удивлен не только огромными тиражами его книги (300 тыс. экз.), за которые он как автор мог получить лишь установленную законом сумму в 1000 рублей, но и тем, что на сценах нескольких столичных театров вскоре должна была появиться постановка «Зима тревоги нашей»² и готовился показ одноименного телеспектакля, снятый ленинградским режиссером Р.А. Сиротой с И.М. Смоктуновским в главной роли³.

Во время посещения репетиции «Зимы» в МХТ им. Чехова жене Стейнбека Элейн показалось, что «они (русские – Л.К.) направили содержание книги Джона в русло марксистского толкования американской истории. Она попыталась донести свой протест до постановщиков пьесы, что, в свою очередь, повлекло за собой долгую дискуссию – весьма

---

¹ *Евтушенко Е.А.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // Огонек. 2002. № 32. С. 51.

² Увидев случайным образом на афише МХТ свое имя и объявление о том, что в настоящее время идут репетиции к спектаклю «Зима тревоги нашей», Стейнбек был ошарашен. По словам его биографа Дж. Бенсона, «Стейнбек объяснил, что такой пьесы не существует, но они сказали, что сделали ее. “Вы хотите сказать, — взревел Джон, — что ваши сукины дети не только украли мою книгу, но украли мою книгу и сделали пьесу из нее?”» (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer.* P. 931).

³ В письме Элизабет Отис он сообщает об этом инциденте в более примирительном ироническом тоне: «Сообщи Анни Лори, что сценическая версия «Зимы» уже ставится на подмостках Московского художественного театра. Было бы забавно перевести ее и попробовать ее в Нью-Йорке. Вот было бы надувательство, не так ли?» (*Steinbeck: A Life in Letters.* P. 780–781).

³ По сообщению газеты «Правда»: «Премьера телевизионного фильма «Зима тревоги нашей», созданного местной студией, собрал у экранов весь театральный Ленинград. Накануне премьеры фильм был как бы авторизован самим Джоном Стейнбеком, который после просмотра фрагментов заявил, что ему очень понравилась игра артистов. В новом телевизионном фильме снимались ведущие актеры ленинградских театров». (Новости культурной жизни // Правда. 1963. 15 ноября. С. 4).

странную в этих условиях – о значении “Зимы...”¹. Эта ремарка о состоявшейся долгой дискуссии между труппой МХТа и американским писателем представляется весьма интересной еще и потому, что говорит о желании и готовности актеров, изображавших в спектакле МХТ персонажей Стейнбека – американцев, но отчасти и самих себя, отстоять свое понимание этой книги здесь, в СССР, даже против мнения ее автора, что тоже ярко свидетельствует об «оттепельном» настроении эпохи.

В этих обстоятельствах представляется еще более примечательной запись, сделанная Стейнбеком в первые дни его приезда в Москву в письме Элизабет Отис: «Я спросил у одного из писателей, почему “Зима...” так здесь популярна, и он ответил, что, возможно, это потому, что проблема эта здесь не безызвестна»². Возможно, именно эта «небезызвестность» «здесь», в СССР, проблемы нравственного выбора между благополучием и честностью, между жизнью «как у всех» и жизнью по совести, и стала причиной столь радушного приема книги «Зима тревоги нашей» в Советском Союзе.

Таким образом, как и в случае с повестью «Луна зашла», последний роман Стейнбека, цель которого была призвать американских читателей «посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти во всей Америке»³, оказался понят и принят гражданами совсем другой – советской – страны, для которых эта книга оказалась сродни веянию свежего ветра, пробившегося из-за железного занавеса, «соприкосновению с чем-то чистым, нетронутым, неоскверненным»⁴, а также зеркалом, в отражении которого они увидели не только проблемы лонг-айлендского бакалейщика и его семьи, но свою собственную жизнь.

Приезд в СССР (осень 1963)

В октябре 1963 г. Джон Стейнбек, будучи уже не только всемирно известным писателем, но и лауреатом Нобелевской премии, в третий раз посетил Советский Союз. На этот раз в страну Советов он приехал

¹ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 931

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

³ *Стейнбек Дж.* Зима тревоги нашей // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Правда, 1989. С. 4.

⁴ Там же. С. 44.

в рамках программы культурного обмена, инициированного американским Госдепартаментом (по предложению президента Дж.Ф. Кеннеди) и Союзом советских писателей, и вместе с женой Элейн и драматургом Эдвардом Олби в течение почти тридцатидневного пребывания (с 15 октября по 14 ноября 1963 г.) посетил Москву, Киев, Ереван, Тбилиси, Ленинград.

Непосредственно перед поездкой известный теле- и радиожурналист Эдвард Р. Марроу¹, в то время директор Информационного агентства США, рассказал Стейнбеку о своих собственных впечатлениях в Советском Союзе и посоветовал писателю не быть слишком вежливым, но вместо этого «поднять столько шума, сколько это будет возможно», поскольку, с точки зрения журналиста, советский народ склонен симпатизировать людям, откровенно высказывающим свое мнение².

Для самого Стейнбека это был также не первый опыт знакомства с СССР, и, с его слов, предыдущие два приезда в СССР в 1936 и 1947 гг. не оставили у него хороших впечатлений³. Так, в последовавшем после возвращения Стейнбека и Олби на родину интервью «Голосу Америки» 20 января 1964 г. Стейнбек рассказал о своих впечатлениях от этой и других поездок:

Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др. В 1947 году я наблюдал там второй период сталинского безумия. В то время беседа с иностранцами без разрешения МИДа считалась преступлением⁴.

Тем не менее, в 1963 г. Стейнбек ждал новой поездки в Советский Союз с большим нетерпением. В письме Лесли Брэди, атташе по культуре в посольстве США (13 мая 1963 г.), он пишет:

И все же я хочу ехать. Я должен ехать. Хотя бы потому, что теперь молодые советские писатели, экспериментаторы не так запуганы, как ранее. И это только одно из многих изменений, происшедших в этой стране с 1947 г.

¹ Эдвард Р. Марроу (Edward R. “Ed” Murrow, 1908–1965) — один из основоположников американского теле- и радиовещания. Получил известность благодаря репортажам из Лондона во время Второй мировой войны, также один из активных участников борьбы за свободу слова и мысли во время маккартизма.

² Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer*. P. 926.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 21.

Другое – это перестройка сознания и появление нового поколения, которое не помнит ни войну, ни тяжелый гнет Сталина. Так что ради себя самого, я должен ехать¹.

В заявке Стейнбека, направленной американской стороной в Союз советских писателей, целью его поездки значилось «знакомство с советской культурой, литературой, искусством; встречи с писателями, творческой интеллигенцией, молодежью»². В данном случае позиция Стейнбека и американских властей полностью совпала в своем стремлении

прорвать советский информационный блок, посеять там столько правды о Западе, сколько это будет возможно, и показать, что американцы не монстры, что они не только заняты добыванием денег, но и проявляют большое внимание к искусству и, более того, вольны сколько угодно критиковать свое государство и правительство – даже за границей³.

В 1963 г. отношение к программе культурных обменов советской стороны было вполне определенным: все прибывавшие в СССР американские писатели (непреренно прогрессивного толка) являли собой потенциальных ретрансляторов на Западе «настоящей» советской жизни, в которой царит мир и благоденствие, люди довольны своим государством и свободны в речах и поступках. С этой целью пребывание иностранных писателей в СССР было четко урегулировано и находилось в полном ведомстве ответственных лиц с советской стороны: от предоставления писателям не отходящего от них ни на шаг переводчика до организации всех звеньев программы, включая завтраки, обеды и ужины в компании проверенных людей со стойкой партийной позицией.

Для Стейнбека также была составлена подобная программа, учитывавшая пожелания самого писателя, предварительно высказанные им в памятной записке госдепартамента и переданные затем через 2-го секретаря американского посольства Питера Бриджеса. К примеру, первый день писателя, проведенный в Москве, должен был включать:

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 769.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 1.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 940.

10:30–12:00 – визит в Посольство США.

12:00–13:00 – общее обсуждение программы в Секретариате Правления СП СССР (Чаковский, Межелайтис, Абдумомунов, Чугунов, Романова).

13:00–14:30 – обед писателя в ЦДЛ (Чаковский, Романова).

15:00–17:00 – прогулку в машине по городу и отдых¹.

Однако уже на первом этапе приезда Стейнбека советская сторона была вынуждена пойти на некоторые уступки писателю. В первую очередь это касается приезда вместе со Стейнбеком жены писателя – Элейн (что не соответствовало высказанному секретарем Правления Союза писателей СССР А. Сурковым в начале 1963 г. пожеланию о приезде американских писателей без жен)² и малоизвестного в СССР драматурга Эдварда Олби. Олби принадлежал к другому поколению, и благодаря этому, а также своему не столь высокому статусу в советской среде, имел больше возможностей для общения со своими сверстниками – советскими писателями-диссидентами.

Кроме того, уже в первые дни визита Стейнбека назрел конфликт, который мог поставить под угрозу всю программу пребывания писателя в СССР: автор «Гроздьев гнева» изъявил желание, чтобы американский дипломат П. Бриджес сопровождал его в его поездке не только по российской и украинской части Советского Союза, но и на юг страны – в Грузию и Армению, что было невозможно без долгого предварительного согласования. Как позднее писал об этом в своих воспоминаниях П. Бриджес, это произошло потому, что «в 1948 году (он ошибочно упоминает 1948 год, хотя предыдущий визит Стейнбека состоялся в 1947 году. – Л.К.) в СССР его использовали, и он не хотел, чтобы это повторилось вновь»³; он надеялся, что присутствие русскоговорящего человека из американского посольства сможет в какой-то мере обезопасить его от этого. Поэтому 21 ноября на встрече в Иностранной комиссии Союза советских писателей Стейнбек заявил, что если ему не пойдет навстречу, то он откажется от этой части программы:

Если представителю моего государства не доверяют, то нет никаких оснований доверять мне, поскольку я тоже являюсь представителем своего государства, и даже, если хотите, в известной мере Государственного департамента,

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 3.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 148. Л. 22.

³ *Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union // Steinbeck Review. 2007. Spring. Vol. 4. No 1. P. 82.*

поскольку я совершаю эту поездку по официальному соглашению, подписанному Госдепартаментом. К тому же такие случаи постоянно имеют место у меня на родине, и я всегда встаю против этого. Я не намерен изменять своим правилам, где бы то ни было. Можете считать мою поездку на юг отмененной в случае, если Питеру Бриджесу будет в ней отказано¹.

В записи этой беседы отмечено, что данное заявление было сделано «очень решительно, в ультимативной форме»².

Необходимо понимать, что сама постановка такого рода вопроса была из ряда вон выходящей – как для ситуации 1963 г., так и 1947 г. В прошлый приезд во время путешествия Стейнбека и Капы по СССР не смогли состояться очень многие запланированные американцами мероприятия. В 1963 г. П. Бриджесу в итоге была предоставлена возможность выехать вместе со Стейнбеком в упомянутые города, и это, в общем-то, оправдало надежды Стейнбека на то, что его будут «меньше использовать» в этой поездке: так, как пишет Дж. Бенсон, когда при переводе ответов Стейнбека его собеседникам переводчица писателя – Фрида Лурье – опускала какие-то его фразы, Бриджес ее поправлял и просил осуществить перевод фразы Стейнбека до конца; также он самостоятельно доводил до сведения Стейнбека все опущенные переводчицей нюансы значений русских слов³.

Впечатления писателя от пребывания в Советском Союзе во время этой поездки также были далеко неоднозначными. В первые дни своего приезда Стейнбек, глядя в ряды отстроенных домов, обилие парков и более приветливые, спокойные лица людей на московских улицах, замечает в этом приметы «оттепели». На третий день своего пребывания в Москве он пишет литературному агенту Элизабет Отис: «Должен сказать тебе, что оттепель здесь очень явственна. Ты можешь почувствовать ее везде. Я теперь здесь снова за своего. Все вернулось к исходной точке»⁴.

Примером такого поворота к «оттепели» является обед, организованный для Стейнбека Ильей Эренбургом, на котором также присутствовали диссиденты Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев. Об этой встрече Стейнбек впоследствии писал Э. Отис:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 7–8.

² Там же. Л. 8.

³ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 929.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

Прекрасный обед и много хороших разговоров. Здесь даже не стоит вопроса, есть ли оттепель на самом деле, люди – по крайней мере, интеллектуалы – говорят свободно почти на все возможные темы, хотя, конечно, не имея опыта жизни во внешнем мире, они довольно ограничены в каких-то своих оценках¹.

Однако, по воспоминаниям писателя-шестидесятника Анатолия Гладилина, в 1963 г. ко времени приезда Стейнбека в СССР, эпоха либерализма уже подошла к концу, хотя советские писатели не были ни арестованы, ни высланы за границу и еще надеялись на какие-то изменения. Сам Стейнбек, чем дольше длилось его пребывание в Советском Союзе, все отчетливее ощущал привкус искусственности, сквозящий в речах людей, без конца поднимавших бокалы за «советскую власть» и следивших за реакцией американского гостя. К примеру, близко общавшийся с писателем во время его приезда в 1963 г. Евгений Евтушенко замечает, что «в поведении Стейнбека под шумной внешне раскованностью чувствовалась некоторая недоверчивая настороженность к проявлению восторженных чувств по отношению к нему – он подозревал в этом некую “организованность энтузиазма”»².

И, чем дольше длилась программа визита Стейнбека в СССР, тем чаще он имел возможность увидеть другую сторону советской жизни, тем сильнее в нем рос скепсис по отношению к политике, действующей в стране Советов власти. Примером тому могут служить встречи Стейнбека с сотрудниками газеты «Известия», украинскими писателями, авторами журнала «Юность» и др. – на всех мероприятиях американский писатель пытался пообщаться с рядовыми сотрудниками, в первую очередь молодыми людьми, в которых видел возможность иного взгляда на СССР, на жизнь, однако в силу разных причин встречал в них покорное молчание и был вынужден вести фактически диалог с их председателями (А.И. Аджубеем, А.Е. Корнейчуком, Б.Н. Полевым).

Встреча Стейнбека с советскими писателями в редакции «Юности». Одним из самых показательных примеров подобных взаимоотношений советских писателей и Стейнбека служит эпизод, произошедший во время встречи Стейнбека с молодыми авторами журнала «Юность». Стейнбек лично настаивал на этой встрече, будучи наслышанным о ряде молодых советских поэтов и писателей, чье творчество

¹ Ibid. 781.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

характеризовалось свежим, современным взглядом на жизнь, во многом дерзким и независимым от установки властей.

Джексон Дж. Бенсон, биограф писателя, пишет, что Стейнбека в редакции «Юности» встретил главный редактор журнала Б.Н. Полевой. Он представил писателя группе постоянных сотрудников издания, включая В.П. Аксенова, В.С. Розова, Е.А. Евтушенко, А.Т. Гладилина, Б.А. Ахмадулину и др. Как только они сели за «стол переговоров», Стейнбек попытался (как он позднее напишет об этом в записях, сделанных во время поездки) вовлечь их в разговор о бунте и тех нововведениях, которыми характеризовалось творчество молодых писателей. Однако, как отмечает его биограф,

никто не говорил много, и он заметил, что присутствие Полевого действовало на них угнетающе. Наконец, Белла Ахмадулина сказала с каким-то сарказмом, что на самом деле все не так просто и, что бы Стейнбек ни подумал из их молчания, ее товарищи – люди храбрые и бесстрашные¹.

С советской стороны Анатолий Гладилин рассказывает, что перед той встречей Полевой по очереди вызывал к себе писателей и просил их быть осторожными, потому что Стейнбека непременно будет сопровождать человек из посольства, и если они не хотят закрытия журнала, то ради него, Полевого, пусть сдерживаются, не обращают внимания на провокационные вопросы, которые, несомненно, будут. В итоге все авторы дали главному редактору обещание «сдерживаться» и на протяжении всей встречи были связаны им. Гладилин по этому поводу пишет: «Мы знали, что создаем впечатление идиотов, но мы не могли пойти на поводу у этих издевок. Мы были не вправе подвести журнал, мы дали слово»².

Евгений Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» также описывает всю трагикомичность создавшегося положения. По его словам, Стейнбек около часа

ругал в хвост и в гриву собственное правительство, американское общество, прессу, а потом, наконец, остановился, перевел дух, вытер вспотевший лоб платком и подбадривающе подмигнул нам:

– Ну, я выложил вам то, что мне не нравится в моей стране. Теперь ваш черед – что вам не нравится в вашей? А ну, волчата, покажите зубы!

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 941.

² В своей книге Дж. Бенсон приводит адресованное ему письмо А. Гладилина с воспоминаниями об этом случае (Ibid. P. 942).

А волчата, то есть мы, смущенно переглядывались, краснели, пыхтели, нелепо улыбались, но никаких зубов не показывали, как будто, потеряв молочные, не отрасли новых...¹.

В своих воспоминаниях все авторы отводят особое место ответу, который дала Стейнбеку молодая Белла Ахмадулина. А. Гладилин пишет, что посреди затянувшегося молчания Ахмадулина встала и от своего имени объяснила Стейнбеку, что есть разница между ним и нами:

он может говорить все, что угодно, а мы этого не можем себе позволить, и что если господин Стейнбек этого не понимает, то это его недостаток воспитания или образования. И он это понял. И совсем по-другому посмотрел на нее и на нас².

Евтушенко также сообщает любопытные детали этого разговора. По его словам, Стейнбек сам остановил свой взгляд на девушке, бывшей явно не в лучшем расположении духа, и поинтересовался, в чем причина ее грусти, если ей все нравится в «вашей самой замечательной, самой безукоризненной, самой уникальной стране без малейшего, даже очаровательного, недостатка?». На это незамедлительно последовал ответ Ахмадулиной: «У меня права отобрали, мистер Стейнбек, – поэтому я такая грустная». Хотя переводчица перевела слово «права» буквально (*driver's license*), представитель американского посольства тут же объяснил писателю, что русское выражение «отобрать права» имеет и другой смысл – «отнять права человека (*human rights*)»³.

Сама же Ахмадулина в своих воспоминаниях акцентирует внимание не на политической подоплеке этого события, а именно на воспоминании, воссоздании личного прошлого писателей-шестидесятников, для которых встреча с классиком американской литературы стала важной частью общей истории их поколения. В ахмадулинском портрете Стейнбека в первую очередь проступает ее собственное отношение к нему, ее восхищение писателем («Я восхищалась им. <...> Стейнбек говорил так умно, так смешно. Большое впечатление на меня произвел»⁴) и некоторое отчуждение. Касательно самой встречи она со-

¹ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

² *Гладилин А.* Памяти Беллы // Российская газета. 2010. 29 ноября. С. 9.

³ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

⁴ *Мессерер Б.* Промельк Беллы // Октябрь. 2013. № 8. С. 129.

общает, что в тот день она действительно лишилась прав и потому на встречу с писателем опоздала. По мнению поэтессы, Стейнбек мгновенно оценил ее ответ, «понял, что не все так просто, что молодые волки, которые должны быть яростными, смелыми, неугодливыми, вовсе не свободны и права у них – только автомобильные...»¹.

Позднее об этом эпизоде Евтушенко вспомнит в открытом стихотворном письме Стейнбеку, написанного по случаю поддержки последним войны во Вьетнаме (1966)².

Важно отметить, что эта встреча оказала столь серьезное воздействие на каждого из ее участников, что редактор журнала Борис Полевой спустя год направил Стейнбеку письмо, в котором сообщил, что после их «весьма “вежливой” беседы ребята и девушки из журнала “Юность” окружили меня в некотором замешательстве и упростили передать Вам их извинения и сожаления за то, что события сложились таким образом»³. В том же письме Полевой объяснил причину скованности молодых писателей – присутствие дипломата, который, хотя «был хорошим и приветливым человеком, все равно оставался дипломатом»⁴. В конце письма Полевой выразил надежду, что Стейнбек вновь вернется с визитом в СССР, и тогда они вновь увидятся и на этот раз – без третьих лиц.

Сохранился официальный отчет об этой встрече, предназначенный для ЦК КПСС и выполненный присутствовавшей на этом мероприятии референтом Иностранной комиссии Союза советских писателей, переводчицей Стейнбека, Ф.А. Лурье. В своем отчете о пребывании американского писателя в СССР она отметила, что «контакт с аудиторией у Стейнбека <...> не установился»⁵, поскольку в ответ на провокативные выпады Стейнбека, члены редколлегии журнала «Юность» (среди которых она называет критика Л. Лазарева, писателей В. Аксенова, А. Гладилина, Б. Ахмадулину) «выступили с защитой морально-этических принципов советской литературы»⁶.

Встреча в редакции журнала «Юность» продемонстрировала особенности положения советских писателей-шестидесятников, их общей «юности» на фоне уходящей хрущевской «оттепели». С другой сторо-

¹ Там же.

² *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 35.

⁶ Там же.

ны, эта встреча стала важной частью «советского опыта» Стейнбека, яркой страницей в истории его взаимоотношений с СССР.

В своих отчетах по окончании поездки в СССР Стейнбек выделял молодую советскую интеллигенцию, которая «нашла в себе мужество встать против указаний Кремля»¹. Путешествовавший вместе со Стейнбеком драматург Эдвард Олби в интервью газете “New York Times” так описал настроение молодых авторов:

Эти писатели едко подшучивают над консерваторами, своими оппонентами в среде советских писателей, но, когда беседа грозит затронуть трудности их жизни, они попросту улыбаются или укрываются за иронией. Они не в состоянии депрессии, они не оптимистичны – они ироничны. <...> Я не могу не повторить это слово «ироничны»².

Встреча Стейнбека с В. Некрасовым в Киеве. Подобная история еще до встречи в редакции «Юности» произошла и с другим советским писателем-диссидентом, находившимся в то время в опале – В.П. Некрасовым. Как сообщал в своих воспоминаниях о Некрасове писатель Г.И. Кипнис, 1963 г. – время приезда Стейнбека в СССР –

был тяжелым для Виктора Платоновича: в январе появилась в «Известиях» недоброй памяти реплика «Турист с тросточкой», в марте – яростные нападки из Москвы лично главы государства, самого Никиты Сергеевича, в апреле в здании Верховного Совета Украины состоялся республиканский актив, на котором Некрасову угрожал первый секретарь ЦК Подгорный, а как раз в дни, когда у нас находился Стейнбек, автора «В окопах Сталинграда» про-рабатывали на уровне киевского горкома и Ленинского райкома партии³.

В официальную «свиту», состоявшую из «больших и малых» украинских писателей, окружавшую Стейнбека во время его приезда в Киев, Некрасова, конечно, не включили. Но Стейнбек, по словам А.Г. Полянкера, еще в США ознакомившийся с впечатлившим его эссе Некрасова об Америке «По обе стороны океана»⁴, а также получив-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

² Там же. Л. 16.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек // Киевские новости. 1994. 22 апреля. С. 8.

⁴ Полянкер А.Г. «Перешедший реку» (Памяти Григория Полянкера). Киев: Адеф-Украина, 2008. <http://www.nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Polianker-Grigoriy.aspx>

ший в Москве от Эренбурга напутствие встретиться в Киеве с автором «В окопах Сталинграда», твердо выражал украинским организаторам поездки свое намерение увидеться с Некрасовым и несколько раз получал от них ответ: «вы не можете увидеть его, потому что он болен; вы не можете увидеть его, потому что его нет в городе; вы не можете увидеть его, потому что он находится в середине своей работы над книгой»¹.

Однако памятное свидание двух писателей все-таки состоялось. И, как в случае со встречей Стейнбека с молодыми авторами в редакции «Юности», сохранилось несколько версий произошедшего с советской и американской стороны. Суть их сводилась к одному: во время торжественного приема Стейнбека, проходившего в огромном зале Союза советских писателей под председательством его бывшего главы А.Е. Корнейчука (также принимавшего у себя Стейнбека и Капу в 1947 году) Стейнбек отказался продолжать разговор до тех пор, пока не увидит Некрасова. По словам И.Л. Дегена, у которого в этот день гостил писатель, «в тот вечер в зале царил траурная атмосфера. Более часа хозяева и официальные гости сидели в напряженном состоянии, а “невоспитанный” Стейнбек не желал ни с кем общаться, пока не встретится с Некрасовым»².

Некрасова, который жил в одном доме с Корнейчуком и был, разумеется, в добром здравии и свободен от дел, в результате пришлось искать по всему Киеву. Из дома И.Л. Дегена (куда за писателем буквально через полчаса после его ухода явился чиновник в штатском) Некрасов отправился провожать кого-то в аэродром, а вернувшись домой, был пойман сначала по телефону, а после лично – неким «Игорем» из Союза советских писателей, заведовавшим иностранными гостями, который и доставил его на машине на прием к Стейнбеку. Как рассказывал позднее сам Некрасов,

заяхавшийся Игорь сообщил мне, почему-то понизив голос, что в Союзе сейчас принимают Стейнбека и что тот заявил, что не уйдет, пока ему не покажут живого Некрасова. По имеющимся у него сведениям, я арестован. Все в панике, гонцы разосланы во все забегаловки и пивные точки города...³.

¹ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

² Деген И.Л. Портреты учителей. <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/portrety.txt>

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

Некрасов описал картину, увиденную им по прибытии в Союз писателей, следующим образом:

За длинным столом, на том месте, где обычно стоит гроб, расположилось все начальство при всех орденах и регалиях и среди них, посередине, знатный гость – седой, востроглазый, с небольшой бородкой клинышком. Рядом с ним переводчица. На столе батарея бутылок отменных коньяков и всякого рода телятина и белорыбица. Вдоль стен – сидя и стоя – писатели второго сорта. Лица у всех напряженно-усталые – сидят уже третий час. Все, что положено, уже сказано и спрошено, говорить больше нечего. Всеобщее томление. Даже коньяки не лезут в глотку¹.

Жена Стейнбека Элейн, также присутствовавшая на этом приеме, весьма образно описала появление Некрасова в зале Союза писателей:

Все перестали говорить и посмотрели в его сторону. Это был совершенно точно один из самых великолепно выглядящих мужчин, которых я когда-либо видела, очень темный, с крупным шрамом через лицо, очень лихой, чем-то похожий на крестьянина. Мужчина большими шагами пересек комнату, встал перед Джоном. Он хлопнул рукой по столу и сказал: «Некрасов!» И Джон хлопнул рукой поверх его и сказал: «Стейнбек!» И мужчина сказал: «Я слышал, вы искали меня. Я выбрался из подполья, чтобы увидеть вас». Это было нечто².

Вскоре после того, как Стейнбек «заполучил» себе Некрасова, он завершил пресс-конференцию и, покинув смущенное таким поворотом событий начальство Союза писателей, удалился вместе с советским автором в отель «Москва», где за столиком в ресторане проговорил с ним всю ночь.

Эпизод встречи Стейнбека и Некрасова был также задокументирован официальным представителем Союза писателей СССР Ф.А. Лурье. В ее отчете эта встреча была изображена как один из немногих эпизодов, способствовавших формированию у Стейнбека положительного впечатления о советских писателях (возможно, вследствие того, что по настоянию Виктора Некрасова в этом разговоре не принимал участия секретарь американского посольства Питер Бриджес). По словам

¹ Там же.

² *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

Лурье, Стейнбек упорно настаивал на этой встрече и требовал, чтобы она происходила в неофициальной обстановке. Оказавшись после приезда в Союзе писателей Украины в гостинице, Некрасов сразу же спросил Стейнбека, чем был вызван повышенный интерес американского гостя к его особе (ведь книг Некрасова Стейнбек, скорее всего, не читал), и предположил, что, вероятно, «критикой его последних произведений и той шумихой, которую в связи с этой критикой усиленно раздувают на Западе». Стейнбек ответил на это, что «много слышал о Некрасове как о честном писателе и намерен теперь прочесть все его книги, переведенные на английский язык»¹. После дружеской беседы, на которой советский писатель держал себя с большим достоинством, Стейнбек подарил Некрасову свою трубку² и, как сообщает Лурье, в целом, «был глубоко взволнован этой встречей. Он сказал, что такие краткие встречи гораздо важнее и значительнее многословных разговоров на общие темы»³.

Данный эпизод, как и вышеописанная встреча Стейнбека с московскими шестидесятниками наглядно показывают, с одной стороны, сложившееся отношение американского автора к официальным советским властям, близкое к дерзости, связанное с пониманием того, что, как и зачем ему (как и в 1947 г.), будут показывать, и чего он, в свою очередь, как нобелевский лауреат и фактически посланник президента Джона Ф. Кеннеди, может требовать от них. С другой стороны, эта встреча говорит об огромном и настойчивом желании Стейнбека во что бы то ни стало пробиться к настоящим, неангажированным коммунистической идеологией писателям, появление которых он предчувствовал еще в своих письмах 1950-х гг.⁴ и увидел в молодой поросли советских писателей-диссидентов, шестидесятников – Некрасове, Евтушенко, Аксенове, Ахмадулиной и других независимых (в той степени, в какой это было для них возможно) советских авторов.

Освещение советской прессой приезда Стейнбека. В отличие от поездки 1947 г., проходившей в обстановке полной секретности, приезд нобелевского лауреата Стейнбека в 1963 г. освещался советской прес-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 33.

² В ответ на подарок Стейнбека Некрасов также прислал американскому романисту свою трубку. В приложенной к ней записке он написал: «Я курил эту трубку в годы войны в госпитале, когда у меня была ранена правая рука, и я не мог сворачивать сигарку». (Там же. Л. 34).

³ Там же.

⁴ См. письма Стейнбека 1950 г. и 1958 г. (Steinbeck: A Life in Letters. P. 403, 602).

сой очень широко. Во всех основных периодических изданиях СССР в начале поездки писателя почти каждый день появлялись заметки о посещении автором «Гроздьев гнева» тех или иных мест, разговоры и интервью с ним и описание его встреч с читателями.

Первой о приезде Стейнбека в СССР читателям сообщила газета «Известия», опубликовав интервью, взятое у него в первый день его приезда в Москву. Заметка К. Вишневецкого носила программное название «Нам нужны контакты» и приводила следующие слова писателя:

В Советском Союзе я уже третий раз. Любопытство – вот что меня привело сюда. Когда мне предложили поехать в СССР, так сказать, по линии соглашения о культурном обмене между Советским Союзом и США, я обрадовался. Я сказал себе: пора. Пора туда ехать. Ты давно уже там не был...¹

Вишневецкий рисует положительный образ писателя, описывая его как представительного, серьезного мэтра, тем не менее, не потерявшего былую хватку и живой интерес к современности. В конце заметки он передает прощальные слова Стейнбека, сообщающие о главной цели его пребывания в СССР – все то же наведение «мостов» и разного рода контактов между двумя странами, которое в 1947 г. провозглашал Роберт Капа:

Я хотел бы, чтобы вы передали читателям «Известий» вот что, – говорит Стейнбек, – наибольшую важность сегодня имеют контакты между людьми, правительствами, странами. Когда эти контакты нарушаются – это опасно. Я надеюсь, что контакты между нашими странами будут восстановлены².

Статья «Литературной газеты» также помещает первые оптимистичные слова писателя, только что прибывшего в советскую страну:

Я хотел увидеть эти грандиозные перемены – вот цель моей поездки, – говорит Стейнбек. – Я собираюсь погостить у вас целый месяц. – Лютят осенние дожди? Меня погода не смущает. Главное – люди, а они всегда представляют для меня интерес, в любое время года³.

¹ Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... // Известия. 1963. 16 октября. С. 4.

² Там же.

³ Тугужева М. Стейнбек вновь в Москве // Литературная газета. 1963. 17 октября. С. 4.

Возможно, самой известной публикацией, нарисовавшей портрет американского писателя в Москве, стал материал «Известий» того же К. Вишневецкого «Разговаривая со Стейнбеком». В этом интервью был нарисован простой, «свойский» образ писателя, не понаслышке знакомого с трудом, с творческими падениями и неудачами, близко наблюдавшего войну («и сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война»¹), горячо любящего свою страну и переживающего за ее темные пятна, такие как расовая дискриминация и маккартизм, с удовольствием вдыхающего осенний московский воздух, который напоминает ему «климат моего родного штата» и, наконец, испытывающего не иначе чем благоговение при соприкосновении с памятью своего великого советского собрата по цеху («Я как-то робую, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...»²).

Впоследствии это интервью, напечатанное в крупнейшей советской газете и растиражированное во всех уголках Союза, куда прибывал американский писатель, столь часто упоминалось на встречах с ним, столь часто цитировалось, что Стейнбек, вернувшись в Москву и вновь оказавшись во время встречи с представителями советской и иностранной прессы лицом к лицу с К. Вишневецким, взявшим у него это интервью, не мог не сыронизировать по этому поводу. Так, ответив на вопрос советского журналиста о роли прессы в смягчении международной обстановки, Стейнбек добавил следующее:

Я хочу сказать своему другу из «Известий», что его газету очень широко читают в Советском Союзе. Я встречал читателей газеты «Известия» в Грузии, Армении, на Украине и очень часто в беседах со мной цитировали мое интервью газете «Известия». Я, очевидно, единственный человек в Советском Союзе, который не читал его». Т. Вишневецкий попытался возразить: «Но вы говорили все это», на что Стейнбек ответил: «Я не знаю, потому что я не помню, что я говорил»³.

В целом, можно отметить, что в 1947 г. Стейнбек в своих разговорах с советскими людьми часто прямо высказывал свое мнение

¹ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4185. Л. 10

о тенденциозности и «шовинизме»¹ советской прессы, ее ««нажмем» на сознание человека и таившемся в ней в силу этого “зле”»² и всякий раз встречал отпор со стороны своих советских собеседников, пытавшихся изменить это его мнение; в 1963 г. он старательно избегал разговоров на эту и другие полемические темы, либо отшучивался. Так, по воспоминаниям Г.И. Кипниса, бравшего у американского писателя интервью от «Литературной газеты» в Киеве, Стейнбек позволил себе такой выпад и в сторону «Литературки», когда советские интервьюер спросил о его главных впечатлениях в СССР на настоящий момент:

Стейнбек остановился и внимательно посмотрел на меня:

– Хотите знать, что поразило меня больше всего?

Он сильно затаился и, стараясь скрыть волнение, произнес:

– «Литературная газета»! То, как она быстро и щедро отразила мое пребывание в Киеве...³.

И в конце интервью, когда Кипнис вновь задал приехавший уже американскому писателю вопрос о том, не желает ли он передать что-либо читателям «Литературной газеты», Стейнбек ответил:

– Читателям? – переспросил автор «Зимы тревоги нашей». – Читателям пока нет. А секретариату вашей газеты – мой большой и пламенный привет. – И бросил палку...⁴.

Кроме того, в своей мемуарной статье Г.И. Кипнис поднимает важный вопрос: почему в какой-то момент, приблизительно в середине поездки Стейнбека по СССР, после возвращения писателя из Киева и перед его поездкой в южные республики, в советской печати вдруг резко сократилось количество публикаций, освещавших его приезд. Как сообщает Кипнис,

почти вся центральная печать в день приезда выдающегося писателя дружно сообщила об этом факте информацией и фотографией. Было такое впечатле-

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 118.

² ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 181.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ Там же.

ние, что интерес к визиту будет нарастать по восходящей, но за исключением, кажется, только «Известий», давших целый четырехполосный «стояк», дело ограничилось небольшими «фитюльками»¹.

Советский автор выдвигает предположение, что, по всей видимости, Стейнбек своим приездом в Москву преследовал самые высокие цели, в том числе намеревался увидеться с Н.С. Хрущевым и поговорить с ним о взаимоотношениях между США и СССР (о своем большом интересе к политике СССР и своей личной симпатии к первому секретарю ЦК КПСС Стейнбек в частности говорит в упомянутом выше интервью «Известиям»²). В Советском Союзе, видимо, тоже в начале его визита приглядывались к писателю, пытались разгадать его намерения. И, как пишет Кипнис,

ничего не получилось. Видимо, не понравился при ближайшем рассмотрении. Слишком своенравный и чересчур вольнодумный, что ли. Так или иначе, но встреча на высшем уровне не состоялась, а газетам спустили команду – перестать широко афишировать писателя, подумаешь. Нобелевский лауреат... Открытых нападков, как у нас делается, не было, но информация о встречах писателя была, по сути, скомкана³.

Взятое Кипнисом интервью писателя в «Литературной газете» также не было опубликовано.

Так или иначе, но после тех бурных приветствий, которыми ознаменовался приезд Стейнбека в Советский Союз, уже начиная где-то со второй недели его пребывания в стране, в «Известиях» и «Литературной газете» вышло всего несколько статей, посвященных Стейнбеку, среди них одно большое интервью Э. Межелайтиса, взятое им в первые дни пребывания нобелевского лауреата в Москве⁴, и несколько небольших заметок информационного характера. Соответственно отъезду писателя из СССР было уделено два коротких абзаца в «Литературной газете», в которых было вкратце сказано о том, что Стейнбек месяц гостил в СССР, посетил различные советские города, встретился с писателя-

¹ Там же.

² *Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

³ *Кипнис Г.И.* Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ *Межелайтис Э.* Познавший «Соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

ми, побывал в различных издательствах, редакциях газет и журналов¹. И лаконичность этой заметки, пожалуй, является самым красноречивым свидетельством того, насколько успешно была выполнена цель поездки Стейнбека – налаживание контакта «между людьми, правительствами, странами», о которой он заявил в день своего приезда в Москву².

Подведение итогов в Союзе писателей СССР. О серьезных намерениях Джона Стейнбека добиться встречи с первым секретарем ЦК КПСС и гипотетической возможности такого события свидетельствуют архивные документы. Как сообщает в своем отчете референт Иностранной комиссии ССП Ф.А. Лурье, Стейнбек дважды выражал свое пожелание встретиться с Н.С. Хрущевым – на приеме у А.И. Аджубея и в Союзе писателей СССР³. И после половины срока пребывания американского писателя в Советском Союзе 4 ноября 1963 г. Секретарь Правления ССП А.Б. Чаковский направил в ЦК запрос, в котором передавал просьбу Стейнбека об аудиенции у главы советского правительства и просил соответствующих указаний. К письму Чаковского также прилагалась подробная биография писателя, сообщение о переводах его книг в СССР и ходе его текущей поездки по СССР, в которой значительное место было уделено роли секретаря американского посольства Питера Бриджеса, о котором было отдельно сказано, что этот дипломат «использует самые разнообразные методы и приемы для отрицательного влияния на Стейнбека и его супругу, что чрезвычайно осложняет всю работу с ними»⁴.

Уже после окончания визита американского писателя 20 ноября в ЦК был также направлен отчет Иностранной комиссии ССП о пребывании Джона Стейнбека и его супруги в СССР, составленный Ф.А. Лурье. Помимо описания самой поездки – каким образом она была задумана, спланирована, как проходила, в каких городах, контакты с какими советскими людьми включала в себя и т.д. – референт Иностранной комиссии отдельно остановила свое внимание на нескольких важных моментах.

В первую очередь анализу были подвергнуты поведение, характер, художественные вкусы и общественно-политические взгляды писателя,

¹ Отъезд Джона Стейнбека // Литературная газета. 1963. 16 ноября. С. 3.

² Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 31.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 194. Л. 6.

которые он демонстрировал им во время своего визита в СССР – их действительно можно было бы обозначить словами Г.И. Кипниса: «слишком своенравный и чересчур вольнодумный»¹.

Однако самое большое пристальное внимание референт уделила изображению деятельности Питера Бриджеса, который на официальных основаниях (согласно указанию Госдепартамента по предварительной договоренности с ГККС), сопровождал Стейнбека и его супругу в этой поездке. В своем отчете Лурье описывает этого дипломата как «умного, изворотливого и хитрого противника, не упускавшего ни малейшей возможности для соответственной обработки Стейнбека и его жены и оказания на них враждебного нам влияния»². По словам референта, Бриджес, продемонстрировав «незаурядные способности к психологической обработке порученных ему “подопечных”»³, с первого дня завоевал расположение и дружбу Стейнбеков и использовал это в своих служебных целях: на протяжении поездки дипломат комментировал все происходящее, внося коррективы, высказывал по любому удобному поводу критические соображения, вставлял иронические замечания, обращал внимание американцев на негативные стороны советской жизни и преимущества американской системы, а также организовал свои собственные мероприятия: не значившиеся в программе ССП: поездку на Новодевичье кладбище, встречу без участия официальных лиц с Е.А. Евтушенко и др.

Вывод Ф.А. Лурье касательно этого опыта «сотрудничества» Инокомиссии ССП с представителем американского посольства однозначен:

---

¹ К примеру, Ф.А. Лурье пишет, что на встречах со своими советскими коллегами Стейнбек затрагивал вопросы, связанные со «свободой творчества», «правом на эксперимент», «конфликтом между поколениями», говорил о «недопустимости вмешательства правительства в творческую жизнь художника» и т.п. Также референт Инокомиссии ССП сообщает: «В ряде случаев Стейнбек поднимал вопросы чисто политического характера, об отношении к Кубе и Фиделю Кастро, — в беседе с писателем К. Симоновым; об отношении к факту существования берлинской стены (на встрече с ленинградскими писателями) и т.п. Беседуя с писателями, Стейнбек многократно говорил об извечной «оппозиции» писателей официальным установлениям, «беспощадной критике недостатков» и т.п.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 29–30).

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 36.

Впредь практику «опеки» подобного рода следует решительно отвергать, поскольку американская сторона прибегает к ней с благовидными целями для оказания враждебного нам влияния на приезжающих в СССР американских писателей <...> Вряд ли целесообразно впредь при любых обстоятельствах предоставлять американским дипломатам, весьма враждебно относящимся к нашей стране и советскому народу, возможность поездок по республикам Советского Союза, даже в том случае, *если от-каз в такого рода поездках и будет угрожать продолжению контактов с американскими писателями в рамках официального соглашения* (Курсив мой. Л.К.)¹.

Стейнбек о поездке в СССР. В целом о личном отношении Стейнбека к СССР, сложившемся у него еще ранее и укрепившемся в этой поездке, красноречиво свидетельствует его тост, произнесенный на прощальном банкете в Тбилиси и задокументированный в отчете референта ИК ССП:

«Прощайте!», – не «До свидания!», а «Прощайте!», – сказал он. – Идите своей дорогой, куда бы она вас ни привела. Если бы я не был атеистом, я бы сказал: «Да поможет вам Бог!»²

Тем самым, в результате вновь повторившихся в этой поездке бесчисленных споров с советскими людьми о двух системах и тщетных попыток доказать принимающей стороне превосходство американской демократической системы, Стейнбек, как и в 1947 г.³, пришел к мнению о невозможности переубедить своих идеологических оппонентов и вынужденной необходимости принять их право на строительство своего (непонятного и чуждого ему) миропорядка в своей стране как данность.

Говоря о публикациях Стейнбека, посвященных его последней поездке в СССР, Элейн Стейнбек и Роберт Вэлстейн, составители сборника его писем, отметили:

¹ Там же. Л. 46–47.

² Там же. Л. 42–43.

³ Эту точку зрения Стейнбека накануне отъезда из СССР в 1947 г. Р. Капа определил следующим образом: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 176).

Как обещал¹ Стейнбек, еще находясь за «железным занавесом», он не написал публично о своих впечатлениях, полученных там. Вместо этого он написал большое число благодарственных писем, о которых сам автор красноречиво высказался в послании Л. Брэди: «Я должен известить тебя, что я написал несколько наиболее порфириносных писем, которые ты когда-либо мог увидеть, Союзу писателей Еревана, Тбилиси и Киева. Их содержимое может прозвучать для нас несколько простодушно и старомодно, но я выучился этому стилю, находясь там»².

Тем не менее, по приезду в США Стейнбеку необходимо было отчитаться о своей поездке в Вашингтоне, для чего он подготовил 40-страничный отчет о своих впечатлениях от СССР и восточноевропейских стран. Как он сообщал в письме П. Бриджесу, «если он (отчет. – Л.К.) не понравится Департаменту, я отправлю его в “Newsday” или в один из других журналов, просивших у меня материал»³.

Документы Стейнбека были приняты госдепартаментом, в настоящее время часть из них хранится в библиотеке Стэнфордского университета⁴.

Несмотря на данное Стейнбеком устное обещание не афишировать на Западе свои впечатления от СССР, Иностранная комиссия Союза советских писателей вскоре после его отъезда тщательно отслеживала прессу тех стран, в которые последовал Стейнбек из Москвы, собирая все записи и политически значимые высказывания писателя в отдельный документ.

¹ Об этом обещании Стейнбека не сообщать публично о своих впечатлениях от Советского Союза, также сообщает в отчете о пребывании Стейнбека в СССР в 1963 г. Ф.А. Лурье. По словам референта, на аэродроме перед вылетом в Варшаву Стейнбек заявил: «Мы с женой оставляем здесь много искренних и настоящих друзей. Мы полюбили народ вашей страны и никогда не скажем о нем ничего плохого. Протест, выраженный мною вчера в посольстве на пресс-конференции, связан лишь с фактом ареста профессора Баргхорна и никакого отношения к советскому народу не имеет. Я хочу, чтобы вы знали это <...> Журналисты могут исказить в печати смысл сделанного мною заявления». (Там же. Л. 44–45).

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 788.

³ Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union. P. 91–92.

⁴ Papers and memoranda based on State Department-sponsored trip to the U.S.S.R. and East European countries, 1963. Об этих документах сообщает Дж. Бенсон в примечаниях к книге “The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography” (P. 1080) и к статье: “Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck.” *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 59.

В этом отношении особо примечательна статья “New York Times”, освещавшая встречу Стейнбека с советскими читателями в Библиотеке иностранной литературы в Москве 21 октября 1963 г.¹ В отличие от краткой заметки «Литературной газеты» (о которой уже говорилось выше), акцентировавшей внимание на необычайно теплом приеме писателя советской публикой, растопившим его сердце («Я шел на это собрание, как на казнь, а встретил доброту и понимание»²), отреферированная Инокомиссией ССП статья “New York Times”, помимо перечисления тем, «от абстрактного искусства и до негритянских писателей и джаза»³, о которых шла речь во время встречи, назвал еще ряд острых моментов. Во-первых, в статье было отмечено, что встреча в основном велась на одном поле – поле Стейнбека, т.к. на обращенный им в зал вопрос «об идеологическом наступлении Коммунистической партии в области искусства и литературы в начале этого года» никто не дал ответа, сославшись на то, что «здесь принято, чтобы иностранные писатели рассказывали сами о своей работе»⁴. Во-вторых, американский рецензент ответил, что слова Стейнбека об Эренбурге, «как “о своем друге, которым могут гордиться не только русские, но и весь мир”», были встречены публикой аплодисменты, после чего добавил, что «Эренбург был в числе тех, кого обвинили в этом году в отклонении от партийной линии»⁵.

Кроме того, журналист “New York Times” в конце статьи позволил себе сделать несколько более общих замечаний – о том, что книги Стейнбека приобрели в СССР большую известность, главным образом, после 1956 г., «когда кампания десталинизации открыла двери Советского Союза чуть пошире для иностранных книг»⁶, и что творчество Стейнбека в советской критике было разбито на разные периоды, и список «приемлемых» произведений писателя включает в себя «Гроздь гнева», «оцененные здесь как “реалистическое отображение борьбы фермеров против монополий”», «Квартал Тортилья-Флэт», «Жемчужину» и «Зиму тревоги нашей»⁷.

В Варшаве Стейнбека застигло известие о трагической гибели 22 ноября 1963 г. Дж.Ф. Кеннеди, по просьбе которого была совершена

¹ Steinbeck Meets the Soviet Press // New York Times. 1963. Oct 22. P. 34.

² Встреча со Стейнбеком // Литературная газета. 1963. 24 октября. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

поездка писателя в СССР и которого Стейнбек хорошо знал лично. Тема его смерти и последующей политики американских властей поднималась на пресс-конференциях писателя в Варшаве, Вене, Праге.

На пресс-конференции в Вене Стейнбек высказал западным журналистам свое мнение о Н.С. Хрущеве:

Хрущев, – сказал Стейнбек, – хороший политик, который осуществляет разумное руководство. Это можно было увидеть не только во время дела Баргхорна, когда советский премьер-министр лично распорядился освободить Баргхорна, но еще в дни кубинского кризиса, когда кремлевский руководитель попытался, по возможности, выпустить пар из котла международной напряженности¹.

Кроме того, памятуя о своих встречах с молодыми советскими писателями, Стейнбек отметил, что в области литературы в СССР «преодолен застой последних 35 лет, и в авангарде находится молодая советская интеллигенция, которая “нашла в себе мужество встать против указаний Кремля”»².

О посещении Стейнбеком западного Берлина Иностранная комиссия ССП отобрала целых пять рецензий различных немецких и американских изданий. По словам писателя, о поездке в американскую часть Берлина его просил покойный президент Кеннеди. В целом, он старался воздерживаться от комментариев по поводу стены, но, как пишет “New York Herald Tribune” (выпуск 12 декабря 1963 г.), подойдя к ней вплотную и увидев с восточной стороны часовых с автоматами, Стейнбек сказал, что в Москве он беседовал о берлинской стене со многими русскими:

Все они говорили мне, что единственная причина сооружения этой стены – это контроль над валютой. Эти русские утверждали, что никто ни в кого не стрелял у стены, кроме западноберлинской полиции³.

Спустя несколько дней в “New York Herald Tribune” появляется другая заметка, которая также привлекает внимание сотрудников Иностранной комиссии ССП – о том, что «Стейнбек отказывается посетить Восточный Берлин». В статье приводятся следующие слова писателя:

¹ Там же. Л. 7.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

«Хоть я и сочувствую заключенным, но не люблю тюремщиков. Если бы я мог помочь, я бы поехал, но не из любопытства». По его мнению, также следует, что «стена – это неудачное мероприятие»¹.

Наконец, завершающим аккордом посещения Стейнбеком и Олби СССР стали две радиопередачи, которые вышли по прибытии американцев на родину в начале 1964 г. в «Голосе Америки» и были подробно задокументированы Иностранной комиссией ССП. В первой передаче от 13 января Стейнбек и Олби в основном, рассказывали о своих впечатлениях от СССР и от общения с советскими писателями, о различиях в восприятии советскими и американскими авторами цели своего ремесла и роли художника в обществе. Например, по мнению Стейнбека, американские писатели «критикуют свое общество, если их не устраивает его мораль, не считая необходимым требовать при этом коренных изменений в его социальном устройстве», в то время как советские писатели, по словам Стейнбека, «не могут этого делать, т.к. они должны поддерживать его политику»². Также из бесед с советскими писателями Стейнбек вынес убеждение, «что их интересует прежде всего политика, а потом уже проблемы морали, в том время как американских писателей и писателей Запада, прежде всего, занимают проблемы “морально-этические”»³.

Во второй передаче от 20 января больше внимания было уделено вопросам культурных обменов между США и СССР. Оба писателя, Стейнбек и Олби, отметили полезность своей и подобных ей поездок и высказались за продолжение практики культурного обмена, считая его одним из важнейших средств для нахождения общего языка. Так, подобно тому, что он уже говорил в 1947 г., Стейнбек заявил:

Я думаю, что одна из самых больших опасностей в мире возникает тогда, когда закрываются двери и воздвигаются стены... У нас произошла потеря понимания сигналов. Личные встречи и разговоры «помогают восстановлению общего языка»⁴.

Присоединившийся к мнению своего старшего коллеги Олби обозначил особенную важность «участия молодежи во взаимных поездках по

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 19–20.

⁴ Там же. Л. 22.

культурному обмену», поскольку, по его словам, «молодежь доверяет друг другу больше, чем старшему поколению»¹.

В целом, говоря об отзывах Стейнбека о его третьем визите в СССР, опубликованных в зарубежной прессе, нельзя не отметить, что, как и в «Русском дневнике», нобелевский лауреат, назначенный Кеннеди «послом мира», в своих заявлениях старательно обходил сложные политические вопросы, концентрируясь на том общем, что объединяет два народа, и, тем самым, демонстрировал свое лояльное отношение к СССР, политике Хрущева, в особенности возлагая надежды на новое поколение советских писателей, нашедшее в себе «мужество встать против указаний Кремля»². С другой стороны, показательным является то, что, если Стейнбек в первые дни своего пребывания в Москве с восторгом писал об «оттепели», которая чувствуется везде³, то спустя несколько месяцев по возвращении домой он осторожно добавлял: «Там есть оттепель. Не дошло до таяния. Но изменения по сравнению с тем, что я видел там в первый раз, налицо»⁴.

Попытка приглашения советских писателей в США ПЕН-клубом.

Вернувшись на родину и проанализировав результаты своего путешествия в страну Советов, Стейнбек и Олби задумались о том, чтобы изменить формат советско-американских «культурных обменов», убрав их политическую составляющую. С этой инициативой они обратились к президенту американского ПЕН-клуба Джону Фаррару. И спустя полгода после поездки Стейнбека и Олби в СССР ПЕН-клуб направил шести молодым советским писателям (большинство из которых присутствовало на той встрече в редакции журнала «Юность») – В.П. Аксенову, Ю.П. Казакову, В.П. Некрасову, А.М. Володину, А.А. Вознесенскому и Е.А. Евтушенко (позднее в список были добавлены К.М. Симонов и М.П. Бажан) за подписью Стейнбека и Олби приглашение посетить Америку. В этом приглашении, направленном советским авторам, говорилось, в частности, следующее:

«Мы обсуждали наши впечатления от поездки со многими из наших коллег после нашего возвращения в Америку. В своих разговорах

¹ Там же.

² Там же. Л. 7.

³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

мы отметили в особенности возросшее значение того, о чем мы говорили с вами до нашего отъезда из Советского Союза: мы, писатели, можем сослужить хорошую службу в деле мира и международного понимания, причем сами по себе, без вмешательств и хлопот со стороны государств, официальных обменов и т.д. По крайней мере, так мы сможем увидеть, что писатели двух наших государств имеют возможность узнать друг друга, разделить свои мысли, обсудить различия между ними. И поэтому мы обратились с предложением к нашим коллегам пригласить писателей из Советского Союза посетить Соединенные Штаты в качестве личных гостей писателей Америки»¹.

Стейнбек и Олби от лица ПЕН-клуба предлагали советским писателям приехать в сентябре 1964 года (а в следующем письме, отправленном в ноябре, – весной будущего года) и провести в Америке 6 недель, в течение которых они бы могли всецело пообщаться со своими американскими коллегами, «увидеть наши университеты, наши города, наши пригороды»² и, в целом, самостоятельно составить себе программу поездок, которая бы их устроила.

Приглашения на имя каждого из советских писателей поступили в Союз советских писателей. Некоторые из них ответили, что с радостью воспользуются приглашением, а некоторые, например А.М. Володин, сказали, что не смогут приехать в США осенью 1964 года. Однако в своем втором письме, направленном непосредственно К.А. Федину, генеральному секретарю ССП, Дж. Фаррар отметит, что никаких более определенных ответов они не получили «даже к 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей!»³ Выразив сомнение, что, возможно, это произошло потому, что советские писатели получили приглашения слишком поздно и могли не успеть подготовиться к столь длительной поездке в другую страну, Фаррар предложил перенести поездку на весну следующего года, отметив, что организаторы этого мероприятия готовы пойти на отсрочку, хотя она будет сопряжена с некоторыми трудностями для ПЕН-клуба.

Ответ на письмо Фаррара последовал неутешительный. Секретарь Правления Союза Писателей СССР Георгий Марков, в связи с отсутствием К.А. Федина в Москве, сообщил, что «каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят –

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

³ Там же.

очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию»¹.

Он сообщил, что возможно, некоторые из названных писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США, и обещал ответить, когда у него появится более подробная информация, а также попросил «заверить г.г. Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение»². Однако дальше этого дело не продвинулось, что фактически поставило крест на попытке американских писателей организовать общение со своими молодыми советскими коллегами вне политического «кордона».

После поездки в СССР (1964 – 1966)

Письмо Стейнбека советским писателям и «открытое письмо» Ф.Т. Кравченко. После поездки Стейнбека в СССР 1963 г. произошел еще один инцидент, который напрямую коснулся многих представителей советской интеллигенции. 9 мая 1964 г. многие из них неожиданно для себя получили письмо от Стейнбека с приложенной к нему «речью, произнесенной в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе»³. В этом письме Стейнбек, в частности, сообщал различные подробности их встреч в Москве, о том, как «у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе», его воспоминания о том, как «в Москве мы много смеялись вместе»⁴ и др. Это письмо было написано писателем от руки, а затем размножено с помощью мимеографа и направлено огромному числу лиц, в том числе тем, с кем Стейнбек ни разу в жизни не встречался. Данный поступок известного американского писателя был воспринят его советскими коллегами с большим недоумением.

Писатель А.Ю. Кривицкий был один из многих советских деятелей культуры, кто обратился с вопросом по поводу этого письма в редакцию

¹ Там же.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2256. Л. 9.

⁴ Там же.

«Известий» (позднее он также вспоминает этот случай в своей биографической книге «Ветер на перекрестке, или Памфлеты и рассказы из “Кое-что...”»¹). В своем письме Кривицкий описал то удивление, которое он почувствовал, сначала получив собственноручно написанное письмо известного американского писателя о событиях, участником которых он не был, а после узнав от своих знакомых в Центральном Доме литераторов, что многие из них получили точно такие же письма. Как сообщает советский автор, все адресаты Стейнбека задавались одним и тем же вопросом: «Если адресатом служит весь справочник Союза писателей, не проще ли обратиться к ним с открытым письмом в печати?»².

Чтобы разобраться в случившемся, редакция «Известий» обратилась к собственному корреспонденту в США С. Кондрашову с просьбой как можно скорее связаться со Стейнбеком и прояснить ситуацию. Писателя в тот момент дома не оказалось, и корреспондент обратился с этим вопросом к литературному секретарю писателя Э. Отис. Через какое-то время Отис сообщила Кондрашову и «Известиям», что в этой истории виноват государственный департамент, который «все перепутал и по списку Союза писателей разослал письма Джона Стейнбека и тем, с кем он не виделся в Советском Союзе»³.

Вскоре после этих неприятных разбирательств, сам Стейнбек прислал в «Известия» письмо, которое обозначил как «Дорога в ад и добрые намерения» и просил его опубликовать в газете, чтобы «собрать» развалившиеся, как Шалтай-Болтай (англ. Humpty-Dumpty⁴) первоначальные добрые намерения и вернуть уважение советских людей.

Стейнбек объяснил путаницу с адресами желанием, возникшим у него вскоре после отъезда из СССР, отблагодарить многочисленных советских друзей и послать им «напоминание о себе, нечто редкое, что могло бы послужить маленьким знаком моей признательности за ока-

¹ Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. М.: Советская Россия, 1984. С. 415–416.

² Письма из-за границы и за границу // Известия. 1964. 29 августа. С. 3.

³ Там же.

⁴ Используя образ «развалившегося на части Шалтай-Болтая» (так в переводе С.Я. Маршака звучит имя персонажа книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и английского детского стихотворения), которого «надо снова собрать», Стейнбек выражал намерение вернуть утраченный смысл его первоначальным добрым намерениям при отправке этого письма.

занное мне добросердечное отношение»¹, а также своей плохой памятью, из-за которой он не мог вспомнить, по каким именно адресам ему было необходимо отправить это послание; по этой причине он действительно решил воспользоваться справочником Союза советских писателей – организации, гостями которой он и его супруга были.

Объяснив причину возникновения сотен копий письма, которое он отправлял в СССР с самыми добрыми намерениями, в своем послании «Известиям» Стейнбек пишет, что очень дорожит дружбой многих русских людей, и что «было бы очень печально, если бы некоторая бестактность с моей стороны изменила или в какой-то степени поколебала это чувство»².

Некоторые из писателей отнеслись к этому инциденту с юмором и пониманием, например, Н.Г. Винников, который направил американскому автору следующий ответ:

Мне было бы очень приятно сохранить для мемуаров собственноручное письмо автора превосходной книги «Гроздь гнева» о его теплых встречах со мной, если бы появление Вашего литографированного манускрипта в моем почтовом ящике не было вызвано явным недоразумением. Дело в том, что мы с Вами, к сожалению, никогда не встречались ни в Москве, ни в какой-либо другой точке земного шара. Поэтому, если буду в Нью-Йорке, я с большим удовольствием воспользуюсь Вашим приглашением, чтобы восполнить этот пробел в наших биографиях³.

Другие посчитали нужным в резонерском и даже язвительном тоне уведомить автора «Гроздь гнева» о том, что подобное отношение к себе они считают недопустимым. Так, писатель С.Л. Львов пишет в ответном письме Стейнбеку:

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей. Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что, если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей. И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой

¹ Письма из-за границы и за границу. С. 3.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 2834. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1.

ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника. Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии. Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным¹.

Отдельного упоминания заслуживает «открытое письмо» Стейнбеку украинского писателя Ф.Т. Кравченко, которое было опубликовано в «Литературной газете» 12 июля 1964 г., т.е. до появления в «Известиях» объяснения Стейнбека.

Это письмо полно обиды советского писателя на оскорбившего его знаменитого американца и имеет своей целью поставить зазнавшегося капиталистического автора на место. Памятуя о «дружеском» приветствии Стейнбека к нему в своем письме, Ф.Т. Кравченко пишет:

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо случится. Вам нравятся класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...²

«Всеобщему страху» и «малокалорийному отчаянию», о котором пишет Стейнбек в своей нобелевской речи, украинский писатель противопоставляет путь

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 8.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 11–12.

советского народа, ведомого в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией», <...> когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме¹.

Однако случай Ф.Т. Кравченко был скорее исключением, связанным не с личной неприязнью к Стейнбеку, но со стремлением советского автора следовать в фарватере идеологии (и «подвернувшийся» ему нобелевский лауреат оказался для этого прекрасным поводом). Как пишет в своей биографии А.Ю. Кривицкий, в целом, «мы (советские писатели. – Л.К.) дружески извинили Стейнбеку его неловкость, усугубленную проворством чиновников госдепартамента тех времен. Но вот вызывающий полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом вызвал осуждение во всем мире»².

Советская пресса о Стейнбеке до Вьетнама. «Полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом», о котором говорил Кривицкий, произошел на рубеже 1966–1967 гг., а до этого времени в сознании советского читателя Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором, создателем всенародно любимых книг «Гроздья гнева» и «Зима тревоги нашей», в своем последнем визите – хотя бы на уровне широко известного интервью «Известиям» – подтвердившим свою репутацию писателя-гуманиста и противника войн и свое доброе отношение к советскому народу.

Это хорошее отношение к писателю отразилось в публикациях советской прессы о Стейнбеке 1964–1966-х гг. В некоторых из них сохранились отсылки к последней поездке Стейнбека. Например, в статье «Литературной газеты», нацеленной против измышлений американской прессы об СССР, в качестве положительного примера говорится о визите Стейнбека в Ереван:

Приятным гостем Еревана был Джон Стейнбек. Он познакомился со многими писателями и учеными, художниками, строителями и колхозниками. Он встретил уважение и теплый прием и сам проникся чувством уважения к Советской Армении и армянам.

¹ Там же. Л. 13–14.

² Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. С. 416.

Стейнбек многое помнит об Армении, исполненный любви и сердечного тепла. Он пишет: «Я будто вижу древний величавый Ереван, который помнит десятки и десятки поколений, маячащих вдаль, как горы, и шагающий в будущее... – прелестную страну и славный народ, хранящий традиции и, что самое главное, непрерывно идущий вперед».

Такими увидел нашу страну и нас Джон Стейнбек¹.

Другая статья «Литературной газеты» относилась к визиту Стейнбека в Киев и его посещению музея поэта Т. Шевченко, судьба и лирика которого весьма впечатлили американского автора. В качестве неопровержимого доказательства мирового значения украинского поэта автор статьи А. Полторацкий приводит строки из письма Стейнбека, в котором тот говорит о Шевченко:

Можно ли вплести еще какие-либо слова в венок шевченковской славы – славы, которую безоговорочно признает весь мир? Тот, кто ищет плодов человеческой деятельности, которым суждено жить вечно, – может найти их у Шевченко... Даже ваш любимый Днепр немного изменил свое течение и передвинул свои песчаные косы. Но слова Шевченко, прозвучавшие когда-то, остались неизменными навсегда. И я не знаю, можно ли прибавить еще что-либо для его прославления².

Также «Известия» в качестве объяснения того, почему в кандидаты президенты США от республиканцев был выдвинут Голдуотер, ссылаются на слова своего недавнего визитера:

Пусть ответит столь авторитетный знаток американской жизни, как писатель Джон Стейнбек. В прошлом году он побывал в гостях у «Известий». И когда мы спросили его, может ли в Соединенных Штатах голову поднять фашизм, он ответил:

– У нас, в Америке, всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны с самого начала, с первых дней после революции (американской). Достаточно сказать, что у нас был Маккарти³.

¹ Порция желчи: басни американского журнала «Репортер» // Литературная газета. 1964. 4 апреля. С. 4.

² Полторацкий А. Джон Стейнбек о Тарасе Шевченко // Литературная газета. 1964. 9 июня. С. 1.

³ Полянов Н. Беседа с читателями: человек, который хочет отменить XX век // Известия. 1964. 18 июля. С. 3.

В 1964 г на подмостках Москвы и Ленинграда успешно шли постановки по прозаическим произведениям американского автора: в МХАТе им. Горького шла инсценировка романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» (постановщик – Б. Норд, режиссер – В. Марков, в роли Итена Хоули – П. Массальский), а в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова – одноактный балет по «Жемчужине» (композитор – Н. Симонян, в главных партиях – К. Федичева, Ю. Соловьев, А. Осипенко, С. Кузнецов, И. Зубковская). Рецензии на эти спектакли были опубликованы с интервалом в полгода в «Советской культуре»¹. В 1965 г. в Русском драматическом театре им. Леси Украинки также была поставлена впервые переведенная на русский язык пьеса Стейнбека «О мышах и людях»².

В середине 1960-х гг. по следам разразившегося в мировом литературном сообществе спора о «новом романе» (один из этапов которого проходил в Ленинграде в 1963 г. – на Конгрессе о судьбах романа, в котором приняли участие известнейшие западные писатели – Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Натали Саррот, Уильям Голдинг, Джузеппе Унгаретти, Ганс Вернер Рихтер и др.) Стейнбек, по оценкам советской прессы, выступал как яркое живое доказательство превосходства реалистического романа – об этом говорят статьи 1964 г. Р. Самарина «Размышления о романе»³ и «Широкой дорогой реализма»⁴.

Кроме того, если в 1940-х гг. после выхода «Гроздьев гнева» все упоминаемые советской прессой случаи, иллюстрирующие «бедственное положение американского фермерства», стали связываться исключительно с этим романом, так после широкого распространения в СССР романа «Зима тревоги нашей» сюжет этого произведения стал универсальным примером пагубного влияния капиталистического уклада жизни на моральные устои американцев. Этот вопрос подробно разбирался в упомянутой работе Р.М. Самарина «Широкой дорогой реализма», статье доктора философских наук И.С. Кона о юношеском самоопределении «Что такое “найти себя”?»⁵, А.Н. Николокиной «Блудные дети

¹ Право быть «средним»? // Советская культура. 1965. 5 января. С. 2–3; Дьяконов А. Несчастливая «Жемчужина» // Советская культура. 1965. 10 июля. С. 3.

² Горят «Днепровские зори» // Литературная газета. 1965. 25 сентября. С. 1.

³ Размышления о романе // Правда. 1965. 5 декабря. С. 3.

⁴ Самарин Р. Широкой дорогой реализма // Правда. 1964. 15 ноября. С. 3.

⁵ Кон И. Что такое «найти себя»? // Известия. 1965. 25 августа. С. 4.

Америки)¹ и заметке Л.Н. Толкунова «Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии», в которой советский автор дает марксистское истолкование проблемам, поднимаемым Стейнбеком в его большом эссе «Америка и американцы»² («кризис правящего класса, который не может выдвинуть сколько-нибудь захватывающих национальных целей, глубокий кризис всего американского общества»³).

Публикация в СССР книг Стейнбека и о Стейнбеке (1964–1966).

В эти годы появились на свет и первые научные работы о Стейнбеке. Так, «Литературная газета» в начале 1965 г. анонсировала⁴ появление на советских прилавках книги В.В. Смирновой «Современный портрет»⁵, в которую были включены литературные портреты советских и зарубежных писателей, помимо Дж. Стейнбека, в ней присутствовали статьи об Э. Колдуэлле, Э. Хемингуэе, А. де Сент-Экзюпери, Я. Корчаке. В 1964 г. вышла монография М.О. Мендельсона «Современный американский роман»⁶, одна из глав которого посвящена анализу прозаического наследия Стейнбека. В 1965 г. в серии «Современная зарубежная литература» также появилось небольшое по размеру исследование творчества писателя – книга А.А. Федорова «Джон Стейнбек»⁷.

Также в советской печати вышли новые произведения писателя: в 1965 г. издательство «Прогресс» опубликовало последнее законченное произведение Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки»⁸. Украинский журнал «Всесвіт» (редактором которого был хорошо известный Стейнбеку по его поездкам в СССР в 1947 и 1963 гг. А.И. Полторацкий) планировал также перевести на русский язык и издать в 1967 г. роман Стейнбека «Заблудившийся автобус»⁹, что впоследствии не было осуществлено.

¹ Николоюкин А. Блудные дети Америки // Литературная газета. 1966. 22 декабря. С. 4.

² Steinbeck J. America and the Americans // Saturday Evening Post. 1966. July 2. P. 33–38, 40–41, 44, 46–47.

³ Толкунов Л. Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии // Известия. 1966. 25 августа. С. 2.

⁴ Вышли из печати // Литературная газета. 1965. 9 января. С. 3.

⁵ Смирнова В.В. Современный портрет. М.: Советский писатель, 1964.

⁶ Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964. С. 269–348.

⁷ Федоров А.А. Джон Стейнбек. – М.: Высшая школа, 1965.

⁸ Стейнбек Д. Путешествие с Чарли в поисках Америки. М.: Прогресс, 1965.

⁹ Григорьев К. Сто номеров «Всесвіта» // Литературная газета. 1966. 27 октября. С. 4.

Наконец, в 1966 г., по сообщению «Литературной газеты», на заседании Комитета по печати при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о выпуске Библиотеки избранных произведений всемирной литературы, который было решено приурочить к 50-летию Великого Октября. Научное руководство изданием планировалось осуществить ИМЛИ имени А.М. Горького АН СССР, а выпуск библиотеки возложить на издательство «Художественная литература».

В третьей серии издания, представлявшей собой современную литературу XX века и по плану включавшей в себя 70 томов, должны были находиться и избранные сочинения Стейнбека. Однако в 1967 г в силу изменившейся ситуации этого не произошло по идеологическим причинам, и первый двухтомный выпуск «Избранных произведений» Стейнбека с предисловием С. Батурина в той же «Художественной литературе» вышел только в 1981 г.¹

Стейнбек и война во Вьетнаме: «ледяной душ» в отношениях с СССР (1966–1967)

Изыявления горячей симпатии к американскому писателю резко обрываются в Советском Союзе с наступлением 1966 г. Это было связано с участием Стейнбека – прямым и косвенным – во вьетнамской кампании, столь диссонировавшим с прежними антивоенными и гуманистическими убеждениями писателя.

В СССР поддержка Стейнбеком ввода американских войск во Вьетнам оказалась полной неожиданностью, поскольку в глазах рядового советского читателя Стейнбек был в первую очередь писателем-гуманистом, певцом справедливости и человеческого достоинства. Так, литовский советский поэт Э. Межелайтис, встречавший долгожданного гостя в московском аэропорту, писал, резюмируя свои мысли о жизни и творчестве Стейнбека:

С той поры, как мы, не отрываясь, прочли «Гроздь гнева», мы знали, что Стейнбек не просто большой писатель, он друг человека. Друг без мизантропии, без прекраснотушия, без фальшивых назидательных сентенций².

¹ *Стейнбек Дж.* Избранные произведения: В 2 Т. М.: Художественная литература, 1981.

² *Межелайтис Э.* Познавший «соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

Сам Стейнбек во время своего визита в СССР в 1963 г. неоднократно подтверждал это мнение. В своих многочисленных интервью и заявлениях, сделанных в ходе этого визита, в разговорах на политические темы Стейнбек в первую очередь отмечал то общечеловеческое, что объединяет оба народа, и ратовал за разоружение и прекращение «холодной войны», путь к чему он видел в установлении дружеских контактов между странами, в первую очередь на культурном уровне. Об этом же, к примеру, говорилось в большом интервью с писателем газете «Известия», которое было прочитано тысячами советских граждан:

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война. Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильному выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать¹.

Кроме того, это стойкое, исключавшее любые сомнения убеждение советских людей в том, что Стейнбек займет в этой кампании антивоенную позицию, наглядно демонстрирует небольшая заметка Л. Никулина «Бронтозавры на краю пропасти»:

Мы видим как бы две Америки. Одну Америку – Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, – страну, где, по словам газет, четырнадцать граждан из пятнадцати стоят за мирное разрешение конфликта. Другая Америка – Америка Голдуотера, Бэрча, белых балахонов, огненных крестов. Именно по ее настоянию продолжается трагедия во Вьетнаме².

В целом, эта монолитность и однозначность образа Стейнбека, создававшегося в советской прессе со времен выхода его романа «Зима

¹ *Вишневский К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² *Никулин Л.* Бронтозавры на краю пропасти // Литературная газета. 1965. 23 февраля. С. 4.

тревоги нашей», писателя-гуманиста, всю жизнь отстаивавшего в своих произведениях право маленьких людей на свободу и на счастье, привела к тому, что поддержка Стейнбеком войны во Вьетнаме стал громом среди ясного неба – полной неожиданностью для тысяч его советских читателей. В итоге положительный образ Стейнбека, сложившийся в СССР, оказался разбит вдребезги.

“My Dear Fiend Genya...”: открытая переписка Стейнбека и Евтушенко о событиях во Вьетнаме. Знаковым событием в этом контексте стала короткая переписка двух друзей, находившихся по разные стороны «железного занавеса», Дж. Стейнбека и Е. Евтушенко. С советским поэтом Дж. Стейнбек свел знакомство на встрече с молодыми советскими авторами журнала «Юность» в ноябре 1963 г.; после отъезда Стейнбека на родину общение писателей продолжилось и переросло в дружбу. Когда в 1965 г. многие американские деятели культуры – писатели, драматурги, журналисты, музыканты, выразили свой протест против войны во Вьетнаме, заняв антивоенную позицию¹, в СССР эту новость встретили с большим воодушевлением. Е. Евтушенко, который также живо интересовался происходящими во Вьетнаме событиями и общественной позицией своих коллег за рубежом, был удивлен, не найдя в списке американских пацифистов имени Стейнбека. Свое удивление он выразил в стихотворном «Письме Стейнбеку», опубликованном в июльском номере «Литературной газеты» за 1966 г.

В этом письме Евтушенко обращается к «одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться», и вспоминает встречу в редакции журнала «Юность», на которой Стейнбек призвал молодых советских авторов «показать свои зубы», т.е. открыто без боязни высказать свою критическую позицию в отношении того, что происходит в стране. В тот раз советские писатели (среди которых, помимо Е. Евтушенко, были В. Аксенов, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, А. Гладилин и др.) были вынуждены молчать, скованные присутствием советских и американских дипломатов, но теперь си-

¹ К примеру, Е. Евтушенко говорит о «двухмиллионной демонстрации в Нью-Йорке против войны во Вьетнаме, когда в одной колонне в обнимку шли Артур Миллер, Бенджамин Спок, Мартин Лютер Кинг и свои песни пели тогда еще совсем молодые Джоан Байез и Боб Дилан» (Морозов А. Поэт Евгений Евтушенко: Скука — мать фашизма // Новые известия. 2005. 12 декабря. С. 5). По всей видимости, речь идет о Марше протеста против войны во Вьетнаме, состоявшегося 27 ноября 1965 года, в котором приняли участие А. Миллер, Б. Спок, М.Л. Кинг и другие известные общественные деятели США.

туация в корне изменилась, и уже Евтушенко в своем письме призывал американского писателя присоединить свой голос к людям всего мира, протестующим против ведения США войны во Вьетнаме.

В своем обращении Евтушенко напоминает о прежнем революционном духе писателя, его внимании к «униженным и оскорбленным», отстаивании правды и справедливости в своих произведениях:

Кусаться надо, Джон...
Того гляди,
и вовсе потеряют зубы прочность.
Пусть чьи-то «Гроздь гнева» впереди,
но неужели Ваши –
только в прошлом?!
Всегда умели слушать время Вы.
Вы слышите –
из дальнего Вьетнама
сквозь джунгли
до Нью-Йорка,
до Москвы
летит,
прося защиты:
«Мама... мама...»
И Чарли Ваш когтями пол скребет,
и Вам не страшно этими ночами,
когда летит детей бомбить пилот,
быть может,
с Вашей книгою о Чарли?!..¹

Это письмо было переведено и опубликовано спустя несколько дней в “New York Times”². Спустя несколько дней Стейнбек дал ответ Евтушенко, который был напечатан в лонг-айлендской газете “Newsday”³.

В своем открытом письме Стейнбек, во-первых, подтверждает свое отрицательное отношение к войнам в целом и добавляет, что к этой «инициированной Китаем» войне он испытывает особую «личную не-

¹ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

² *Anderson R.H.* Soviet Poet Bids Steinbeck Speak // New York Times. 1966. July 8. P. 6.

³ *Anderson R.H.* Moscow Reports Steinbeck Reply // New York Times. 1966. July 17. P. 5.

нависть». Однако писатель замечает, что Евтушенко в своем письме говорит лишь об одной стороне войны – вводе американских войск во Вьетнам, но не упоминает об участии СССР в этом конфликте, о чем советский поэт не может не знать:

Так же, как и я, Женя, ты знаешь, что мы бомбим нефтяные склады, транспорт и тяжелые, современные орудия, от которых умирают наши сыновья. Откуда проистекает эта нефть и орудия вы должны знать лучше, чем я. Они все маркированы китайскими иероглифами или кириллицей¹.

Стейнбек выступает со встречным предложением к Евтушенко – осудить всю войну, и американскую, и советскую ее составляющие.

Также Стейнбек в своем письме утверждает, что ввод американских войск во Вьетнам оказался лишь ответом на присутствие в этой стране иностранных сил, что не позволяет говорить об этом конфликте как исключительно внутривьетнамском.

Во-вторых, Стейнбек со своей стороны призывает Евтушенко употребить свое влияние как писателя, чтобы убедить людей и правительство остановить посылку «убийственных» грузов в Северный Вьетнам, которые могут быть использованы против Южного Вьетнама. В свою очередь нобелевский лауреат обещает, что при выполнении СССР этих условий, американские войска и орудия будут выведены из Вьетнама «мгновенно и автоматически»².

И наконец, он заключает, что в тот момент, когда Северный Вьетнам согласится добросовестно начать переговоры, «бомбардировки прекратятся навсегда. Ружья тихо опустятся, и наши дорогие сыновья вернуться домой. Это так же просто, как то, мой дорогой друг, что я очень надеюсь вскоре увидеть тебя и твою жену Галию»³.

Вскоре “New York Times” опубликовал сообщение, что письмо Стейнбека «Литературной газетой» получено и рассматривается⁴. По словам американского издания, редактор «Литературной газеты» на вопрос о содержании письма Стейнбека, которое должно было появиться на страницах советской печати, заявил: «Ждите и увидите»⁵.

¹ *Steinbeck J. An Open Letter to Poet Yevtushenko // Newsday. 1966. July 11. P. 3.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Steinbeck's Letter Meets Soviet Delay // New York Times. 1966. July 15. P. 10.*

⁵ *Ibid.*

В заметке “New York Times” также было отмечено, что при публикации в Советском Союзе письма Стейнбека с его недвусмысленной критикой политики Ханоя, Пекина и Москвы у «Литературной газеты» могут возникнуть заметные трудности, поскольку для советских читателей это будет «первым указанием на то, что упомянутые столицы несут часть ответственности»¹ за происходящие в Южном Вьетнаме события.

Тем не менее, реакция на письмо Стейнбека все-таки последовала: в «Литературной газете» появилась заметка под названием «И вот Стейнбек нарушил молчание...»². Однако вместо непосредственной публикации стейнбековского «открытого письма советскому поэту Евтушенко» в статье «Литературной газеты» содержался его краткий пересказ:

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете “Newsday” на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках³.

После этого газета ссылается на мнение о позиции Стейнбека других иностранных изданий и приводит с сокращениями статьи коммунистических и левых газет – американской “Worker”, французской “L’Humanité”, а также независимой “Le Monde”.

Орган компартии США “Worker” в заметке, озаглавленной «Падение Стейнбека» сообщает, что в своем ответном письме Стейнбек предстал в качестве «сторонника политики Джонсона во Вьетнаме» и, чтобы оправдать себя, не стал считаться с фактами. Журналист “Worker” пишет:

Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американ-

¹ Ibid.

² И вот Стейнбек нарушил молчание // Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4.

³ Там же.

ских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаясь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу¹.

Напоследок автор заметки советует Стейнбеку, иронизирующему по поводу мнения Евтушенко, что американские летчики бомбят детей, чаще «читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»².

Автор заметки “Le Monde” говорит о том, что Стейнбек просто-напросто «переводит стрелки»:

Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или, вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня», учитывая, что именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы»³.

Андре Вюрмсер⁴, автор статьи «Причины гнева», опубликованной органом французской компартии “L’Humanité”, также один за другим ниспровергает доводы Стейнбека. Французский писатель-коммунист заявляет:

Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева»⁵.

Касательно обещания Стейнбека вывести американские войска из страны, когда Советский Союз перестанет поставлять оружие повстанцам, а Южный Вьетнам пойдет на переговоры, журналист язвительно замечает:

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Андре Вюрмсер (André Wurmser, 1899–1984) — французский писатель, журналист, критик. Член французской коммунистической партии с 1934 г. С 1954 г. — член редакции газеты “L’Humanité”. С 1935 г. был членом исполнительного комитета Ассоциации друзей Советского Союза и главным редактором ее журнала “Russie d’aujourd’hui” («Россия сегодня»), его очерки и статьи с конца 1950-х часто появлялись в советских газетах; после его поездки в Советский Союз, в СССР была издана его книга «СССР с открытым сердцем» (“L’URSS à coeur ouvert”, 1960, совместно с Л. Мамаком; рус. пер. 1961).

⁵ И вот Стейнбек нарушил молчание. С. 4.

Спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?¹

В заключение, Вюрмсер выносит приговор политике, проводимой во Вьетнаме правительством США:

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...²

Наконец, рядом со статьей на странице «Литературной газеты» была помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках, после которой следует набранная курсивом подпись:

Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжелораненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал «Лайф». Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны.³

Таким образом, по совокупности всех составляющих по прочтении данной заметки «Литературной газеты» у советских читателей складывался новый образ Стейнбека как непоследовательного писателя, предавшего в угоду руководящей политике Белого дома свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева» и цинично закрывающего глаза на судьбу беспомощных вьетнамских детей, ежесекундно находящихся под обстрелом американских войск.

При этом, разумеется, поскольку оригинал письма Стейнбека не был напечатан, в публикации «Литературной газеты» остались за скобками не только его политические аргументы, но и мягкий дружествен-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ный тон писателя, его призыв смотреть на ситуацию не столь однозначно и не перекладывать полностью ответственность за происходящее на одну из сторон.

После данного инцидента имя Стейнбека надолго пропадает из советской печати. Оно появляется там только в начале 1967 г., после того как Стейнбек в декабре 1966 г. самолично приезжает в Сайгон и начинает публиковать в “Newsday” заметки о жизни американских солдат во Вьетнаме под названием «Письма к Алисии»¹.

«*Письма к Алисии*». Возникает вопрос, почему Стейнбек, чье творчество, как еще недавно подчеркивала советская критика, от первой до последней книги пропитано гуманизмом, настоящей любовью к человеку², в годы Вьетнамской войны сознательно выбрал и открыто отстаивал эту позицию – защитника официальной линии Белого дома, утверждавшей необходимость военной интервенции США во Вьетнам.

Существует ряд причин и жизненных обстоятельств писателя, которые в середине 1960-х гг. привели его к этой позиции³. Во-первых, необходимо назвать глубокую неприязнь американского писателя к коммунистическому строю и диктатуре советской власти, которая, по словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона, окончательно оформилась после его последней поездки в СССР в 1963 г.:

Советский Союз с его чистками и лишением свободы в его сознании был куда ближе к нацистской Германии, чем к социалистической Швеции. Подобное восприятие не было новой его позицией, но оно росло в нем все силь-

¹ *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 3 December 1966–20 May 1967.*

² Р.Д. Орлова и И.А. Левидова в своих статьях «Деньги против человечности» (Иностранная литература, 1962. № 3. С. 197–208) и «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (Вопросы литературы, 1962. № 8. С. 122–142) сходятся во мнении об активном гуманизме и «борьбе за человеческое в человеке» как основной и ведущей теме всего творчества американского писателя, формального разного и неровного.

³ Важно отметить, что мнение писателя по вопросу участия США во вьетнамской кампании не было линейным и претерпевало изменения в течение 1965–1967 гг. По мнению Дж. Бенсона, точка зрения писателя на вьетнамскую войну в своем основании совершила полный круг: от сомнений в необходимости участия в этой войне американской стороны (лето 1965 г., письмо Стейнбека к Дж. Валенти) к безоговорочному принятию военного вторжения во Вьетнам, кульминацией которому стала работа Стейнбека военным корреспондентом в Сайгоне и публикация им «писем к Алисии» (лето 1966 г. — зима 1967 г.), и, наконец, возвращению к усиливающемуся скепсису в отношении этой войны (лето 1967 г., письмо Стейнбека к Э. Отис). (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 967, 1018.*)

нее, чем старше он становился, не потому что он делался все консервативней, но потому, что появлялось все больше информации о России сталинских времен, и он видел все меньше оправданий для совершавшихся репрессий. Но политика, связанная с этим доктринами и реабилитациями, была не столь важна для него – его больше заботило реальное человеческое поведение, которое могло помогать или вредить другим людям¹.

Однако вновь важно отметить, что эта ненависть Стейнбека к советскому строю не просто не противоречила, но органично вытекала из его личной приязни к советским людям, многих из которых он любил и уважал, вел с ними переписку на протяжении всей своей жизни. С точки зрения писателя, тоталитарная советская система губила и уродовала лучшее в людях, убивала стремление к творчеству и свободе, разрушала жизни, была источником постоянного страха и гнета. В качестве примера можно привести слова Стейнбека из одного из «писем к Алисии»:

Это неизменная практика коммунистов – работать очень медленно, потихоньку затягивать петлю, так что жертва верит, что это новый галстук. Затем, когда все готово, они нападают, мгновенно и безжалостно. Оппозиция полностью разбита, и бедные идеалисты, помогавшие им, разгребают эту кучу экскрементов. Этот процесс невозможно изменить².

Люди, боровшиеся против распространения этого «зла» на Востоке, ставившие под угрозу свою жизнь, представлялись Стейнбеку настоящими героями. По словам Дж. Бенсона,

в его глазах они демонстрировали тот тип рожденного в бедствиях благородства, который он видел в знакомых ему с юности людях, противостоявших Пыльному котлу³, банкам и насмешкам коренных калифорнийцев. Наши солдаты сражались за выживание других людей и за человеческое достоинство против враждебного окружения, против жестокого и совершенно бес-

¹ Ibid. P. 967.

² *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 1967. May 6.*

³ Пыльный котел (англ. Dust Bowl) — серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады в 1930–1936 гг. Это явление, совпавшее по времени с Великой депрессией в США, вызвало большой отток населения из расположенных в прериях штатов. События этого времени были положены в основу романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939).

пошадного врага, ограниченные в средствах ведения боя, без полной поддержки и понимания у себя на родине¹.

И в письме президенту Джонсону от 18 января 1967 г. Стейнбек считал нужным выделить в качестве своего главного впечатления во Вьетнаме исключительное достоинство американских солдат, участвующих в этой кампании:

Я был во Вьетнаме около шести недель и большую часть этого времени провел на полях сражений с нашими войсками всех подразделений так же, как с некоторыми из войск союзников. <...> В действительности я был свидетелем первой атаки операции Тейер II, хотя не писал об этом, поскольку операция еще не была закончена. Я думаю, что я знаю сейчас наших мужчин очень хорошо, поскольку я жил с ними и стрелял вместе с ними. Я знаю, мистер Президент, что у вас имеется множество ваших официальных источников информации. Но я хотел бы сказать вам свое совершенно личное мнение, что во Вьетнаме мы имеем лучших, отлично тренированных, самых интеллигентных и самых преданных солдат, которых я видел в какой бы то ни было армии, а я их видел много в свое время. Это лучшие люди, которых у нас когда-либо были².

Если Евтушенко в 1966 г. и много лет спустя видел американских патриотов в людях, выступающих против войны во Вьетнаме, считая, что «сущность истинного патриотизма в том, «чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации», т.е. против «новых варварских налетов американской авиации на мирные города Вьетнама»³, и к этому же он призывал и Стейнбека, то для американского писателя молодые демонстранты, «мирники» (peaceniks) или «вьетники» (Vietnicks), как их называл в своих письмах Стейнбек, составляли, напротив, не честь, но позор нации, воплощая в себе все ее недостатки: эгоизм, избалованность, потакание своим личным желаниям и отсутствие чувства ответственности перед своей страной. Так в другом своем «письме к Алисии» Стейнбек сравнивает людей, воюющих во Вьетнаме и оставшихся в Америке:

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 969.

² Там же. P. 1008.

³ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

В подлеске, тоньше которого я не видел, видны лица и в действительности только глаза. Пестрые каски и камуфляж теряются на общем фоне. Черные и белые лица от пота и грязи становятся универсально рыже-серыми. Только глаза остаются живыми и выразительными. И, когда мы устраиваемся и ротор замолкает, открываются рты и они снова мужчины и какие мужчины! Можете ли вы понять мимолетный отсвет гордости, которая возникает от одного осознания принадлежности к той же породе, что и они?

Я полагаю, что это нечто противоположное той дрожи стыда, который я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, грязные одежды, грязные умы, кислый запах отходов и их неприятных и бесплодных раздутых товарищей. Их ерзанье, медлительные протесты, в которых они призывают не убивать людей, весьма нелепы. Они-то сами в безопасности. Они сами ударить не смогут¹.

В этом описании видно, что Стейнбек по-прежнему стоит на позициях гуманизма, защиты человеческого в человеке и ненависти ко всему, что, по словам советского исследователя Стейнбека Р.Д. Орловой, «уродует человека»². Однако представления о том, что есть добро и зло для человека, что необходимо отстаивать и против чего бороться, у него и советских людей были прямо противоположными.

Кроме того, определенное влияние на позицию Стейнбека в этом вопросе оказывало личное общение и дружба писателя с президентом Джонсоном. Стейнбек во многом разделял мнение президента о событиях во Вьетнаме и о том, что является национальным долгом американцев как защитников демократических принципов во всем мире, а также считал нужным поддерживать его при принятии важных политических решений, несмотря на их критику со стороны общественности. Л.Д. Джонсон в свою очередь не скрывал своей признательности писателю и, например, после прочтения открытого письма Евтушенко президент написал Стейнбеку 12 июля 1966 г.:

Ваши слова сказали то, что я сам пытался сказать, и вы сказали это убедительно и тепло – почему наше дело правое и почему мы должны сражаться, и как мир сможет войти в эту маленькую страну, если агрессор просто от-

¹ *Steinbeck J.* Letters to Alicia: “I wish I could tell you” // *Newsday*. 1967. January 7. P. 2W.

² *Орлова Р.Д.* Деньги против человечности. С. 208.

правится домой. Как обычно, Джон, вы проникли в самую суть дела и это то, что по-настоящему ценно¹.

Немаловажным было и непосредственно личное отношение Стейнбека к этой войне, которая затрагивала весьма уязвимую часть его натуры: оба сына Стейнбека проходили военную службу, причем младший – Джон IV Стейнбек служил непосредственно во Вьетнаме. Поэтому строки Стейнбека о советских орудиях, которыми убивают «американских сыновей», могут быть не очень сильным аргументом с политической, рациональной точки зрения, но выдают личную боль и переживания писателя.

Обозначенные выше причины привели к тому, что, по словам исследователя творчества Стейнбека Т. Хаяши, «поддержка президента Джонсона и его политики американизации войны во Вьетнаме стали для Стейнбека личным, моральным и политическим долгом»².

Наконец, важно отметить, что вьетнамская кампания совпала по времени с очень сложным периодом в жизни писателя, связанным с резким ухудшением здоровья и потерей близких людей (многолетнего издателя и друга Паскаля Ковичи, сестры Мэри, друга и единомышленника Адлая Стивенсона). На это накладывались трудности Стейнбека в творческой сфере, вызванные, не в последнюю очередь, неприятием американской критикой последнего романа писателя «Зима тревоги нашей». Поездка во Вьетнам в качестве военного корреспондента была для Стейнбека возможностью не только вспомнить события двадцатилетней давности, свое участие в боевых действиях в Европе во времена Второй мировой войны, но и писать, высказывать свое мнение о событиях этой кампании, имеющей историческое значение для него и всей страны.

Кроме того, сам формат работы Стейнбека – необходимость писать статьи для периодического издания о том, что происходит в его окружении здесь и сейчас – не позволял автору особенно углубляться в материал, подвергать его рефлексии, поскольку не предполагал наличия времени на его осмысление с разных сторон (этого времени у Стейнбека не будет и после его возвращения на родину, сопровождавшегося быстрым ухудшением его состояния и скорой кончиной). Отсюда же повышен-

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 994.

² *Hayashi T.* John Steinbeck and the Vietnam War. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. P. 12. (Steinbeck Monograph Series. Vol.12.)

ное внимание писателя к людям, к различным видам вооружения, зачастую приводившее к желанию опробовать их самолично, и восхищение людьми: солдатами, летчиками, снайперами – профессионалами своего дела, что внешне сильно расходилось с гуманистическими установками Стейнбека (и что сделала основным предметом обсуждения зарубежная левая и советская пресса в 1967 г.).

Несмотря на то, что либеральная американская критика¹, в отличие от советской, не была столь категорична в своей оценке происходящего, во вьетнамских письмах Стейнбека она также вычитывала в первую очередь воинствующий пафос его заметок, оправдание политики Белого дома, ведущего эту войну, и осуждение приверженцев антивоенного движения – «мирников». Исследователи М.Р. Глэдстейн и Дж. Х. Мередит в работе «Джон Стейнбек и трагедия Вьетнамской войны» отмечают, что, будучи другом и единомышленником президента Джонсона и патриотом Америки, верящим в демократию, Стейнбек в своих «письмах к Алисии» демонстрировал на публике непоколебимую веру в правильность выбранного курса, отвращение к коммунизму и необходимость продолжения войны, что закрепило за ним в американской среде определение “hawkish” – ястребиный, воинствующий. Сомнения в нравственной оправданности этой войны, чувство справедливости и сочувствия угнетенным, его любовь к Америке стали предметом его внутренних личных переживаний, изложенных в письмах, адресованных друзьям и близким².

Кроме того, Дж. Бенсон отмечает:

...за исключением атак коммунистических изданий из-за границы, в его собственной стране последовало очень мало реакции во время печати этих писем и даже после. Позднейшие отзывы были по большей части беглыми отсылками к его «провоенной позиции во Вьетнаме» или «ястребиным» взглядам на войну (как, например, в некрологах), а его дружба с Джонсоном стала рассматриваться в качестве предмета насмешки или сожаления, но вновь – очень поверхностно, бегло. Настоящая же горечь, которую породили его отчеты о войне на родине писателя, казалось, чаще всего выражалась лично, иногда друзьями Стейнбека, но гораздо чаще его знакомыми³.

¹ См. напр.: Steinbeck Loses Bet // New York Times. 1967. January 12. P. 2; Steinbeck Up Front // Newsweek. 1967. January 30. P. 71.

² Gladstein M.R., Meredith J.H. John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War // Steinbeck Review. 2011. Vol. 8. Issue 1. P. 54.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 1009.

Таким образом, следом за американскими исследователями писателя (Джексон Дж. Бенсон, Тетсумаро Хаяши, Мими Р. Глэдстейн и Джеймс Х. Мередит) можно заключить, что позиция Стейнбека в отношении вьетнамской войны была нелинейной, развивающейся на всем протяжении этого конфликта: от попытки обоснования присутствия американских войск во Вьетнаме (как, например, в письме, адресованном Евтушенко), сменившейся его деятельностью в качестве военного корреспондента, находящегося по одну сторону фронта с американскими солдатами, до переосмысления войны в последний год жизни писателя, после получения писем от сына, участвующего в боевых действиях, и начала непосредственной рефлексии над увиденным (см. письмо Стейнбека Э. Отис 31 августа 1967 г.¹). Тем не менее, убеждение Стейнбека в 1966–1967 гг. о необходимости ведения войны во Вьетнаме не только не противоречило его гуманистическим убеждениям, но, напротив, вытекало из них, и в этом отношении было не анти-тезой, предательством идей его романа «Гроздьев гнева» (как о том писалось в советской прессе), но их логичным продолжением.

Стоит отметить, что политические и идеологические разногласия двух писателей – Джона Стейнбека и Евгения Евтушенко не сумели пробить брешь в их личных дружеских отношениях, о чем советский поэт пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» (2002). В ней он сообщает, что спустя несколько месяцев после обмена письмами в «Литературной газете» и “Newsday” в ноябре 1966 г., когда поэт прибыл в США для выступления на поэтических вечерах в различных городах страны, перед его дебютом в Куинс-колледже два писателя связались друг с другом по телефону. Евтушенко спросил Стейнбека, не обидело ли его летом стихотворение, на что последовал ответ:

– Нет... – ответил он. – Задело, но не обидело. Знаешь, по-моему, в этой истории мы оба не правы – и ты и я. И знаешь в чем? В таких случаях нельзя принимать ничью сторону, потому что обе стороны в чем-то виноваты. Жаль, что я это понял с опозданием. Ты это тоже когда-нибудь поймешь².

По словам Евтушенко, в начале вечера он, во время его представления публике, отыскал глазами Стейнбека, подошел, обнял его и поцеловал руку его жене. После в американской прессе это было представ-

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 847–849.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 53.

лено как то, что советский поэт изменил своей антивоенной позиции и просил у Стейнбека прощения за свое стихотворение, что, разумеется, вновь не соответствовало истине. Стейнбек сам написал опровержение в газету, но прежде позвонил Евтушенко. В своей статье поэт приводит слова Стейнбека:

– Eujenio, que cabrones ellos son – estos periodistos¹... – прорычал он по-испански. – Они хотели бы всех нас посорить насмерть, потому что не умеют любить и завидуют всем, кто любит друг друга. Не обращай внимания на эту провокацию. Я сам написал им ответ. Завтра прочтешь. <...> Pero recuerda. Eujenio – cuando escribes prosa, hay que usar sobre la silla el culo completo... claro, que juntos con el corazon². Мы тебя ждем с женой в следующий четверг – это твой свободный день. Я хочу тебе прокрутить мой старый фильм «Вива Сапата!» <...> Не забывай ключ из «Книги Джунглей» «Мы одной крови – ты и я...»

Я не забыл этого ключа, Джон³.

Советская пресса о смерти писателя (1967–1968). По словам Дж. Бенсона, произошедшая история сильнейшим образом сказалась на уже ослабленном здоровье писателя, в последние годы перенесшего два сердечных приступа. Позднее Стейнбек писал другу Карлтону А. Шеффилду: «Не понимаю, как я впутался в эту дискуссии. Ведь я знаю ничуть не больше, чем все те, кто совершает эти ошибки»⁴.

С 1967 г. в СССР начался очередной виток травли Стейнбека в советской прессе. Писатели и журналисты, знавшие Стейнбека по его нескольким приездам в страну, посвящавшие ему хвалебные отзывы несколько лет тому назад, после ознакомления с его «Письмами к Алисии» мгновенно отреклись от автора «Гроздьев гнева».

В СССР «Письма к Алисии» упоминались и приводились либо в пересказе, либо фрагментарно – в контексте авторских статей, обличавших «перо, отданное Пентагону»⁵, «замаравшее себя в грязи не-

¹ «Какие козлы эти самые «журналисты» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

² «Но помни, Eujenio, — когда пишешь прозу, все-таки нужно сидеть на стуле не частью задницы, а полностью... Желательно вместе с душой» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

³ Там же.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 852.

⁵ Название получившей широкую известность статьи «Известий». (Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января. С. 5).

справедливой войны»¹. В этот момент на нобелевского лауреата вновь вылились потоки грязи и обвинений в чрезмерной гордыне, тщеславии, жестокосердии, человеконенавистничестве; были даже сравнения с соратниками Гитлера. Например, датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг в своей заметке, опубликованной в «Литературной газете», пишет:

Известно: ни один сколько-нибудь значительный немецкий писатель в годы гитлеровской войны не опускался так низко. Не нашлось ни одного выдающегося немецкого литератора, который бы защищал зверства нацистов. Томас Манн занимал совершенно иную позицию, чем Джон Стейнбек².

Статья С. Кондрашова «Перо, отданное Пентагону» фактически представляет собой пасквиль на материалы в “Newsday”, призванный вызвать отторжение у советских читателей:

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям». Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войне. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии³.

Украинский писатель Натан Рыбак, с которым Стейнбек дважды встречался в СССР, в своей статье заявил следующее:

Несколько лет назад во время пребывания в Киеве Джон Стейнбек подарил мне книгу с теплым автографом. Теперь я перечитываю слова, написанные его рукой, и содрогаюсь от сознания, что эта же рука выводила недавно строки, оправдывающие американскую напалмовую чуму на вьетнамской земле. Совместимо ли это с пониманием писателем своей ответственности перед человечеством?⁴

¹ Там же.

² Шерфиг Х. 100 строк зарубежного публициста: непредумышленное убийство // Литературная газета. 1967. 11 января. С. 9.

³ Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону. С. 5.

⁴ Рыбак Н. Мы в ответе за будущее человечества // Литературная газета. 1967. 7 июня. С. 1.

В целом, на репутации Стейнбека в СССР до конца жизни писателя и еще долго после его смерти стояло клеймо «изменника», предавшего свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева». Так, спустя год после смерти писателя А.Б. Чаковский¹ во время публичного выступления на Объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР в декабре 1969 г. скажет о нем:

Этот человек в глазах прогрессивных людей мира умер задолго до своей физической смерти, он умер как художник и гражданин, когда полетел на военном самолете во Вьетнам и с удовольствием наблюдал, как летчик бьет пулеметными очередями по мирному населению Вьетнама².

Смерти писателя в СССР была посвящена небольшая заметка в «Литературной газете», написанная Я.Н. Засурским. Свой некролог советский автор со следующего определения: «20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX века»³.

Кратко отметив крупные достижения писателя – романы «Гроздь гнева» (о нем автор статьи сказал, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»⁴), «Зима тревоги нашей», упомянув присуждение ему Нобелевской премии, Засурский перешел к последним событиям жизни писателя:

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений⁵.

Вердикт, вынесенный американскому классику советским критиком, а вместе с ним и всей советской литературной общественностью, был следующим:

---

¹ Чаковский Александр Борисович — советский писатель, журналист, главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988). Неоднократно встречался со Стейнбеком во время его приезда в СССР в 1963 г.

² Выступление Александра Чаковского // Литературная газета. 1969. 17 декабря. С. 4.

³ Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба, и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправое дело¹.

Возвращение Стейнбека к советскому читателю состоялось спустя почти двадцать лет после смерти писателя – на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда один за другим стали выходить переиздания его книг: «Квартал Тортилья-Флэт» и «Жемчужина» (1977), избранные произведения в двух томах (1981, 1988), сборник писем Стейнбека «Посмотрим правде в глаза» (1985), «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», (1987, 1988), шеститомное собрание сочинений (1989) и «Русский дневник» (1989).

В XXI веке в России были опубликованы остальные художественные произведения Стейнбека: «Неведомому Богу» (2000), «Короткое правление Пипина IV» (2004), а также его последний неоконченный роман – «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола» (2010).

Литература

- Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964.
Федоров А.А. Джон Стейнбек. М.: Высшая школа, 1965.

References

- Benson J.J. "Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck." *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 45-59.
- Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.
- Bridges P. "A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union." *Steinbeck Review* 4: 1 (Spring 2007): 81–93.
- Fedorov A.A. *John Steinbeck*. Moscow: Vysshaja shkola publ., 1965. (In Russ.)
- Hayashi T. *John Steinbeck and the Vietnam War*. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. (Steinbeck Monograph Series, vol.12).
- Gladstein M.R., Meredith J.H. "John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War." *Steinbeck Review* 8: 1 (2011): 39–56.
- Mendel'son M.O. *Sovremennyj amerikanskij roman*. [Contemporary American Novel]. Moscow: NaukaPubl., 1964:269–348. (In Russ.)
- Steinbeck: A Life in Letters*, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

¹ Там же.

ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1961–1968).**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ****Интервью Джона Стейнбека западногерманской газете
“Die Welt”**

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)
март 1961**

В интервью корреспонденту западногерманской газеты «Ди Вельт» (10.01.1961) Джон Стейнбек резко отозвался о деятельности правительства Эйзенхауэра, которое он считает ответственным за то, что «великие достижения и великое наследие американского прошлого» были забыты его соотечественниками. «Американцы возвели глупость и легкомыслие в общественный принцип», – заявил Стейнбек.

«В 20-е и 30-е годы, – продолжал писатель, – только в Европе бедность считалась преступлением. В Сан-Франциско все было иначе... В то время, если у человека были чистые ногти, начищенные до блеска ботинки и серебряный доллар в кармане, – он чувствовал себя хозяином мира». Именно к этому периоду, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – относятся репортажи Стейнбека в газете «Сан-Франциско Ньюс». Писатель до сих пор не может забыть о массах погибших от голода людей. «Не так давно, – сказал Стейнбек, – когда я был в Лондоне, одна англичанка немецкого происхождения задала мне глубокомысленно звучащий вопрос: почему мы, американцы, в своем творчестве постоянно обращаемся к своему детству, пишем о прошлом, живем одними лишь воспоминаниями и никогда не обращаемся к настоящему. Вопрос этот не выходил у меня из головы до тех пор, пока я не разобрался в причинах того, чем это вызвано: дело в том, что писатель недостаточно всеведущ для того, чтобы сразу обращаться к современности, а тем более к тому, что происходит сегодня».

«Тем не менее, – пишет корреспондент «Ди Вельт», – Стейнбек взялся за новый роман, в котором решил идти в ногу со временем. Работа над этим романом в 500 страниц завершена, и он выйдет в бли-

жайшее время в Нью-Йорке. Роман этот, озаглавленный «Зима нашего недовольства», по своей форме и концепции представляет значительное произведение. «Работу над этой книгой я начал весной 1960 г., – говорит Стейнбек. – Поначалу я предполагал написать 6000 слов, но когда 9 июля 1960 г. работа была завершена, выяснилось, что рукопись моя состоит из 150 тысяч слов. Время действия романа относится к периоду работы над рукописью – от первого до последнего дня. Какова же тема и содержание романа? Аморальность». «По определению Стейнбека, – пишет корреспондент, – этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей». «В этом мире, – говорит писатель, – никому не дано уцелеть только лишь путем уступок, стремлением к комфорту и самоудовлетворению. Это относится и к отдельной личности, и к группе лиц, и к целой нации. А мы, американцы, намерены отказаться от нашей лучшей и старой традиции – от стремления совершать поступки по внутреннему побуждению, от стремления делать что-то во имя жизни. Но как только человек утрачивает жизнеспособность, он вычеркивается из жизни и созревает для гибели...». «Поймите меня правильно, – продолжал Стейнбек, – в сущности своей люди не аморальны. Они хотели бы оставаться безукоризненно моральными. Но такое стремление требует смелости, которая должна проявляться в необходимый материал.

Вспомните о Хемингуэе, повествующем о бое быков. Герой Хемингуэя удивительно смел на арене. Но за ее пределами у него не хватает храбрости выступить, например, против Франко. Я очень люблю бой быков. Но что остается на арене после боя? Четыре убитых быка...». «Боже мой!» – воскликнул Стейнбек... «Что за писатель этот Хемингуэй! Хотелось бы только, чтобы он был более народным писателем. Для него недостаточно писать лишь об одних сражениях с быками».

Стейнбек рассказал далее корреспондентам, что его заинтересовали средневековые легенды о короле Артуре. Стейнбек изучил средневековую латынь, старофранцузский и англо-саксонский диалекты и намерен в самое ближайшее время заняться обработкой этих старых легенд, которые из-за своей эротической откровенности до сих пор не могли увидеть света в Америке.

«...Героический образ Артура, – сказал Стейнбек интервьюеру, – это не английская монополия. Каждый народ имеет своего Артура. Он рождает его, когда ему приходится сталкиваться с трудностями. Аме-

риканский король Артур должен вот-вот появиться на свет, потому что в данный момент он необходим народу...».

Корреспондент заявляет, что Стейнбек исполнен решимости напомнить людям и, прежде всего, своим американским соотечественникам о гуманизме; он стремится разъяснить Америке, стоящей на пороге нового десятилетия, что культура представляет собой собрание человеческих достижений. Или, – как выразился писатель, – напомнить им о том, что «жизнь может периодически наносить удары смерти, если ей окажут некоторую помощь».

* * *

Журнал «Ньюс-уик» (13.02.61) анонсирует выход нового романа Джона Стейнбека «Зима нашего недовольства» (“The Winter of our Discontent”). Книга выходит в издательстве Викинг, а также будет публиковаться у Макколла и в журнале «Ридерз Дайжест». Все предыдущие произведения Стейнбека, в которых изображались главным образом угнетенные, в свое время предлагались вниманию журналов, но ни одно из них не было принято к печати (кроме книжных изданий). Роман «Зима нашего недовольства» не идет на компромисс с жизнью, – сказал Стейнбек. По словам литературного агента Стейнбека, «в этом романе изображены «простые люди» – бакалейщик с Лонг-Айленда и его семья».

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр.4101. Л. 5–8.

Слово о Стейнбеке. Статья. 1963 г. (неустановленный автор)

Когда о большом писателе, которому пошел седьмой десяток, говорят – и говорят вполне искренне и обоснованно, – что он переживает новую творческую молодость, это должно радовать не только его одного. Это радостно для всех, кто находит в искусстве источник светлейшего эстетического наслаждения, для всех, кто видит в литературе драгоценнейшее средство углубленного познания жизни.

Можно с полным правом сказать, что такую творческую молодость переживает Джон Эрнст Стейнбек. В этом году мы прочитали его новейший роман – «Зима тревоги нашей». И книга эта пленила нас

значительностью и прозрачной ясностью воплощенной в ней мысли, последовательностью писателя в осуществлении своего замысла, соответствии формы – грациозной, изящной, своеобразной, а вместе с тем очень точной и выразительной – большой идее произведения.

Перед нами – и это уже успели оценить десятки тысяч советских читателей – создание художника, полного сил, художника смелого, блестящего.

Можем ли мы, однако, просто сказать, что вот де Стейнбек порадовал нас своей очередной талантливой и интересной книгой. Нет, творческий путь Стейнбека, к сожалению, не позволяет воспользоваться такой привычной, легкой и удобной формулой. Это путь очень трудный, очень сложный, отличающийся крутыми поворотами – в разные стороны.

В самом деле, роман «Зима тревоги нашей» впервые появился в прошлом году. Но буквально несколькими месяцами раньше, в том же самом 1961 году, автор новейшей монографии о Стейнбеке американский литературовед Уоррен Френч в смятении вопрошал: «Что случилось с Джоном Стейнбеком?» Френча волновало то, что романы писателя, написанные после Второй мировой войны, не шли ни в какое сравнение с его довоенными книгами. Исследователя тревожила проблема – почему же во второй половине 50-х годов Стейнбек не издал почти ни одного нового художественного произведения?

В американском литературоведении вообще наметилась тенденция – исключить Стейнбека из числа сколько-нибудь серьезных писателей современности. Характеризуя отношение американских профессиональных ценителей литературы к этому романисту, как оно сложилось к началу 60-х годов, уже упомянутый Френч отмечал: «В современной критике Джон Стейнбек не моден»...

Что ж, не будем отрицать, проблема упадка творчества Стейнбека в 40-х и 50-х годах – это проблема вполне реальная.

Однако после появления романа «Зима тревоги нашей» возникла и другая проблема: чем же объяснить новый взлет писателя после многих неудач, после долгих лет творческого «прозябания»?

Что теперь случилось с Джоном Стейнбеком?

Вопрос, прозвучавший дважды, тем более интересен и важен, что литературная судьба автора «Зимы тревоги нашей» не является исключительной. Кое-что более или менее сходное происходило и происходит и с некоторыми другими американскими прозаиками. Писательский путь Стейнбека в какой-то мере показателен, в нем есть что-то типичное.

Джон Стейнбек всего на три года моложе Хемингуэя, но он принадлежит как будто к совсем другому, более позднему литературному поколению. Если над ранними, а в известной мере и более поздними книгами Хемингуэя лежит кровавый отблеск Первой мировой войны, то душа Стейнбека была по-настоящему разбужена к творчеству лишь событиями 30-х годов, периода экономического кризиса – самого важного по своему значению и по своим последствиям в истории США.

Путь Стейнбека к его шедевру – роману «Гроздь гнева» не был особенно длинным. Сборник рассказов «Райские пастбища», которым, по сути дела, дебютировал писатель в литературе, появился всего за семь лет до этой книги. Смысл «Райских пастбищ» в давно знакомом по литературе романтизму противопоставлении прекрасной природы мрачной участи человека. Вместе с тем, в этих рассказах ощущалось какое-то удивительно свежее восприятие природы и людей, порожденное, без сомнения, органической близостью писателю тружеников земли. В ряде новелл возникают реалистические и пронизанные щемящей болью образы фермеров, которым, в конечном счете, мешают жить их собственнические инстинкты. Подлинного мастерства достигает Стейнбек в следующем своем цикле новелл «Рыжий пони». Ясным и поэтическим при всей своей простоте языком поведал писатель о духовном созревании совсем юного мальчика Джоди.

Вслед за повестью «Квартал Тортилла», этой комической сказкой о лишенных собственности, а потому добрых и даже счастливых бродягах, Стейнбек создал роман «В битве с исходом сомнительным». В этой книге он впервые вводит читателя в самую гущу классовых столкновений, столь характерных для 30-х годов. Роман противоречив – это бесспорно. Облик народа-бунтаря и влечет автора и пугает его.

О той двойственности, которая все же была присуща Стейнбеку, сказала его книга «О мышях и людях». Тяга к гуманности получила в этом романе выражение странное, в какой-то мере даже извращенное на модернистский лад. Самым добрым человеком, более всего заслуживающим любви, ярчайшим воплощением влечения простых людей к счастью изображен здесь дегенерат, вовсе лишенный разума.

А следующим романом Стейнбека были «Гроздь гнева».

В американской литературе XX века не так-то уж много романов, в которых жизнь и духовные устремления народа были бы воплощены с такой полнотой и силой, как в этой великолепной книге. С проницаемостью и точностью, которые заставляют вспомнить Бальзака

и соотечественника Стейнбека – Драйзера, писатель выявляет реальные жизненные обстоятельства, которые превратили героев романа – фермеров Джоудов в бездомных бродяг. И Джоуды – живые люди, в их жилах течет настоящая кровь, их поступки, каждое их слово, каждое движение души естественны, понятны, реальны.

«Гроздь гнева» – произведение эпической широты. Перед нами облик Америки, потрясенной до самого основания. Отчетливее, чем когда-либо раньше, выражает писатель коренную противоположность интересов «холеных пальцев», с одной стороны, и пальцев «заскорузлых», с другой. Его внимание приковывает коренной конфликт – конфликт людей достойных, хороших, любящих труд, с теми, кто дышит не воздухом, а «прибылью».

В центре романа американцы, в душах которых «наливаются и зреют гроздь гнева». Это люди интересные, яркие, полные человеческого обаяния. Таков Том, который, в конце концов, открыто признает себя «бунтовщиком», таков проповедник Кейси. Но жемчужина романа – образ матери, человека «чистой душевной красоты». Создав этот образ, Стейнбек впервые, пожалуй, предстал перед читателями, как художник мирового значения, как сердцевед, способный обнаружить в простом человеке неисчерпаемое душевное богатство. В этой женщине есть доброта и внутренняя стойкость, настоящая человечность и умение выстоять под самыми тяжелыми ударами судьбы, материнская мягкость и героическое начало. «Ма» без остатка отдает себя семье, но, когда обстоятельства того потребовали, высоко поднимается над уровнем узкосемейных интересов. В конце романа она прощается с сыном, может быть, навсегда, благословляя его на борьбу совместно со всеми обездоленными людьми Америки.

Величие книги, в частности, в том, что в ней с неоспоримой достоверностью и почти уитменовской выразительностью воплощен переход таких американцев, как фермеры Джоуды, от индивидуалистического сознания к сознанию более высокому. Тяжкие испытания порождают в сердцах героев романа незнакомую им раньше жажду совместной борьбы, солидарности с другими людьми труда. Мотив тяги к единению звучит все громче. И именно переход в сознании трудящихся от «я» к «мы», дает понять писатель, представляет самую страшную угрозу для стяжателей.

Воплощенный в романе «Гроздь гнева» бунтарский дух и опоэтизированное писателем эмоциональное влечение простых людей к кол-

лективизму отразили богатый опыт борьбы, приобретенный американскими трудящимися в 30-е годы.

Казалось, теперь можно было ожидать от Стейнбека дальнейшего углубления его реалистического мастерства – ведь герои книги, как не могли не почувствовать читатели, находились в самом начале стремительного пути. Перед ними открывались самые широкие дали...

Вышло, однако, так, что автор этого романа резко оборвал свое поступательное движение. Это не было случайностью. Рубеж 30-х и 40-х годов – один из самых трудных, чреватых противоречиями и резкими срывами моментов в истории новейшей американской литературы.

Вставшие на самом пороге Второй мировой войны сложнейшие проблемы международной жизни вызвали у многих американских писателей явную растерянность. Об этом говорит хотя бы опыт Хемингуэя. Сразу же после опубликования «Гроздьев гнева» Стейнбек почувствовал себя выбитым из колеи. В книге «Море Кортеса», которую писатель издал в 1941 году, Стейнбек пытается обнаружить «корни» войны, а также поведения людей вообще в якобы извечной биологической природе человека.

В повести «Луна зашла», написанной почти в самом начале войны с гитлеровской Германией, выражена ненависть к нацистским захватчикам чужой земли. Но в его дальнейшем творчестве военных лет ощущается желание уйти от тяжелых мыслей и проблем современности. Повесть «Консервный ряд», опубликованная в конце войны, говорила о дальнейшем углублении внутреннего кризиса писателя. Стейнбек сохраняет брезгливо-неприязненное отношение к своекорыстным людям, в книге прославляется этакий «босяцкий гедонизм». О силе отвращения Стейнбека к стяжателям сказала его повесть-притча «Жемчужина». В обществе, отравленном ядом денег, прекрасная жемчужина приносит обнаружившему ее простому мексиканцу только несчастья.

Мы подошли теперь к одному из самых сложных и трудных периодов в истории американской литературы нашего столетия. Идеинный подъем, испытанный американским народом в годы борьбы антигитлеровской коалиции против фашистских стран, оказал на некоторых писателей США благотворное влияние. Но нельзя недооценивать пагубного воздействия на литературу нравственного климата, воцарившегося за океаном после 1945 года.

Положение, в которое были поставлены вскоре после войны передовые деятели искусства, выразительно охарактеризовал как-то Чарли

Чаплин, сказавший, что ныне в США «стоит сойти с тротуара левой ногой, чтоб тебя обвинили в коммунизме».

К сожалению, приходится сказать, что все это наложило свой отпечаток на ряд послевоенных произведений Стейнбека.

Первый большой послевоенный роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» как будто бы свидетельствовал об осознании им остроты морального кризиса, который переживает современная Америка. Роман представляет собою явное иносказание. Автобус, застрявший в грязи, о котором рассказывает автор, – это, конечно, вся страна; каждый из находящихся в машине пассажиров воплощает какую-то часть населения США. Привлекательными этих людей не назовешь. В образах бизнесмена Притчарда и его жены есть что-то идущее от сатирических традиций Синклера Льюиса. Но вскоре выясняется, что в каждом из пассажиров автобуса писателем выявлена и выпячена какая-нибудь пошлая, грязная, отвратительная черта. На передний план все чаще выходит физиологическое, притупляя социальное острие сатиры.

В романе есть яркие страницы. Однако углубляясь в него, все сильнее сопротивляешься художественной логике произведения.

Лишив единственного персонажа книги, в котором есть нечто привлекательное, – водителя автобуса Хуана, чувства морального превосходства над другими героями, Стейнбек подсказывает читателям вывод, что нужно принимать действительность такой, как она есть, не споря с ней, не сопротивляясь.

В последующих романах Стейнбека все заметнее дает себя знать желание абстрагироваться от «внешней» социальной действительности, чтобы углубиться в сферы якобы автономных внутренних столкновений. Над объемистым романом «К востоку от рая» писатель работал несколько лет. Книга создана опытным мастером слова, в ней есть хорошие главы, в основе которых история собственной семьи Стейнбека. И все же стремление говорить о «зле жизни» абстрактно обескровило и эту книгу, придав ей несмыслимую окраску нарочитости, искусственности, в конечном счете, приведя писателя к неудаче, которую он болезненно переживал.

В «Благостном четверге» (1954) встречается уже хорошо знакомое нам противопоставление добрых, бескорыстных бездельников – бродяг и чудаков – скверному миру «разумных», «цивилизованных» буржуазных людей. Но главное в романе – сентиментально-утешительные мотивы.

Трудно, разумеется, сколько-нибудь точно определить момент, когда в творчестве Стейнбека наметился новый перелом – на этот раз к лучшему. Но обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что после «Благостного четверга» писатель необычно долгое время почти не выступал как романист. Ведь его повесть «Короткое царствование короля Пиппина IV» (1957) была на самом деле лишь беллетризованным памфлетом. В повести выражена озабоченность судьбами демократии в США. Но автор рассказывает заведомо условную историю рядового человека, который случайно стал королем... Франции, но лишился трона, как только попробовал осуществить самые скромные демократические реформы.

Книга «Когда-то была война», с которой Стейнбек выступил год спустя, казалось, представляла собою лишь запоздалый отклик на события давно минувшего времени. Писатель впервые собрал в ней свои корреспонденции военных лет. Но сборник обращен не в прошлое, а к современности. Стейнбек говорит о пережитом в годы Второй мировой войны, для того, чтобы предупредить об опасности новой, куда более разрушительной войны – войны атомной. Нужно напомнить людям, что такое война, чтобы подобное «кровавое сумасбродство» не повторилось. Ведь «следующая война, если мы столь глупы, что позволим ей разразиться, вообще будет последней войной какого бы то ни было характера».

Здесь-то, пожалуй, и надо искать первопричины того сдвига в мироощущении Стейнбека, который сказался в середине 50-х годов. Опасение, что надвигается новая война, грозящая американцам и всему миру уничтожением, заставило писателя встрепенуться, встревожено приглядеться к окружающей действительности.

К этому времени относится небольшое эссе Стейнбека о детях с их естественным интересом к межпланетным путешествиям – на поверку это произведение оказывается злым антивоенным памфлетом. Писатель обличает деятелей, «глупости» которых несут человечеству гибель. С грустной иронией он говорит о «нашей планете», которая «сумела расщепить атом, но... не в состоянии усвоить правила общежития». Перед людьми, предупреждает Стейнбек, открывается страшная перспектива – «рычать, как псы, над разграбленной землей».

Писатель все пристальнее присматривается к положению дел и внутри Соединенных Штатов Америки. На рубеже 50-х и 60-х годов Стейнбек все чаще повторяет мысль об упадке моральных устоев в Аме-

рике. В беседе с корреспондентом одной английской газеты Стейнбек сказал не столь давно: «... Меня беспокоит циничная безнравственность моей страны. Я не думаю, что это может долго продолжаться, и мы погибнем, если не произойдет что-либо сверхнепредвиденное». Стейнбек чувствует, конечно, что он не единственный американец, встревоженный положением дел на его родине. Вернувшись из поездки в Европу летом 1960 года, писатель признался: «Я и не знал, что беспокойство (в США. – М.М.) так широко распространено».

Нет нужды доказывать, что новейшая стейнбековская публицистика порождена не случайными факторами субъективного порядка. Снова, как в 30-х годах, писатель с сейсмографической чуткостью уловил настроения и тенденции, возникающие в самых глубинах американского общества.

Рост антивоенных настроений во всем мире, и, в частности, в США, новая волна выступлений за демократические права, за равноправие негров – все это помогает будить гражданское сознание Стейнбека, его творческое воображение.

Статьи, беседы, очерки, памфлеты, с которыми писатель выступил на протяжении ряда последних лет, внушали надежду, что новые его чувства и мысли найдут выражение также в художественной прозе. Роман «Зима тревоги нашей» показал, что ожидания искренних друзей дарования американского писателя не были обмануты. Стейнбек вернулся в мир вполне реальных людей, мир понятный, убедительный и полный огромного значения. Автором нового романа владеет чувство обоснованного и творчески плодотворного беспокойства за судьбы родной страны и всего человечества, он исполнен серьезных и живящих раздумий о современности.

«Зима тревоги нашей» – психологический роман. Вместе с тем основа его сатирическая. И в этом оправданность сложнейшего, очень остроумно построенного сюжета, помогающего все время держать читателя в напряжении. В книге есть много неожиданных поворотов, и главный из них заключается в том, что важнейшие герои совсем не таковы, какими мы их себе первоначально представляли.

Место действия романа Нью-Бэйтаун – красивый приморский городок с исполинскими вязами на просторных и чистых улицах. Это не экзотический Монтерей, где живут полуголодные мексиканцы, о котором так часто повествовал Стейнбек в прошлом. Главный персонаж новой книги Стейнбека Итен Хоули проживает в хорошем старинном

доме, неподалеку от радующего его сердце океана. Когда мы впервые знакомимся с Хоули, сияет солнце, и Стейнбек с характерным для лучших его книг превосходным чувством природы немногословно и поэтично запечатлевает прелесть ранней весны, когда день «весь зеленый, голубой, золотистый». Живым, теплым зеркалом незамутненной чистоты весеннего мира представляются главному персонажу романа и души самых близких ему людей – жены, сына, дочери. Мэри – эта «милая, трогательная, розовая и душистая девочка», став матерью двоих детей, как будто не утратила своего девичьего очарования. А дети Эллен и Аллен – здоровые, добрые подростки.

Но светлый этот мирок развенчивается. Он постепенно рушится, разваливается до основания. Сын главного персонажа книги совершает жульнический поступок, а дочь, которая как будто живет романтической мечтой, с холодной расчетливостью доносит на родного брата. Безоглядно любимая нашим героем нежная, беспомощная Мэри, в конце концов, предстает перед читателем воплощением эгоизма. Ведь она, по выражению одного из действующих лиц, «кремень». Да и Хоули предает доверившегося ему итальянца Марулло, толкает на гибель своего лучшего друга Денни, разрабатывает план вооруженного грабежа и только в силу случайности его не осуществляет. Таковы основные вехи, определяющие общее движение романа.

Важнейшей особенностью книги является то, что при всей своей подспудной сатиричности основные ее образы оказываются психологически богатыми, сложными, трехмерными. Ни Хоули, ни Марулло, под своекорыстием и цинизмом которого скрывается жажда честности, жажда веры в человека, ни трагически одинокая Мардж, которая первоначально кажется просто распутной и хитрой женщиной, ни Эллен ее чарующей любовью к жизни не похожи на тех безжизненно-застывших персонажей, с какой-то раз навсегда утвердившейся гротескной гримасой на лице, которых так много в «Заблудившемся автобусе», например, они дышат, меняются, растут или никнут.

Именно потому, что в центре романа человек, по природе своей достойный, воспитанный в высоких понятиях, искренний, страдающий, его судьба предстает перед нами, как судьба трагическая, а падение Хоули воспринимается как социальная драма. Это и благородная личность, мучительно переживающая гибель своих иллюзий, а особенно – грехопадение детей. Это и неразоблаченный преступник (сколько сатирического содержания скрыто в самом факте безнаказанности самых

скверных его деяний). Образ Хоули двойственен не только по существу морального облика этого персонажа, но и по своей художественной природе. Во всяком случае, совершенно ясно одно – Хоули является жертвой того общества, в котором живет. И он наделен достаточной силой интеллекта (не очень-то часто мы встречались с такими героями в послевоенных книгах Стейнбека), чтобы пожелать разобраться в том, что творится на свете, и суметь это сделать.

Чуть ли не идиллический, на первый взгляд, Нью-Бэйтаун, городок оказывается на самом деле моральным болотом. Неутолимое влечение к деньгам, этакая одержимость деньгами, лишают людей истинно человеческого. Ведь «деньги не имеют не только души, у них нет ни чести, ни памяти».

Очень тонко, исподволь, едва заметными штрихами рисует Стейнбек, как господствующие представления о жизни морально калечат, уродуют членов семьи Хоули. Приходит час, и Эллен с Алленом с откровенной жестокостью дают понять отцу, что они не намерены мириться с нехваткой денег, которая стала уделом семьи. Влечение к богатству растлевает самого Хоули, хотя еще недавно он был свободен от этого наваждения.

В «Зиме тревоги нашей» суд над обществом вершит герой романа. Разумеется, богатство его раздумий, а также сокрушительная сила иронии, пронизывающей этот образ и весь роман (надо добавить, что стейнбековская ирония далеко не сразу раскрывается перед читателем), отражают богатство мысли самого художника.

Хоули волнует вопрос о традициях, на которых возникло в современной Америке неудержимое влечение к деньгам. И автор не склонен сколько-нибудь идеализировать «добрую, старую Америку». Один из важнейших мотивов романа – мотив бесчестности способов, которыми наживали свои состояния основоположники некоторых из самых уважаемых семейств в стране. Переходя к современности, автор и его герой обнаруживают еще больше мрачного. В городке мошенник сидит на мошеннике. Жульничают нынешние «отцы города», а хищники покрупнее готовятся вышвырнуть их вон, чтобы, возведя «на трон прогресс», выкачать из округа такие капиталы, какие пиратам прошлого и не снились.

Тема духовного (а то и физического) уничтожения людей «Великим Богом Чистогана» возникла еще в самых ранних произведениях Стейнбека. Она с огромной силой вплетается в симфонию «Гроздьев гнева», четко прочерчивается в «Жемчужине», возникает хотя бы в виде каких-

нибудь мелких и капризных завитков и в первых послевоенных книгах писателя. В новом своем романе он не просто ее варьирует. «Зима тревоги нашей» произведение, которое заставляет думать и думать.

В романе порою звучит вопль отчаяния. И все же, как ни мрачны нарисованные писателем картины, книга не внушает чувства безнадежности.

Да, в основе романа этическая проблема. Но как нечто оправданное и неизбежное воспринимаешь обращение автора и к теме войны.

Итен Хоули озабочен тем, что над Америкой летают реактивные самолеты, которые «созданы, чтобы сеять смерть». В его теле «гнездится» страх перед смертью, которая «в один прекрасный день» может «грибовидными облаками встать над землей». Здесь голос Хоули это, безусловно, голос самого писателя, а вместе с тем голос миллионов его соотечественников.

«Зима тревоги нашей» – явление показательное во многих отношениях, в частности в плане литературном. Этот роман не только новая страница в творчестве Стейнбека, но и еще одно звено в цепи фактов, говорящих об известном укреплении в самое последнее время реалистических тенденций в литературе США.

Общая картина современной американской литературной жизни чрезвычайно сложна, изобилует противоречиями, чревата неожиданностями. А все же нельзя не видеть, что последние годы ознаменовались появлением в США – наряду с романом Стейнбека – и других произведений, говорящих об известных положительных сдвигах в литературе страны. Это книги разного характера и значения. Есть среди них несколько романов левых писателей, например, Марзани и Боносского. Выходят в свет новые произведения критического реализма – Аппела, Дж. Грина, Херси и др. авторов. Следы добрых веяний можно уловить и в новейшем романе У. Фолкнера «Особняк». Автор этой книги в какой-то мере преодолел иные из своих реакционных предрассудков. Новый поворот в сторону реализма наметился как будто в творчестве Колдуэлла.

Хочется верить, что роман «Зима тревоги нашей» – это залог новых творческих успехов как самого Стейнбека, так и других американских писателей реалистического направления.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4345. Л. 1–15. Предположительно, автором статьи является М.О. Мендельсон.

К. Вишневецкий **Разговаривая со Стейнбеком**

Он ходил по редакции, высокий, тяжело опираясь на черную в сучках палку. Прищулив один глаз, внимательно вглядывался в лица собеседников. Говорил:

– Я рад быть здесь, среди журналистов. Я чувствую себя среди своих, равных мне людей. Ведь я сам долгое время работал в газете. Мальчишкой стоял у наборного стола. Таких, как я, подручных наборщиков, называют у нас «чертями», может быть, потому, что мы всегда испачканы в черной краске.

С газетами Стейнбек был связан не только в детстве. В течение всей своей теперь уже долгой (ему 61 год) жизни он поддерживает связь с прессой, часто пишет для газет и журналов. Во время войны он не мог оставаться дома «в безопасной Америке». Он садится на борт переполненного военного транспорта и отправляется в Европу. Его видят на военных базах, в ангарах аэродромов. Он сидит с солдатами в лондонских погребах во время тяжелых налетов гитлеровской авиации. Затем Стейнбек отправляется на «новые фронты» в Северную Африку, высаживается с десантом в Сицилии, проходит Италию. И пишет, пишет... Его статьи, появившиеся в свое время в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн», позже выходят отдельной книгой, которую Стейнбек назвал «Однажды была война». Идея книги, как сам он говорит, напомнить людям о том, что было, «чтобы люди не повторяли этой громадной трагической ошибки». «Нашу гражданскую войну называли последней из «джентельменских войн», Вторая мировая, – конечно, последняя из глобальных битв. Следующая война, если мы будем так глупы и допустим ее, будет вообще последней. Некому будет что-либо помнить...», – пишет Стейнбек в предисловии к своим военным репортажам.

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война.

Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильно-му выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать.

О своей стране Стейнбек говорит проникновенно. Чувствуется, что он любит свой народ, знает его. Часто писатель оставляет свой дом и путешествует по стране, чтобы, как он выражается, не забыть ее. Последнее его путешествие, которое он совершил на машине со своей любимой собакой Чарли, родило замечательную книгу «Путешествие с Чарли».

– Недавно Чарли умер, – говорит он. И на лице его отражается глубокая грусть.

Настроение Стейнбека часто меняется. То он весело смеется, то он грустит, то с гневом говорит о ненавистных ему вещах. Автор одной из наиболее мужественных книг современности – «Гроздья гнева» не может сегодня спокойно рассказывать о великом позоре Америки – расовой дискриминации.

– У нас сейчас происходит революция, – говорит он. – Негритянская революция. Я бы хотел, чтобы вы увидели кадры кинохроники – лица участников Марша свободы, лица людей, которые пришли в Вашингтон, добиваясь прав, добиваясь свободы. Это поразительное зрелище, это революция.

– Каждая система (государственная, я имею в виду) не остается без изменения, особенно в наше время. И американцы уже не те, и Америка теперь не та. Однажды меня спросили, – рассказывает Стейнбек, – верю ли я в будущее Америки. И как тогда, я сейчас отвечаю: если бы я не верил в будущее Америки, я бы перерезал себе горло.

Конечно, разговаривая со Стейнбеком, мы задавали ему много вопросов о его творчестве, о литературной жизни США, о его планах. О себе Стейнбек предпочитает говорить как можно меньше, особенно о своих планах.

– Я пишу, – говорит он, – для меня это подобно дыханию. Поэтому очень трудно сказать, как я дышу, почему я дышу и для чего. Один из ваших писателей спросил меня однажды: в чем смысл жизни? Мне трудно было ответить на этот вопрос, и я мог сказать лишь одно: когда я голоден, я живу, чтобы есть, когда я хочу пить – для того, чтобы утолить жажду. Когда я хочу сказать что-то людям – для того, чтобы написать книгу.

Стейнбек написал более тридцати книг. Его романы, рассказы, очерки, конечно, различны по тематике и силе. Были и неудачи. Например, до сих пор Стейнбек не может себе простить своей первой книги.

– В то время я жил в горах, – рассказывает он. – Сторожил ферму. Работы было мало, времени было много. Я стал писать. Книга получилась плохая. Но, к сожалению, она была опубликована, и до сих пор остается плохой.

Критики считают, что пятидесятые годы были наиболее неудачными в писательской жизни Стейнбека. Исследователь его творчества П. Лиска утверждает, что это связано со смертью ближайшего друга Стейнбека и его соавтора Эдуарда Рикетта, с которым Стейнбек написал одну из своих любимейших книг «Море Кортеза» (1941 г.). Талантливый биолог Рикеттс имел большое влияние на Стейнбека. Создав свою теорию бес-связности явлений жизни, Рикеттс заставил на какое-то время Стейнбека принять сумму своих взглядов, что отразилось на некоторых из романов Стейнбека. Однако другие критики, особенно в последнее время, опровергают Лиска, считая, что полоса неудач Стейнбека 50-х годов объясняется другим, а именно временем разгула реакции в США, крушением многих так называемых «американских идеалов». В это время особенно заметно поднимает голову американская реакция, активизируется фашизм.

– У нас в Америке, – говорит Стейнбек, – всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны, с самого начала, с первых дней после революции. Достаточно сказать, что у нас был Маккарти. Вы, конечно, знаете о нем.

И вот тут Стейнбек высказывает мысль, одну из тех, с которой мы, внимательно слушая его и любя его как писателя, не можем согласиться. Он говорит, что наличие реакции чуть ли не необходимо для общества, для его развития, необходимо для того, как он выражается, «чтобы люди не закидали, не откладывали в сторону оружие».

– Пока есть с чем бороться, пока есть что ненавидеть, – говорит он, – люди продолжают жить и оставаться людьми.

– Значит, – спрашиваем мы, – весь этот невероятный набор комиксов и секса, военной пропаганды и безумных речей фашиствующих молодчиков нужно предлагать новому поколению, нашим детям?

Стейнбек соглашается:

– Конечно, – говорит он, – молодое поколение, стоящее не очень твердо на ногах, находится в трудном положении, встречая его этот, как вы его называете, «выбор». И все же его стоит делать.

– Но вы же сами, – возражаем мы, – вывели в своем романе «Зима тревоги нашей» образ сына героя, которого ненавидит даже отец, ну и, конечно, ненавидит автор, как это чувствуется из романа, и, как мы понимаем, именно за то, что он, этот сын, широко воспользовался тем нелепым выбором, о котором вы выговорите.

Стейнбек улыбается:

– Ну что ж, в первую очередь нужно критиковать свое, даже свои собственные убеждения.

Мы вежливо прекращаем спор. Спорили мы и по другим вопросам. Например, нас удивляла позиция Стейнбека, его взгляды на писательское творчество, роль писателя в обществе. Стейнбек воспевает одиночество писателя, считает, что только одинокий ум может создать что-либо стоящее, а коллектив может только мешать.

– Если бы во мне произошел конфликт между писателем и гражданином, я бы стал на сторону писателя и боролся бы против гражданина, – говорит Стейнбек.

Но и в этом случае слова Стейнбека, к счастью, расходятся с его делами. Ведь на протяжении всей своей творческой жизни Стейнбек оставался гражданином, и именно поэтому он стал великим писателем. Именно за это его любят читатели мира, именно поэтому он встречает такой теплый прием здесь, у нас, в Советском Союзе. Нет, автор «Гроздьев гнева», «Зимы тревоги нашей», конечно, гражданин. Гражданин и писатель. Да и какой писатель, по-настоящему крупный, может не быть гражданином! Мы цитируем ему одного из наших великих поэтов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Конечно, нас интересует, что происходит сегодня в литературной Америке, какова судьба многих писателей, известных и новых, каковы взаимоотношения Стейнбека с другими творческими людьми Соединенных Штатов. Величайшим современным драматургом Стейнбек считает Артура Миллера, особенно знаменательной называет его пьесу «Смерть коммивояжера». О Драйзере он говорит так: «Драйзер был основоположников современного романа». И тут же, улыбнувшись, добавляет: «Но он плохо писал по-английски. Наверное, в переводах он выглядел намного лучше».

Спрашиваем о Фолкнере, его связях, его влиянии на писателей Америки.

– Фолкнер не имеет ничего общего с моим творчеством, – почему-то зло говорит Стейнбек.

– Правда ли, что Хемингуэй оставил в сейфе два законченных романа и просил распорядиться их судьбой после его смерти? – задаем мы вопрос.

Стейнбек задумывается.

– Я знаю очень хорошо жену Хемингуэя, – говорит он. – У нее на самом деле осталось много рукописей. Конечно, рукописи – это еще не романы. Слышал я и о тех, якобы завещанных романах. Слышал это от самого Хемингуэя.

Стейнбек знает о дискуссии, которая недавно состоялась у нас в Ленинграде, дискуссии по вопросу о судьбе романа в XX веке. Некоторые участники дискуссии, особенно иностранные писатели, высказывали мысль о том, что в XX веке, особенно в его атомную половину, в век великой скорости и кратких мгновений, роман, как большое литературное произведение, умирает. На смену ему приходят короткие произведения. Спрашиваем точку зрения Стейнбека. Писатель возмущается:

– Как можно говорит о таких вещах! Роман может умереть только лишь со смертью писателей, с концом литературы. Пока я жив, жив мой роман.

– А какой из своих романов вы больше всего любите?

– Мне трудно сказать об этом. Меня не интересуют романы, уже написанные, потому что я уже все знаю, что там произошло, знаю, как они родились. Я живу будущими произведениями.

Интересуют нас и мелкие детали жизни Стейнбека, его работы.

– Пишу карандашом, – говорит он. – Никогда не пользуюсь пишущей машинкой. А вообще можно писать чем угодно, хоть водой, лишь бы были мысли, лишь бы было то, о чем стоит рассказать людям. Музыка люблю разную. Люблю и хороший джаз. Конечно, люблю так называемую серьезную музыку. С удовольствием хожу на концерты. Я читаю много, читаю все подряд: и детективы, и комиксы, но больше всего исторических книг. Историей я особенно интересуюсь. У нас сейчас в Америке много интересных молодых писателей и поэтов. Они растут, совершенствуются. Например, Джек Керуак. Он сильно изменился за последнее время. От экспериментирования он уже перешел к настоящему творчеству. К сожалению, наши молодые писатели, многих из которых мы называем «битниками», знают, против чего выступать, но не знают, за что. А писатель, по-моему, должен не только критиковать, но и утверждать что-то. И вообще, по-моему, битники – это не факт,

а явление, процесс. Я его связываю с процессом эксперимента, иногда называю протестом.

Спрашиваем Стейнбека: считает ли он экспериментом абстрактное искусство вообще.

– Да, в какой-то степени, – отвечает Стейнбек. – Конечно, я имею в виду хорошую абстрактную живопись, хорошее абстрактное произведение, литературу. Эксперименты – вещь хорошая, и они должны производиться. Я могу не любить результаты этих экспериментов и не принимать, но я за эксперименты. Я тоже экспериментирую – и не двух одинаковых романов.

– Да, – замечаем мы, – но все же вы не написали ни одного рассказа, ни одного произведения, которое можно было бы назвать абстрактным в нашем понимании этого слова.

Стейнбек улыбается:

– Может быть, я недостаточно хорош для таких экспериментов.

– Хотели ли бы вы, – спрашиваем мы, – чтобы вас не понимали сейчас, но поняли бы в трехтысячном году, ведь такие аргументы выдвигают идеологи абстракционизма.

Стейнбек прищуривается, затягивается трубкой, отвечает:

– Я предпочел бы, чтобы меня понимали сейчас.

Мы спрашиваем Стейнбека о целях его нынешнего визита в Советский Союз, о его первых впечатлениях.

– Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен. Второй раз в 1947 году я уже приехал как писатель. Многих встречал, о многом говорил. Тогда еще чувствовалось влияние войны. Люди еще не совсем оправались от перенесенных тревог и бед.

– Я слышал о многих колоссальных изменениях в Советском Союзе за последние годы. Я увидел здесь подтверждение многому из того, что я читал, о чем слышал. Сильно изменилась Москва, выросли новые дома, расширились и появились новые улицы. Я знаю, что у вас в этом году плохой урожай, но это не помешает вашему прогрессу, в этом я убежден! Хотите знать: какое мое самое сильное впечатление от первых дней пребывания в Москве? Это люди. Люди, которые ходят с высоко поднятой головой, открытым, честным взглядом, смелые, гордые, уверенные. Меня интересует очень многое, что происходит у вас сейчас. Я с интересом слежу за вашими делами внутри, за вашей политикой вне

страны. Я испытываю большую симпатию к вашему руководителю – Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мы показываем ему на так называемые «почетные портреты» – великих писателей, посетивших редакцию «Известий» – Горький, Маяковский, Шолохов, Барбюс, Шоу. Предлагаем Стейнбеку выйти на так называемый «горьковский балкон», где был в свое время сфотографирован Алексей Максимович, чтобы сделать портрет Стейнбека для нашей «галереи». Стейнбек смотрит на портреты:

– С удовольствием, – говорит. – Хорошая компания. – Добавляет. – Я как-то робею, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...

Стейнбек выходит на балкон. Смотрит на осеннюю Москву, заметно нервничает.

– Хорошо здесь у вас, – говорит он. Спасибо, что пригласили. Вы знаете, даже климат здесь похож на климат моего родного штата. Я здесь себя удивительно хорошо чувствую.

Источник: Известия. 1963. 22 октября. № 252. С. 4.

Джон Стейнбек

Письмо советским писателям

9 мая 1964

Дорогой друг,

С тех пор, как моя жена Эйлин и я вернулись домой после поездки в Москву, мы часто вспоминаем о Вас и о вашем замечательном городе. Память о Вашем радушии и чистосердечном гостеприимстве не покидает нас и вселяет уверенность. Разумеется, у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе. По существу природа этих различий убеждает нас в том, что у всех хороших людей пути и цели, в конечном счете, одни и те же. Мы расходимся только в способах достижения. Мне кажется, мы должны постоянно заботиться о том, чтобы эти различия в способах не заслонили собой конечных целей.

В знак небольшого свидетельства признательности за Вашу доброту посылаю Вам экземпляр единственной речи, которую я произнес; вряд ли это повторится когда-либо еще раз. В известном смысле это уникальная речь, так, по крайней мере, думаю я. Как бы то ни было,

если бы мне пришлось исправлять ее теперь, я бы добавил, что обязанностью писателя является привнесение в мир немного веселья, немного смеха. Это не повредило бы никому и могло бы доказать, что все мы похожи друг на друга – что людей сближает смех. Я помню, в Москве мы много смеялись вместе.

Надеемся, что когда-нибудь Вы, возможно, посетите Америку, и мы будем рады оказать Вам гостеприимство, в какой-то мере соответствующее тому, какое столь щедро было оказано Вами. Эйлин («Сонька – золотая ручка») разделяет со мной все эти чувства. Ваш друг Джон Стейнбек.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ

Джон Стейнбек

Мысли писателя

**Речь, произнесенная в Стокгольме по случаю получения
Нобелевской премии по литературе**

Стокгольм, декабрь 1962

Благодарю Шведскую Академию за признание моих произведений достойными этой высшей награды.

В глубине моего сердца могут быть сомнения, что я не заслуживаю Нобелевскую премию больше, чем другие писатели, которых я уважаю и почитаю, но нет сомнения в том, что я доволен и горд получить эту награду.

Принято, чтобы лауреат этой премии высказал ученые или личные соображения о сущности и направлении литературы. Но в данное время следовало бы, по-моему, обсудить высокие обязанности и ответственность создателей литературных произведений. Столь высок престиж Нобелевской премии и этого места, где я нахожусь, что я принужден не пищать как некая благодарная и извиняющаяся мышь, а рыкать как лев из гордости за мою профессию и за великих и прекрасных людей, которые в продолжение веков ею занимались.

Литература не создавалась по указу бледной и выхолощенной касты критиков-жрецов, гнусавящих свои заклинания в пустых храмах, и она – не игра для уединяющихся избранных, для пустозвонных про-

возвестников малокалорийного отчаяния. Литература стара как речь. Она выросла, потому что человечество в ней нуждалось, и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой. Скальды, барды, писатели не обособлены и не недоступны. С самого начала их функции, их обязанности, их ответственность были декретированы нашим родом.

Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное смутное время. Мой великий предшественник Уильям Фолкнер в своей речи здесь назвал его трагедией всеобщего страха, так долго державшегося, что не оставалось больше проблем духа, и что, казалось, стоило писать лишь о конфликте человеческого сердца с его жизнью.

Более многих людей Фолкнер знал и о человеческой силе и о человеческой слабости. Он знал, что понимание и разрешение страха – значительная доля оправдания существования писателя. Это не ново. Древнее назначение писателя не изменилось. Он призвал разоблачать многие наши прискорбные ошибки и неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления.

Более того, – писателю поручено провозглашать и прославлять доказанную способность человека к величию души и духа, доблести в поражении, мужеству, состраданию и любви. В бесконечной борьбе против слабости и безнадежности – это и есть яркий объединяющий стяг надежды и соперничества.

Я считаю, что писатель, не верующий страстно в способность человека к совершенствованию, не имеет ни приверженности к литературе, ни места в ней.

Современный всеобщий страх – это результат быстрого развития нашего познания некоторых опасных факторов в физическом мире и манипуляций ими. Сомнения нет, – другие аспекты понимания не поспели за этим огромным шагом вперед, но нет и основания предполагать, что они не могут или не будут идти вровень. По существу – одна из обязанностей писателя и есть обеспечение этого.

После длинной и великолепной истории непоколебимости человечества пред лицом естественных врагов, иногда чреватой опасностью поражения и вымирания, для нас было бы трусливо и глупо сдать позиции накануне величайшей потенциальной победы.

Я, понятно, читал биографию Альфреда Нобеля, – одинокого человека и, как передают книги, – вдумчивого человека. Он усовершенствовал освобождение взрывчатых сил, способных на созидающее до-

бро или на разрушающее зло, но не имеющих выбора, как не ведомых совестью или рассудком.

Нобель предвидел некоторые жестокие и кровавые злоупотребления его изобретениями. Возможно, он предвидел и конечный результат своих поисков – доступ к окончательному неистовству, к конечному уничтожению. Уверяют, что он сделался циником, но я этому не верю. Мне кажется, что он старался найти регулятор, предохранительный клапан. Думаю, что он, наконец, нашел его только в человеческом разуме и духе.

Такой ход мысли явно подсказывают мне категории этих премий. Они выдаются за возрастающее и непрерывное познание человека и его мира, за понимание и общение, что и есть назначение литературы. И они выдаются за проявление способности к миру, кульминационного пункта всех других категорий.

Менее чем через 50 лет после его смерти были отперты двери природы, и нам было дано ужасающее бремя выбора. Мы узурпировали многие силы, которые раньше приписывали Богу. Полные страха и неподготовленные, мы присвоили себе власть над жизнью и смертью всего мира и всех живых существа.

Опасность, и слава, и выбор покоятся в человеке. Испытание его способности к совершенствованию близится. Присвоив богоподобную власть, мы в себе должны искать сознание ответственности и мудрость, о присутствии которых у любого божества мы некогда с надеждой молились.

Сам человек стал величайшей нашей опасностью и нашей единственной надеждой. И ныне можно перефразировать Апостола Иоанна Богослова: в конце есть Слово, и Слово есть человек, и Слово пребывает с людьми.

John Steinbeck A Writers's Credo

Nobel Prize For Literature Acceptance Speech

Stockholm, December 1962

I thank the Swedish Academy for finding my work worthy of this highest honour.

In my heart there may be doubt that I deserve the Nobel award over the other men of letters whom I hold in respect and reverence – but there is no question of my pleasure and pride in having it for myself.

It is customary for the recipient of this award to offer scholarly or personal comment on the nature and the direction of literature. At the particular time, however, I think it would be well to consider the high duties and the responsibilities of the makers of literature. Such is the prestige of the Nobel award and of this place where I stand that I impelled, not to squeak like a grateful and apologetic mouse, but to roar like a lion out of pride in my profession and in the great and good men who have practiced it through the ages.

Literature was not promulgated by a pale and emasculated critical priesthood singing their litanies in empty churches – not is it a game for the cloistered elect, the tin-horn mendicants of low calory despair. Literature is as old as speech. It grew out of human need for it and it has not changed except to become more needed. The skalds, the bards, the writers are not separate and exclusive. From the beginning, their functions, their duties, their responsibilities have been decreed by our species.

Humanity has been passing through a gray and desolate time of confusion. My great predecessor, William Faulkner, speaking here, referred to it as a tragedy of universal fear, so long sustained that there were no longer problems of the spirit, so that only the human heart in conflict with its life seemed worth writing about.

Faulkner, more than the most men, was aware of human strength as well as of human weakness. He knew that the understanding and the resolution of fear are a large part of the writer's reason for being. This is not new. The ancient commission of the writer has not changed. He is charged with exposing our many grievous faults and failures, with dredging up to the light out dark and dangerous dreams for the purpose of improvement.

Furthermore, the writer is delegated to declare and to celebrate man's proven capacity for greatness of heart and spirit – for gallantry in defeat – for courage, compassion and love. In the endless war against weakness and despair, these are the bright rally-flags of hope and emulation.

I hold that a writer who does not passionately believe in the perfectibility of man has no dedication nor any membership in literature. The present universal fear has been the result of a forward surge in our knowledge and manipulation of certain dangerous factors in the physical world. It is true that other phases of understanding have not yet caught up with this great step, but there is no reason to presume that they cannot or will not draw abreast. Indeed, it is a part of the writer's responsibility to make sure that they do.

With humanity's long, proud history of standing firm against natural

enemies, sometimes in the face of almost defeat and extinction, we would be cowardly and stupid to leave the field on the eve of our greatest potential victory.

Understandably, I have been reading the life of Alfred Nobel: a solitary man, the books say, a thoughtful man. He perfected the release of explosive forces, capable of creative good or of destructive evil, but lacking choice, ungoverned by conscience or judgment.

Nobel saw some of the cruel and bloody misuses of his inventions. He may even have foreseen the end result of his probing-access to ultimate violence – to final destruction. Some say that he became cynical, but I do not believe this. I think he strove to invent a control, a safety valve. I think he found it finally only in human mind and the human spirit.

To me, this thinking is clearly indicated in the categories of these awards. They are offered for increased and continuing knowledge of man and of his world – for understanding and communication which are the functions of literature. And they are offered for demonstrations of the capacity for peace – the culmination of all the others.

Less than 50 years after his death, the door of nature was unlocked and we were offered the dreadful burden of choice. We have usurped many of the powers we once ascribed to God. Fearful and unprepared, we have assumed lordship over the life and death of the whole world and all living things.

The danger and the glory and the choice rest finally in man. The test of his perfectibility is at hand. Having taken God-like power, we must seek in ourselves for the responsibility and the wisdom we once prayed some deity might have.

Man himself has become our greatest hazard and our only hope. So that today, St. John the Apostle may well be paraphrased. In the end is the Word, and the Word is man – and the Word is with men.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

С. Львов – Дж. Стейнбеку

Дорогой Стейнбек!

Прошу извинить, что отвечаю Вам с опозданием. Я только что вернулся из летнего путешествия, и вся почта дожидалась моего возвращения в Москве.

Благодарю Вас за присланный мне текст Вашей речи, произнесенной при знаменательном акте вручения Вам Нобелевской премии. Я был знаком с этой речью из печати, но с интересом перечитал ее и мне приятно иметь ее в своей библиотеке.

Не скрою, однако, что Ваше письмо меня несколько удивило. Вы обращаетесь ко мне как к знакомому. Я хорошо знаю Вас по Вашим книгам, которые высоко ценю. Но, когда Вы напоминаете мне о наших интересных встречах и беседах в Москве, я не без улыбки вижу в этом то образное выражение, которое называется в стилистике «*toto pro pars*».

Встречи и беседы, которые были у Вас в Москве с некоторыми моими коллегами по профессии, Вы, очевидно, перенесли на всех представителей нашей профессии. Я, разумеется, не сомневаюсь в том, что эти встречи были именно такими, как пишете Вы, но мне не случилось принимать в них участия. Наше личное знакомство пока что не состоялось, о чем я искренне сожалею.

Я бы с удовольствием посчитал началом этого знакомства Ваше письмо, если бы не одно обстоятельство. Оно написано как обращенное лично ко мне и от руки (что доставило мне удовольствие получить Ваш автограф), но размножено фототипическим способом (что несколько умаляет ценность автографа) и разослано по множеству адресов. Вот это последнее особенно меня озадачило.

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей.

Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей.

И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника.

Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии.

Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями Сергей Львов.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 7.

Ф. Кравченко

Открытое письмо Джону Стейнбеку

12 июля 1964

В редакцию «Литературной газеты».

Копии:

В московскую организацию Союза писателей РСФСР,
Иностранную комиссию Союза писателей СССР.

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу опубликовать мое открытое письмо американскому писателю Джону Стейнбеку, которое является ответом на его письмо и «Речь, произнесенная в декабре 1962 года в Стокгольме по случаю получения им Нобелевской премии по литературе», присланную мне самим Стейнбеком, по-видимому, с целью привлечения моего внимания к проблемам... мировой литературы.

Как Вам известно, я не принадлежу к тем, кто бывает за рубежом, общается с иностранными литераторами, пишет очерки и статьи по поводу своих путешествий и завязывает дружбу с иностранцами. Я скромно служу родному советскому народу и счастлив, что мои книги – повесть «Семья Наливайко» и роман «Отамановы дубы» пользуются успехом у массового читателя и приносят ему пользу. Критики обо мне не пишут. «Литературная газета» в номере за 18 февраля 1964 года впервые, как говорится, по достоинству оценила мои заслуги перед советской литературой, признав, что уже в 20-е и 30-е годы я вместе с такими ныне знаменитыми сатириками, как Остап Вишня, развивал «боевой жанр», выступая под псевдонимом Теодор Орисио с литературными пародиями и эпиграммами.

Я об этом пишу для того, чтобы стало понятно, почему я считаю себя вправе отвечать нынче такому известному в мире буржуазному писателю, как Джон Стейнбек, – ведь 40 лет отдано мной новой, советской литературе, борьбе за ее развитие.

* * *

Господин Стейнбек!

Получив Ваше письмо и отпечатанную типографским способом, как видно, для широкого распространения «Речь, произнесенную в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе», я призадумался. Возник совершенно естественный и законный вопрос: для чего Вы это рассылаете писателям, которых никогда не видали в глаза, с которыми не встречались и не общались и книг которых, безусловно, никогда не читали?

Если Вы хотели похвастаться: я-де стал лауреатом Нобелевской премии, – это Вас не украшает. Да и что толку в восторгах перед Вашей славой людей, которых Вы совершенно не знаете? Думаю, что Вы – умный, талантливый литератор нашего времени – не преследовали и не могли преследовать подобную мелкую цель, хотя Ваша речь и преисполнена тщеславия...

Напрашивается вывод, что Вы взяли на себя труд пропагандировать некоторые свои мысли и так называемые философские рассуждения. С этой целью, как это легко понять после вдумчивого прочтения Вашего письма, Вы и обратились ко мне (и, должно быть ко многим моим коллегам).

Не буду отвечать на Ваше написанное, так сказать, Вашей собственной рукой, письмо, поскольку оно насквозь фальшиво или послано таким, как я, советским литераторам по ошибке. Я никогда не был Вашим «дорогим другом» и не мог им быть хотя бы потому, что мы никогда с Вами не виделись, не общались, не спорили, и я даже убежден, что никогда не будем общаться, так как я – беспартийный, весьма скромный рядовой советский литератор – болен и просто лишен физической возможности участвовать в той – весьма плодотворной и необходимой – работе, которую ведет наш Союз писателей, поддерживая живую творческую связь с прогрессивными деятелями мира, к которым и Вы себя, господин Стейнбек, причисляете.

Хочу высказать лишь некоторые соображения по поводу произнесенной Вами речи в Стокгольме, поскольку Вы прислали ее мне вместе с письмом и поскольку она стала литературным документом, выражающим идеологию Вашего мира и того общества, которому Вы служите, хотя и считаете себя «независимым», способным свободно участвовать в обсуждении «высоких обязанностей и ответственности создателей литературных произведений».

Я, как сказано выше, формально не принадлежу к Коммунистической партии, никаких орденов, Правительственных наград и поощрений (не считая премии за пьесу «Жаркое лето», полученную в 1947 году – на Всесоюзном конкурсе) не имею, хотя печатаюсь с 1925 года и, следовательно, почти 40 лет отдал служению нашей новой, советской литературе.

Вы прислали мне письмо и свою речь, чтобы я подумал о Вашей судьбе и Вашей ответственности, как создателя литературных произведений. Подумайте же и обо мне, о моей такой же ответственности за то дело, которому мы, литераторы, не просто посвящаем свой досуг, а всю свою жизнь.

Постарайтесь понять, что я – рядовой солдат литературного фронта – высказываюсь не «по указке свыше», а по велению своего сердца. Мое письмо, являющееся всего лишь ответом на Ваше, не может быть средством «пропаганды». Да и нелепо было бы вообразить, что я в чем-то сумею убедить Вас – представителя чуждой мне, сыну неграмотного рабочего, идеологии.

Я не знаю Вашей биографии, не знаю, какими путями Вы шли в литературу. Ныне Вы – всемирно известный писатель. И хотя мне известно, что Вы видите назначение литератора в том, чтобы писать книги, а не произносить речи, я нынче убедился, что у Вас есть ораторский талант. И Вы умело им пользуетесь. И даже являетесь великолепным организатором пропаганды тех идей и убеждений, которыми проникнула Ваша речь в Стокгольме.

Я позволю себе сказать еще несколько слов о собственной литературной судьбе. Родился в Каменке, старом местечке на Украине, о котором весь (читающий!) мир узнал, знакомясь с деятельностью тех русских революционеров, которых мы называем декабристами. Именно в Каменке собирал (в 1825 г. повешенный царем Николаем Первым) полковник Пестель прогрессивно настроенных офицеров русской армии и передовых дворян. В Каменке бывал наш великий русский писатель Пушкин. Я босоногим мальчишкой бегал в старом помещичьем парке, где Пушкин беседовал с декабристами, лишь догадываясь, что они, его друзья и знакомые, объединены в каком-то тайном, революционно настроенном обществе. Когда я узнал – еще в детстве – о том, что у нас, в Каменке, встречались декабристы и бывал знаменитый Пушкин, это дало толчок к тому пониманию мира, которое сделало впоследствии меня, простого рабочего сахарного завода, литератором, то есть,

деятелем того участка культуры, в котором, как Вы сами сказали в Стокгольме, человечество нуждалось...

Пролетарий по происхождению, познавший с детских лет нужду и унижение (дети помещика и его верных слуг называли меня «мужицким» сыном, неучем, обреченным на жалкое существование, тем более что мои неграмотные родители имели 8 детей и при этом у них была только старая хата с земляным полом), я все же в состоянии был понять душу дворянина Давыдова, ставшего революционером в то время, как другие помещики-крепостники жестоко эксплуатировали народ и всячески измывались над нами, поработанными властью имущим строем капитализма украинцами, лишая нас даже нашего национального достоинства.

Я, повторяю, понимал дворян, их писателей и деятелей культуры. Страстно полюбил Пушкина и Чайковского, который тоже жил в Каменке, так как сестра его была замужем за помещиком Давыдовым, проникся глубоким уважением к декабристам, хотя они были представителями чуждого мне класса.

Это стало возможным потому, что я мыслил свободно, что я старался судить о людях по их делам. Пушкин и Чайковский, принадлежа к чуждому мне классу, творили для народа и во имя процветания человечества. Поэтому они и были мне близки.

Декабристы, учась у французских революционеров, делали попытку изменить государственный строй в феодальной России, где правил царь и его клика, и это, естественно, мне было по душе. Уже в юношеские годы, живя еще в Каменке, я понимал, что республиканский строй, за который они боролись, мог быть только буржуазным строем. Это еще не то общество, которое возникло у нас, в бывшей Российской империи, после Великой Октябрьской революции. Русская буржуазия была врагом моего отца – пролетария, и неизбежно стала бы моим врагом, если бы мне не выпало счастье продолжать жить уже в <Советском Союзе>. Но я обнажаю голову перед тем местом в родной Каменке, где встречались декабристы – борцы за прогресс в развитии человечества.

Я не только с удовольствием прочел, но и полюбил Ваш роман «Гроздь гнева». Не знаю, кто Вы по происхождению, с какими людьми Вы общались и общаетесь, дружите в настоящее время. Но, если бы Вы даже имели «высокий титул», как мой любимый русский прозаик – бывший граф! – Алексей Толстой, это не помешало бы мне любить не только Ваши произведения, но и Вас, автора книг, созданных для

того, чтобы содействовать борьбе, которую вели французские революционеры, наши русские декабристы и многие, многие другие партии, группы и отдельные лица, страстно желая освободить человечество от того ужасного чувства, которое Ваш великий предшественник Фолкнер и Вы сами назвали «всеобщим страхом».

Я вправе был ожидать, что за «Гроздьями гнева» последует сам гнев, что Вы, пристально всматриваясь в то, что происходит в мире, осознаете свою личную писательскую ответственность перед человечеством. Но, судя по Вашей речи в Стокгольме, этого, к сожалению, не произошло, хотя Вы и пытаетесь туманными философскими рассуждениями убедить меня (и тех, кто читал Вашу речь), что Ваше призвание заключается в том, чтобы «разоблачить многие наши прискорбные ошибки и наши неудачи, извлекая на свет наши темные и опасные мечты для их исправления».

Было бы нелепо, если бы я посоветовал Вам следовать по тому пути, который избрал для своего освобождения русский, украинский и другие народы, добровольно объединившиеся в рамках Советского Союза и успешно созидающие коммунизм. Вы, американцы, должны найти свой путь к решению любых возникающих перед вами проблем и задач.

Но, поскольку Вы обратились ко мне с письмом, прислали мне свою речь и даже называете меня – совершенно незнакомого человека «дорогим другом», я позволю себе кое-что пояснить, чтобы попытаться найти весьма необходимый друзьям общий язык и помочь Вам постигнуть истину, к которой Вы только приблизились в своем романе «Гроздья гнева».

Я написал много книг (ведь 40 лет работаю в литературе!), но остановлюсь только на тех, которые сам считаю лучшими. В 1932 года я издал на Украине (под псевдонимом Теодор Орисио) сборник своих литературных эпиграмм и пародий. Мне было тогда 26 лет, и я еще работал в маленькой, так называемой, провинциальной газете. Что побудило меня написать и выпустить в свет такую книгу? Только желание помочь родному советскому народу в развитии новой литературы.

Вы сказали в Стокгольме: «Литература стара как речь», в ней человечество нуждалось, и поэтому она выросла, «и она не менялась, разве только для того, чтобы стать еще более необходимой».

Поймите же сейчас простую вещь: наша советская литература выросла потому, что в ней наш народ нуждался. И наша русская уходящая

своими корнями в глубокую древность литература претерпела (пользуясь и здесь Вашей терминологией) изменения потому, что в этом была исторически обусловленная необходимость.

Судя по Вашему литературному стажу (да и портрету, приложенному к Вашей речи в Стокгольме), Вы, как и я, пожилой человек. И странно, что Вы до сих пор не поняли того, что я понимал уже в 26-летнем возрасте, когда была издана моя книга литературных пародий и эпиграмм.

Уже тогда, зная Гомера, – великого представителя той литературы, которая стара как речь, – я – молодой сатирик – написал в своей эпиграмме на очень талантливого, но далекого от борьбы <за новую жизнь> поэта, дворянина по происхождению, считавшего себя неоклассиком: воскрес Гомер, увидел неоклассика, прочел его стихи и снова – от скуки и тоски! – умер...

Я не называю фамилию этого поэта, так как в этом нет нужды, но должен сказать, что этот бывший дворянин и неоклассик в поэзии 20-х годов, стал самым любимым моим писателем и ученым, он пользуется огромным успехом и у нас, в Советском Союзе, и за рубежом; его талант служит всеобщему прогрессу и процветанию; нынче он – лауреат Ленинской премии. А что было бы, если бы он продолжал оставаться «неоклассиком», забавляясь сочинением стихов, в которых были бы осенние звезды и розы <вообще>, без всякой связи с тем, чем жило и живет человечество? Он усох бы на корню, как усыхали некоторые другие литераторы, которых я, автор пародий и эпиграмм, предупреждал тогда 30 лет назад, что они не будут развиваться, если поставят себя <за пределами борьбы, которую испокон веков ведут народы за светлое будущее всего человечества>.

Не подумайте, что я, рассказывая об этом, хочу как-то «возвеличить» себя самого, похвастаться, каким, дескать, «провидцем» я тогда оказался. Отнюдь нет! Я не был «пророком», я просто добросовестно изучил историю Октябрьской революции (да и Всемирную историю!), старался вникнуть в тот великий процесс, который уместно назвать развитием художественной литературы, изо всех сил трудился над тем, чтобы понять великое учение Маркса и Ленина. И, по секрету сказать, я в те годы чутко прислушивался к тому, <что говорил мой неграмотный отец>, всю <жизнь работавший на своего эксплуататора – помещика Давыдова, потомка одного из тех декабристов, которых все человечество уважает, как прогрессивных деятелей своего времени>.

А он, мой отец, говорил примерно так:

– Был у нашего пана-помещика предок, который хотел хотя б от царя избавить нас, трудящихся людей. А этот подлый Лев Алексеич Давыдов пил из меня кровь, высасывал из меня последние соки. А за что? Разве я не такой же, как он, человек? Из другого теста сделан? Почему он пан, а я мужик? Что это за такие законы были, когда один наживался на чужом труде и жил, припеваючи, а другой груз спину, голодая да еще и никаких прав не имея. Лошадь у помещика на конюшне, собака на псарне, и те больше забот о себе испытали, чем мы, люди, в поте лица работавшие на всяких господ...

Нужно ли было меня как-то «подстегивать» или «поучать», внушая <новую, советскую идеологию>? Да она входила в мою кровь и плоть, как воздух, которым я дышу с той минуты, когда на свет родился. И если я, <став советским сатириком, активно включился в борьбу за новую идеологию>, то это произошло не потому, что кто-то хотел этого или, не дай бог, «покупал» меня «на корню», <как покупают иных буржуазных писателей>.

Скажу Вам откровенно, господин Стейнбек: хотя я и старый, с многолетним стажем, писатель, но у меня нет, как у Вас (если судить по фотографиям, приложенным к речи), особняка, я не выхожу с самодовольным видом на прогулку с собакой, не рассылаю отпечатанных на прекрасной бумаге речей, чтобы похвалиться собой и своими успехами...

И это свое письмо к Вам я вынужден написать (оторвавшись от рукописи, которую как раз сейчас готовлю к изданию), только потому, что не могу молчать, видя, как Вы сами же гасите мою любовь к Вам – автору романа «Гроздь гнева»...

Я Вам уже рассказывал, почему в 26-летнем возрасте были написаны и выпущены в свет мои боевые, как признала 30 лет спустя «Литературная газета» (в рецензии на антологию, где и мои произведения представлены), пародии. Мне хочется хотя бы в двух словах поведать и о том, почему и зачем были написаны мои другие книги?

В конце 1941 года издательство «Советский писатель» в Москве выпустило мою повесть «На дорогах Украины», которую я первоначально написал по-украински и затем сам перевел на русский язык. Кто меня <заставил> написать эту книгу? <Гитлер>! Когда его орды устремились на восток, разрушая города, сжигая села и поработавшая советских людей, я вспомнил то, что своими глазами видел в 1918 году, когда не-

мецкие войска оккупировали освободившуюся от пут царизма и капитализма мою родную, свободолюбивую Украину. И я написал повесть о том, как такие же, как мой отец, рабочие помогают партизанам и молодой Красной армии громить ненавистных пришельцев, захватчиков, у которых всегда была и продолжала оставаться одна-единственная цель: превратить другой народ в покорного раба, чтобы можно было беспощадно эксплуатировать его труд, обогащаться и жить, как жили, скажем, римские судовладельцы или африканские и азиатские колонизаторы...

Меня вдохновляла ненависть к врагу, моим творческим «законодателем» была любовь к родному советскому народу...

Повесть «Семья Наливайко», получившая широкое признание у наших читателей и переведенная за рубежом, вышла из печати накануне победы над Гитлером и его проводами, – весной 1945 года. Она написана с тем же чувством ненависти к поработителям и чувством глубокой любви к родному народу – созидателю нового, коммунистического общества, которое <навсегда будет избавлено от войн>. И в ней, в этой повести, я показал простых, как и герои Вашего романа «Гроздья гнева», людей, показал патриотов своей Родины, которые самоотверженно помогают Советской армии и партизанам громить врага...

Роман «Отамановы дубы», переизданный в 1962 году сотысячным тиражом потому, что он пользуется успехом <у массового читателя> (то есть, у <народа, которому я, как литератор, честно служу 40 лет!>), был написан по той же причине: я, как и Вы (если верить в искренность некоторых Ваших высказываний), не рассматриваю литературу, как «игру для уединяющихся избранных, для пустозвонных провозвестников малокалорийного отчаяния». Я считаю ее <оружием в борьбе за достойную человека жизнь на земле>. В своем романе я, в меру моих сил и способностей, показал торжество народной правды, наших ленинских идей, <торжество человека>, который хотя и попадает в трагическое положение по вине гитлеровцев и некоторых внутренних наших врагов, <но и гордо и честно исполняет свою миссию – миссию свободного строителя новой жизни, коммунистического общества>.

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо

случится. Вам нравится класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...

Следовательно, может идти речь <только> о мирном сосуществовании двух социальных систем. Вы – за мир, за мирное сосуществование капиталистического и социалистического миров? Так я Вас понял? Но мы тем более жаждем мира и нам тем более необходимо мирное сосуществование, <о котором с такой страстью и ясностью, везде и всюду, говорит Никита Сергеевич Хрущев>.

Советские литераторы могут дружить с Вами, но дружба будет истинной и полезной, <если Вы постараетесь правильно понять нас> и не станете хитрить, как теперь, рассылая текст своей речи и размноженное с помощью топографических машин, как бы написанное Вами от руки письмо...

В заключение еще раз скажу от себя лично: Ваш роман «Гроздь гнева» вселил в меня надежду, что Вы станете со временем одним из самых прогрессивных писателей капиталистического Запада, чтобы «разоблачать многие... прискорбные ошибки и неудачи» тех, кто пытается ввергнуть человечество в новую (и на этот раз – самую ужасную, атомную!) войну; чтобы «извлекать на свет... темные и опасные мечты» империализма «для их исправления»... (Ведь об этом Вы говорили в Стокгольме, верно?)

К моему большому окончанию, я вынужден прийти к выводу, что Вы стали еще большей знаменитостью, получив Нобелевскую премию, но в своем творческом и идейном развитии отстали даже от того Стейнбека, которого я когда-то полюбил за роман «Гроздь гнева». И меня может только подставить Ваша «философия», столь туманно (и, честно говоря, не очень умело) выраженная в речи, произнесенной в Стокгольме.

Кого Вы пытаетесь запугать рассуждениями о «всеобщем страхе» и «малокалорийном отчаянии»? Мы, советские литераторы, как и весь наш советский народ, ведомый в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией, <не испытываем никакого страха перед будущим>, как не испытывали его мой отец и его сверстники, участвовавшие в революциях 1905 и 1917 гг.

Страшно Вашим капиталистам, как было страшно и нашим царям, их верным слугам и прихлебателям, которые если не всегда понимали, то хотя бы почувствовали, что крах их владычества <неизбежен>. История подтвердила это!

Когда-то Максим Горький бросил клич: «С кем вы, мастера культуры?» Мне остается только повторить эти замечательные слова <нашего> (следовательно – и моего!) <великого предшественника>. А Вы пытаетесь мне навязать глупость, которую как-то высказал <Ваш> «великий предшественник Уильям Фолкнер», утверждавший, что «<Человечество проходит сквозь сумрачное и безнадежное, смутное время>».

Выбор! Время теперь – самое светлое, ясное и весьма обнадеживающее весь мир, хотя Ваши американские последователи бесноватого Гитлера и мутят воду на всей планете. События в Азии, Африке да и на самом американском материке говорят о том, что человечество все отчетливее видит пути <к счастливому будущему>, когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки <того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь> «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме.

Желаю Вам личного счастья и творческих удач!

Федор Кравченко

Член Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 1–14.

Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР

1. Дж. Стейнбек – Ф. Лурье

13 января 1964

Дорогая Фрида,

Мы давно собираемся написать о нашей благодарности и любви к Вам.

Мы вернулись домой перед самым Рождеством, но праздники и встречи с родными отняли столько времени, что мы не могли собрать-

ся, чтобы написать Вам раньше. Мы очень хотим, чтобы вы знали, как высоко мы ценим все, что Вы сделали для нас и знаем, как много было сделано Вами.

Эйлин просит передать, что очень скоро она пошлет Вам в подарок небольшой сувенир. Я не знаю, что она приготовила, и не могу выдать ее.

Передайте, пожалуйста, нашу большую благодарность всем нашим друзьям у Вас в стране. Большинству из них мы напишем, но человеческая память – вещь несовершенная, и мы, наверняка, можем забыть кого-нибудь из тех, кого хотели бы поблагодарить. Поэтому и здесь, Фрида, мы обращаемся к Вашей помощи; и давайте не будем терять друг друга из вида.

Мы очень высоко ценим Вашу дружбу и желаем Вам всего самого доброго в Новом году. Весьма искренне Ваш Джон

Перевод Г. Брейтбурда

2. Дж. Стейнбек – ленинградским писателям

январь 1964

Дорогие друзья!

Если бы я попытался написать письмо с выражением благодарности каждому из ленинградцев, любезно приветствовавших нас с женой во время недавнего приезда, то на это потребовалось бы несколько лет, и я, в конце концов, кого-нибудь пропустил бы и не мог бы поблагодарить тех, чьи имена я не узнал. Хотелось бы, чтобы Прокофьевы и Поповы узнали из этого письма, как высоко мы ценим их любезность и гостеприимство. Большое им спасибо. Но есть еще так много других, кого нам следует поблагодарить, что моя память не может охватить всех.

От утомления я захворал в Ленинграде и мгновенно, точно по волшебству, очутился в больнице, где мудрые руки врача определили болезнь и вооружили меня против нее. Хотелось бы сказать спасибо этим спокойным энергичным медикам; я знаю их лишь как людей в белых халатах, которые молча оказали мне помощь и затем ушли.

Я очень давно не был в Ленинграде, точнее – с 1936 года. За это время много произошло: были потрясающие невзгоды, было много героизма. И все же Ленинград стоит на месте и живет, город, подобный вечно обновляющемуся живому организму.

Мы отправились в Ленинград, чтобы встретить друзей, и мы их встретили. О, конечно, нашлось много поводов для споров и разногла-

сий (что вполне естественно), но, и высказав разные мнения, мы остались друзьями, потому что обширные пространства единодушия далеко перекрывали мелкие участки противоречий.

Итак, я очень надеюсь, что Союз писателей Ленинграда, возможно, шире обнарудует нашу благодарность, а вместе с тем и наши пожелания великого светлого будущего, а главное – нашу горячую надежду, что дружба наша будет развиваться, так как дружба народов вырастает из взаимопонимания отдельных людей. Общее возникает из частного. Мы ощутили теплоту, с которой вы нас встретили, и отвечаем тем же, посылая горячий привет Ленинграду. Ваш Джон Стейнбек

3. Дж. Стейнбек – К.М. Симонову

13 января 1964

Дорогие Константин и Лариса!

Вы знаете, я до сих пор не могу забыть Ваш маленький дом, стоящий в березовом лесу. Какое замечательное это место, как тепло в этом доме и какие сердечные люди там живут.

Мы довезли домой наш маленький кувшинчик с динамитом и вчера отведали его содержимое, все великолепно сохранилось. Интересно, успешно ли идет работа над Вашим романом, имеете ли Вы уже право выкурить набитую табаком трубку, лежащую на Вашем столе? Надеюсь, что это так. Меня охватила дрожь, когда я увидел, с каким вождением вы смотрите на эту трубку.

Нам кажется, что эта наша поездка была очень удачной и успешной, теперь вернулись домой и хотим одного – отдохнуть и восстановить часть сил, которые мы потратили, получая от жизни удовольствия – еду, вино, беседы и т.п.

Так приятно было встретиться с Вами после стольких лет. Я надеюсь, что наша следующая встреча произойдет скорее. Было бы очень приятно, если бы это случилось здесь, в нашей стране. Пожалуйста, имейте это в виду.

С самыми добрыми пожеланиями в Новом году Ваш Джон.

Только что получили чудесную книгу по керамике, не находим слов для благодарности.

Сопроводительная записка

М.Я. Аплетин – супруге К.М. Симонова Л.А. Жадовой

Дорогая Лариса!

Пересылаю Вам письмо, полученное от Джона Стейнбека. Как видите, книга Ваша добралась до них и доставила им огромное удовольствие. Было бы очень хорошо, если бы у Вас выдалось время ответить им. Высказывания Стейнбека после его отъезда из Советского Союза говорят о том, что он сохранил добрые, теплые воспоминания о своих друзьях, к числу которых он, естественно, относит и вашу семью.

Вместе с этим письмом посылаю Вам квитанцию на отправленные в Нью-Йорк телеграммы и девять рублей, оставшиеся от тех двадцати пяти рублей, которые Вы дали для отправки телеграмм. Сердечный привет Вам и Константину Михайловичу, и девочкам.

4. Дж. Стейнбек – А.Б. Чаковскому

13 января 1964

Дорогой Александр,

С большим опозданием мы хотим поблагодарить Вас за Ваше дружеское участие и помощь во время нашего недавнего пребывания в Советском Союзе.

Мы никогда не забудем прекрасный вкусный обед, которым Вы угощали нас и Ваши добрые ободряющие слова.

Примите нашу благодарность, поздравления и пожелания самого счастливого Нового года: надеемся снова встретиться с Вами.

Эйлин просит передать Вам личный привет и поздравления. Весьма искренне Ваш Джон Стейнбек.

5. Б.П. Полевой – Дж. Стейнбеку

October 1964

Dear friend,

I was very happy to receive your present – *Travels with Charley*. Unfortunately, my knowledge of English is limited and I keep on looking at the book as a cat would at hot porridge. However, my daughter Alyona, a medical student, knows English. She read it from cover to cover and judg-

ing how she smiled to herself at some parts, and how her expression kept on changing as she was reading it, I surmised that this work is a great success. Alyona fully agrees with me. I must say that the novel is already known to our English speaking public and is receiving favourable comments. I thank you for sending it to me.

At the *Yunost* editorial offices we keep on recalling with great warmth your visit, our talks and friendly discussion, which, as it seemed to me, was not as successful as it could have been, were you not accompanied by a diplomat. The diplomat was rather a nice fellow indeed, but a diplomat just the same. It is known the world over, and I can confirm it from my own experiences, that whenever an official person appears on the scene discussions become stiff and faces take on a polite and rubber-stamped smile. I have numerous friends among our diplomats and many of them are fine and clever people, but I never seek their services in my travels.

After the very “polite” discussion the boys and girls of the *Yunost* magazine approached me in embarrassment asking to convey to you their apologies and regrets for the way things have turned out.

Well, be it as it may, I hope that you will again visit our country where you have millions of devoted readers, and that we will have truly heart to heart talks and open and sharp discussions as befits writers who respect each other.

I anticipate to interest our publishers, among whom I have many friends, in your book and to read it in my own language soon.

I read the translation of your speech made in Sweden and I found it very profound and just. And though I have ideas of my own regarding the path leading to peace, I just the same fully agree with your conclusions. Together with you

I would like to cite the paraphrased expression by St. John the Apostle, a rather clever person, who said that: in «the end is Word and the Word is man – and the Word is with men». This aptly defines the writers’ place in modern society.

Both my wife and I are sending you and your wife our very best wishes. The entire editorial staff joins us in this. Sincerely yours, Boris Polevoy.

Публикация по источнику: РГАЛИ. Ф. 1373. Оп. 10. Ед. хр. 455.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 1–9.

**Переписка с Международным ПЕН-клубом
об участии в его работе советских писателей**

1. Дж. Стейнбек и Э. Олби – М.П. Бажану

October 20, 1964

Mykola Platonovich Bazhan
Union of Writers of the Ukraine
Kiev, USSR.

Dear Mr. Bazhan:

You have been in our thoughts ever since we visited the Soviet Union last fall, and John Steinbeck and I have been talking together to discover how it could be most satisfactorily arranged for you to visit us in the United States.

Perhaps the most lasting impression of our visit to the USSR is a renewed realization of the importance of direct, individual contacts with persons from other lands and cultures. Had there been more in the past, the course of relations between our two countries would probably have been very different.

We have discussed our travels and impressions with many of our colleagues since our return to America. We made a particular point of raising a matter with them which we had already discussed before we departed from the Soviet Union: We writers can perform an important service in the cause of peace and international understanding; it is moreover a service which we can perform on our own, without bothering with governments and official exchanges, and so forth. We can at least see to it that the writers of our two lands have an opportunity to know each other, to share their thoughts, to discuss their differences. And so we proposed to our colleagues that we invite writers from the Soviet Union to visit the United States as personal guests of the writers of America.

As we had expected, this proposal was enthusiastically supported. We therefore raised the matter with P. E. N., a writers' group with which we are both associated as Executive Board members. The American chapter has long played a useful role in entertaining foreign intellectuals and in fostering an exchange of views by intellectuals from all corners the world. The group also holds a series of meetings in which literary affairs are discussed in convivial circumstances. It also helps sponsor certain literary contests, translations, and other endeavors designed to stimulate cultural interchange. As a result of our

talks with the P. E. N. membership, it was agreed to invite a group of Soviet writers to visit the United States as guests of the American writers' community.

We therefore, on behalf of P. E. N., invite you to visit our country for a period of six weeks. We propose next spring as the most convenient time but if you can come now, that is all right with us too. If you do not feel that you can be free for the full six weeks, the a shorter period will be perfectly all right; however, we do feel that four weeks should be the minimum. The specific dates, of course, can be arranged to suit your convenience. Since there will be eight of you (we also inviting Vasiliy Aksenov, Yuriy Pavlovich Kazakov, Viktor Platonovich Nekrasov, Konstantin Mikhaylovich Simonov, Aleksander Volodin, Andrey Andreyevich Voznesenskiy, and Yevgeniy Aleksandrovich Yevtushenko), it may be more convenient for you to come in two groups of four; this would suit us just fine.

We will undertake to cover your round-trip transportation, hotel, and eating expenses for the voyage.

As for the program, we will arrange the details of that as soon as we know the dates you will be coming. We would like to arrange the trip essentially around meetings with American writers, but you must also see our universities, our cities, our countryside. Please do not hesitate to tell us what things especially interest you, so that we can take that into account in working out a program.

We have send separate invitations to each of the other persons in the group and also a letter to the Writers' Union asking their assistance in arranging the trip. If you feel we should write anyone else, please let us know.

Thanking you again for making our visit to the Soviet Union so pleasant and looking forward to seeing you in the spring, we remain,

Sincerely yours, John Steinbeck, Edward Albee.

2. Дж Фаррар – К.А. Федину

8 ноября 1964

К.А. Федину

Генеральному Секретарю

Союза Писателей СССР

Москва, СССР

Многоуважаемый Константин Александрович!

Я Вам написал письмо 28-го мая, в котором сообщал Вам о том, что шесть выдающихся Советских писателей были приглашены в Со-

единенные Штаты: Василий Аксенов, Юрий Павлович Казаков, Виктор Платонович Некрасов, Александр Володин, Андрей Андреевич Вознесенский, и Евгений Александрович Евтушенко. Они будут гостями не только Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, но и всей группы Американских писателей, представителем которой является их общество, американский ПЕН Клуб. Было предложено гостям провести шесть недель в Соединенных Штатах, начиная с 1-го сентября 1964 г. В моем письме я обращался к Вам с просьбой сделать все возможное, чтобы осуществить это предложение.

Нас очень обрадовали ответы от некоторых приглашенных, в которых они писали, что получили приглашение и надеются, что смогут приехать. Было очень печально узнать от Александра Володина, что он не сможет приехать осенью.

Вы можете себе представить наше смущение и недоумение, когда никаких более определенных ответов не последовало даже 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей! Признаться, я не понимаю, как это могло случиться! Гг. Стейнбек и Олби думают, что мы плохо рассчитали и оставили мало времени между приглашением и начальным числом самого визита – особенно если принять во внимание летние месяцы, когда все вообще идет не совсем по порядку.

Потому они сейчас посылают каждому из шести писателей отдельное письмо, в котором предлагают отложить поездку до весны – если у писателя нет возможности приехать этой осенью. Они также посылают приглашения еще двум писателям, Константину Михайловичу Симонову и Мыколе Платоновичу Бажану.

Мы сообщили тем организациям и частным лицам, которые проявили интересе и желание поучаствовать в этом проекте, что наши планы откладываются до весны. Несомненно, это вызовет недоумение и досаду, но я думаю, что никаких серьезных последствий не будет, так как мы с самой начальной разработки планов говорили всем заинтересованным лицам, что установить точное число приезда гостей пока невозможно, и советовали им не строить никаких определенных планов.

Я верю и надеюсь, что эта отсрочка даст нам возможность получить более определенные ответы, и что приглашенные писатели смогут приехать будущей весной. Еще раз хочу сказать, что я был бы чрезвычайно благодарен за любую помощь, которую Вы лично могли бы оказать по осуществлению нашего плана.

С совершенным почтением, Джон Фаррар, Президент.

Л. И. Казакова (Жданова)

3. Г.М. Марков – Дж. Фаррару

28 ноября 1964

Г-ну Джону Фаррару

Президенту Американского ПЕН-центра

Уважаемый господин Фаррар,

Извините за то, что Ваше письмо от 28 мая, в котором Вы приглашали в США Василия Аксенов, Юрия Казакова, Виктора Некрасова, Александра Володина, Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко, оставалось столь долго без ответа. Константина Александровича Федина сейчас нет в Москве и, чтобы не затягивать на этот раз ответа на Ваше второе письмо, я пишу Вам вместо него.

Дело в том, что каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят – очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию.

Я полагаю, однако, что некоторые из названных Вами писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США. Мы будем заниматься этим вопрос и в ближайшее время сообщим Вам, кто из писателей и когда может принять Ваше любезное приглашение.

Я прошу Вас заверить гг. Джона Стейнбека и Эдуарда Алби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение.

С уважением, Георгий Марков, Секретарь Правления Союза писателей СССР.

Публикуется по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Дж. Стейнбек и Э. Олби входили в состав Исполнительного комитета Американского отделения Международного ПЕН-клуба.

Е. Евтушенко

Открытое письмо Джону Стейнбеку

Все честные люди в мире возмущены новыми варварскими налетами американской авиации на мирные города Вьетнама. Никогда нельзя объяснить какими бы то ни было политическими причинами, когда под

бомбами гибнут ни в чем неповинные дети. Как писал Пастернак в своей «Страшной сказке»:

Настанет новый лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

Я люблю американский народ, у меня много друзей в Америке, и я знаю, что сейчас они исполняют свой национальный и интернациональный долг, выступая против войны во Вьетнаме. Эти люди не враги, а патриоты Америки, ибо сущность истинного патриотизма заключается в том, чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации. И я, как и весь советский народ, протягиваю руку через океан студентам, рабочим, ветеранам войны, представителям науки и искусства, выступающим за мир во Вьетнаме, – подлинным патриотам Америки и подлинным интернационалистам, выполняющим заветы братства, оставленные им Уолтом Уитменом и Робертом Фростом.

Но еще не все мои друзья, не все честные люди Америки подняли свой голос против убийства вьетнамских детей, видимо, считая свое вмешательство либо бесполезным, либо роняющим престиж собственной нации. Но уровень престижа нации – это уровень совести нации, и тот, кто молчит во время преступлений, роняет престиж нации. Так учит история.

И я обращаюсь с письмом в стихах к одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться.

Когда-то на встрече с молодыми писателями в редакции «Юности» Стейнбек сказал нам: «А ну, волчата, покажите зубы...»

Джон Стейнбек,
милый, добрый старый Джон,
давайте пиджаки, как прежде, снимем
и, несмотря на строгость наших жен,
стаканы с виски или водкой сдвинем.
Вы тот же.
По-крестьянски кость крепка.
Лицо от виски и ветров багрово,
с таежной бородой лесника,
с хитрющими глазами рыболова.

Л. И. Казакова (Жданова)

Вы знаете в крючках на души толк,
и нам, в России,

нарочито грубо

сказали Вы,

лукавый тертый волк:

«А ну, волчата,
покажите зубы!»

Среди смущенной общей тишины
Вы ждали.

Улыбались Вы невольно.

И – девочке одной:

«Вот вы грустны.

Скажите Джону – чем вы недовольны?»

А та –

раскосый татарчонок-плут,
степной волчонок,

выученный степью:

«Мои права вчера забрал ОРУД,
от этого и грустно, мистер Стейнбек...»

Джон Стейнбек,

милый добрый старый Джон,

мы любим Вас

за то, что нам не льстили.

Боюсь я впасть бестактно в ложный тон,
когда пишу в эпистолярном стиле.

Мой старый Джон,

не мне Вас поучать,

а мне у Вас учиться и учиться.

Но Вы учили сами не молчать.

Мы не молчим –

я смею поручиться.

Джон Стейнбек,

мы горды своей страной,

но не волнуйтесь,

в гордости разумны,

мы нашей дряни –

нашей всяческой дрянной –

еще и как! –

показываем зубы.

J. Steinbeck
An Open Letter to Poet Yevtushenko
(Дж. Стейнбек
Открытое письмо поэту Евтушенко)

My dear friend Genya:

I have just now read those part of your poem printed in the New York Times. I have no way of knowing how good the translation is, but I am pleased and flattered by your devotion.

In your poem, you ask me to speak out against the war in Vietnam. You know well how I detest all war, but for this one I have a particular and personal hatred. I am against this Chinese-inspired war. I don't know a single American who is for it. But, my beloved friend, you asked me to denounce half a war, our half. I appeal to you to join me in denouncing the whole war.

Surely you don't believe that our "pilots fly to bomb children," that we send bombs and heavy equipment against innocent civilians? This is not East Berlin in 1953, Budapest in 1956, nor Tibet in 1959.

You know as well as I do, Genya, that we are bombing oil storage, transport and the heavy and sophisticated weapons they carry to kill our sons. And where that oil and those weapons come from, you probably know better than I. They are marked in pictograph and in Cyrillic characters.

I hope you also know that if those weapons were not being sent, we would not be in Vietnam at all. If this were a disagreement between Vietnamese people, we surely would not be there, but it is not, and since I have never found you to be naïve you must be aware that it is not.

This war is the work of Chairman Mao, designed and generated by him in absentia, advised by Peking and cynically supplied with brutal weapons by foreigners who sent it up. Let us denounce this also, my friend, but even more, let us together undertake a program more effective than denunciation.

I beg you to use your very considerable influence on your people, your government, and on those who look to the Soviet Union for direction, to stop sending the murderous merchandise through North Vietnam to be used against the South.

For my part, I will devote every resource I have to persuade my government to withdraw troops and weapons from the South, leaving only money and help for rebuilding. And, do you know, Genya, if you could accomplish your part, my part would follow immediately and automatically.

But even this is not necessary to stop the war. If you could persuade North Vietnam to agree in good faith to negotiate, the bombing would stop instantly. The guns would fall silent and our dear sons could come home. It is as simple as that, my friend, as simple as that, I promise you. I hope to see you and your lovely wife Galya soon.

With all respect and affection, John Steinbeck

Источник: Newsday. 1966. July 11. P. 3.

И вот Стейнбек нарушил молчание...

В номере «Литературной газеты» от 7 июля 1966 года опубликовано письмо Евгения Евтушенко известному американскому писателю Джону Стейнбеку.

Советский поэт призывает Стейнбека, которого он лично знает, выступить против варварских налетов авиации США на мирные города и села Вьетнама, нарушить молчание и присоединиться к голосам протеста американских деятелей культуры, решительно осуждающих позорную агрессию против вьетнамского народа.

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете «Ньюсдей» на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках.

Мы предлагаем вниманию наших читателей с некоторыми сокращениями ряд высказываний зарубежных газет по поводу позиции Стейнбека.

The Worker. «Падение Стейнбека»

Джон Стейнбек доказал, что советский поэт Евгений Евтушенко был прав, адресовав этому американскому писателю полемическое стихотворение, в котором критиковал его за молчание по поводу грязной войны, которую ведет президент Джонсон во Вьетнаме.

Евтушенко вынудил Стейнбека нарушить молчание и выявить себя как сторонника политики Джонсона во Вьетнаме. Чтобы оправдать себя,

автор «Гроздьев гнева» решил не считаться с фактами. Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаясь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу.

Стейнбек утверждает, что эта война продолжается только потому, что Советский Союз и Китай помогают вьетнамским патриотам. Но ему хорошо известно, что эта помощь была оказана только после того, как Джонсон направил крупные военные силы, осуществив незаконное и морально неоправданное вторжение в Южный Вьетнам.

Стейнбек риторически заявляет: «Конечно, вы не верите, что наши летчики летают бомбить детей...» Единственное, что следует сделать Стейнбеку – это читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»...

Le Monde. «Синяки да шишки»

Отвечая Евтушенко относительно американского вмешательства во Вьетнаме, Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня».

Ведь, в конце концов, именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы...

Ответ вызывает разочарование, но его можно было ожидать. Когда слишком рано собирают «гроздьев гнева», то, как правило, получают терпкий сок, который набивает оскомину. А если собирать их слишком поздно, то очень часто рискуешь получить – увы, бедный Стейнбек – одни только синяки да шишки.

L'Humanité. Андре Вюрмсер. «Причины гнева»

... Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Романа Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева».

«Я ненавижу все войны», – пишет он. – Но к этой войне я питаю особую ненависть. Я – против этой войны, инспирированной китайцами, и я не знаю ни одного американца, который благожелательно относился бы к ней».

Но это чересчур уж неразумно. Спрашивается, кто в нарушение Женевских соглашений вторгся во Вьетнам: китайская армия или американская армия? И если американцы являются противниками войны, которая никогда не началась бы, если бы они ее не развязали, то кто же вершит делами в Соединенных Штатах Америки?»

«Но, мой дорогой друг, – продолжает американский романист, – вы просите меня изболбить половину войны – нашу половину. Я же призываю вас изболбить вместе со мной всю эту войну».

Здравый смысл подсказывает – еще до того, как это сказал Евтушенко, – что изболбить «всю эту войну» – означало бы изболбить как агрессивную, американскую «половину», так и оборонительную, вьетнамскую половину, изболбить и вторжение чужеземцев извне, и сопротивление этому вторжению. Уже более 20 лет тому назад мы слышали, как вишийские министры сожалели подобным образом «обо всей этой войне», которую вели нацистские оккупанты и «маки». Изболбил ли тогда Стейнбек «всю эту войну»? Да и зачем осуждать «все» – ведь если бы американская «половина» ушла из Вьетнама, то войны не было бы вообще.

«Конечно, вы не верите, – пишет также Стейнбек, – что наши летчики летают бомбить детей». (Но не все ли равно, зачем они летают, если их бомбы убивают детей? И может ли Стейнбек видеть снимки госпиталя для детей, сожженных напалмом, и не верить этим снимкам?) «Вы не можете верить в то, что мы используем бомбы и тяжелое оружие против мирных, ни в чем не повинных жителей», – продолжает он.

Какие требуются аргументы, чтобы убедить Стейнбека, что эта война не является половиной преступления? И скажет ли он завтра, что его летчики уничтожили вьетнамские дамбы, чтобы потопить исключительно тяжелое оружие и нефтяные склады?

«Вы знаете так же хорошо, как и я, – осмеливается продолжать он, – что мы бомбардируем склады с горючим и тяжелое современное оружие, которое они используют, чтобы убивать наших детей». Во Вьетнаме, оказывается, убивают американских детей!

Я хорошо понимаю, что Стейнбек хочет сказать «наших сыновей», потому что его сын сражается против вьетнамского народа.

«Счастливы те, – сказал Пеги, – кто погиб в справедливой войне». Несчастливы те отцы, чьи сыновья рискуют жизнью на войне несправедливой, отцы, которые настолько утратили всякий здравый смысл, что, говоря о детях, убитых во Вьетнаме тяжелым оружием, они имеют

в виду... солдат янки. Горе отцам, которые в тот самый день, когда Макнамара объявляет о расширении бомбардировок Северного Вьетнама, просят Евтушенко «употребить свое влияние, чтобы прекратилась отправка смертоносных снарядов в Северный Вьетнам» и чтобы Вьетнам «вступил в переговоры со всей искренностью».

Но, спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...

Томас Манн и все сколько-нибудь известные немецкие деятели культуры осудили гитлеровскую агрессию. Джон Стейнбек одобряет американскую агрессию. Его талант обязывает его защищать мир, а он поддерживает эскалацию, генералов, финансистов и тресты, которых эта война защищает.

Американцы в Париже, которые протестовали против войны во Вьетнаме 4 июля перед своим посольством, те, кто в самих Соединенных Штатах приспустил в этот день флаги в знак траура, более достойны своей родины. Беда заключается в том, что эти ученые, эти простые люди, искренность которых Стейнбек не может ставить под сомнение, столь малочисленны. И на обращение Евтушенко им приходится отвечать так: «Не отчаивайтесь ни в мире, ни в независимости народов, ни в американском народе, если даже Стейнбек дает вам повод отчаиваться в них».

Источник: Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4. В газете помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках и подпись: «Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжело раненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал "Лайф". Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны».

С. Кондрашов Перо, отданное Пентагону

Нью-Йорк. 9 января 1967

Среди американской пишущей братии в Южном Вьетнаме, из которой комплектуется вспомогательная пропагандистская служба захватчиков, появился недавно один новый доброволец. Он быстро превзошел многих своих коллег в смысле повторения всего, что подсовывают и показывают генерал Уэстморленд и его пресс-помощники в хаки. Его ненависть к партизанам также необузданна, как и его восторг перед американскими солдатами, которых он поднял на высоту благородных суперменов. Его политическая философия где-то на уровне наемных антикоммунистов из херстовских бульварных газет, хотя и пишет он не для мистера Херста, а для малоизвестной, но преуспевающей газеты «Ньюсдей», издающейся под Нью-Йорком.

Вот последние три «письма к Алисии», то есть бывшей издательницы газеты А. Паттерсон, опубликованные в субботу. Первое – с американской базы в Плейку. Это идиллическая картинка южновьетнамского поселения, очастливленного постоем тысяч американских солдат: «Получив стимул от пребывания войск, бизнес растет как грибы – прачечные, базы, лавчонки...». Другие американские корреспонденты замечали в Плейку и даже показывали на телеэкране несчастных детей, роющихся в отбросах, среди гор консервированных банок, выпотрошенных американцами, жалкие лачуги вьетнамских семей. Автор «Ньюсдей» не видит всего этого, зато живописует о том, как он был приглашен на чай генералом Вин Локом, командующим 2-м корпусом марионеточной армии: «Его штаб выглядит как дворец и очень красив, и, мне думается, что никогда больше я не попробую такого изысканного чая, как тот, которым он меня угостил». Мы узнаем, что генерал Вин Лок – «титулованный принц», «эксперт в области истории и культуры» горных племен и знаток английского языка, «столь же ароматного, как его чай».

Второе письмо написано после рейда на военном вертолете в районе Плейку. Письмо написано, как признает автор, в экстазе, который невозможно было удержать. От чего же экстаз? «Я видел их руки и ноги на рычагах управления. Точность координации напомнила мне об уверенных внешне медлительных руках виолончелиста Казальса... Поймете ли вы эту мгновенную вспышку гордости, которую испытываешь

лишь оттого, что принадлежишь к тем же особям, что и эти люди? Мне кажется, что это чувство прямо противоположно той дрожи стыда, которую я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, их грязные одежды, грязные умы...» Автор прибегает к жаргону бэрчистов: вьетники – это их кличка для противников войны.

В третьем письме, отправленном из Сайгона, корреспондент «Ньюсдей» переходит к обобщениям. Он не стесняет себя в выражениях, его ненависть брызжет через край, она почти неприлична. Многие его коллеги, пообтесавшись в джунглях, пришли, несмотря на всю их «лояльность», к выводу, что в Южном Вьетнаме имеет место гражданская война и что Армия освобождения связана с народом теснейшим образом. Корреспондент «Ньюсдей» называет эти факты, признанные даже Вашингтоном, «чистым дерьмом собачьим». Партизаны для него – «бандитская мафия», их оружие – «террор и пытки». Обращаясь к своим критикам в США, которые шлют ему «письма ненависти», он пишет: «Упрощать так упрощать, товарищи. Чарли – просто сукин сын». Он, как видно, любит жаргон не только бэрчистов, но и солдатни. Чарли – это бойцы Армии освобождения.

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям»? Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войны. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии. Снарядную гильзу, как сувенир на память, он хочет взять домой. Ему позволили пальнуть, он охотно позволяет себя фотографировать. Его письма иллюстрированы в газете фотографиями: вот Стейнбек позирует у миномета, вот он выходит из вертолета, вот он склонился над военной картой.

Что же произошло со Стейнбеком? Некоторые дают такое объяснение – он не мог занять другой позиции, потому что сын его служит в американских войсках во Вьетнаме. Наивное объяснение, выдающее следствие за причину! Причина в другом. Как кардинал Спеллман, благословляющий заокеанских убийц на «войну до победы», писатель Стейнбек верен старому принципу американских шовинистов: «Это

моя страна – права она или не права». Этот принцип привел его в духовный лагерь империализма, а теперь и к отвратительным «письмам Алисии». Его голоса никогда не было слышно в антивоенных протестах, он не звучал вместе с голосами американских интеллигентов, осудивших грязную войну. Не их ли он имеет в виду, обрушивая презрение на «вьетников» в грязной одежде и с «грязными умами»? Напалм и бомбы не присутствуют в его письмах в «Ньюсдей» потому, что он всегда был за бомбежки ДРВ: он говорил вашему корреспонденту об этом еще в марте 1965 года, через месяц после начала бомбежек.

У Стейнбека не отнимешь откровенности. В Сайгоне он заявил: «Я никогда не испытывал симпатии к невинным созерцателям. Если нужно, я хочу быть созерцателем виновным». Он стал таковым, замарав себя в грязи несправедливой войны.

Приобретение для Пентагона, потеря для американцев с чистой совестью!

Источник: Известия. 1967. 9 января. С. 5. С.Н. Кондрашов – соб. корр. газеты «Известия» в США (ноябрь 1961–июнь 1968, октябрь 1971–декабрь 1976)

Я. Засурский **Умер Стейнбек**

20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX вена. Всемирную известность ему принес роман «Гроздь гнева», само название которого подчеркивало его острый социальный смысл. Сага о Джоудах, фермерах из Оклахомы, разоренных банками, корпорациями и земельными магнатами, рассказала о нарастании гнева и острой ненависти американского народа к угнетателям. Не случайно после выхода в свет книги в 1939 году один из критиков писал, что «каждый ее абзац может быть воспринят как чрезвычайно революционный и богохульный большинством из тех, кто прочтет его». Никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства.

Творческий путь Джона Стейнбека, был сложным и неровным. Роман «Зима тревоги нашей», изданный в 1961 году, вновь заставил говорить о нем как о настоящем мастере литературы. В 1962 году Шведская

Приложение

академия присудила Стейнбеку Нобелевскую премию, отметив в его произведениях «юмор и интерес к социальным проблемам, глубокую симпатию ко всем угнетенным». Сам Стейнбек, принимая премию, сказал: «Человечество обрело гигантскую силу, равную только той, что, как считалось прежде, находилась во власти всемогущего бога. В нас самих мы должны искать теперь понимание ответственности и мудрости, обладание которой в наших молитвах мы приписывали некогда одному только богу».

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправоное дело.

Источник: Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

Дата поступления в редакцию:	10.08.2023	Received:	10.08.2023
Дата публикации:	25.12.2023	Published:	25.12.2023